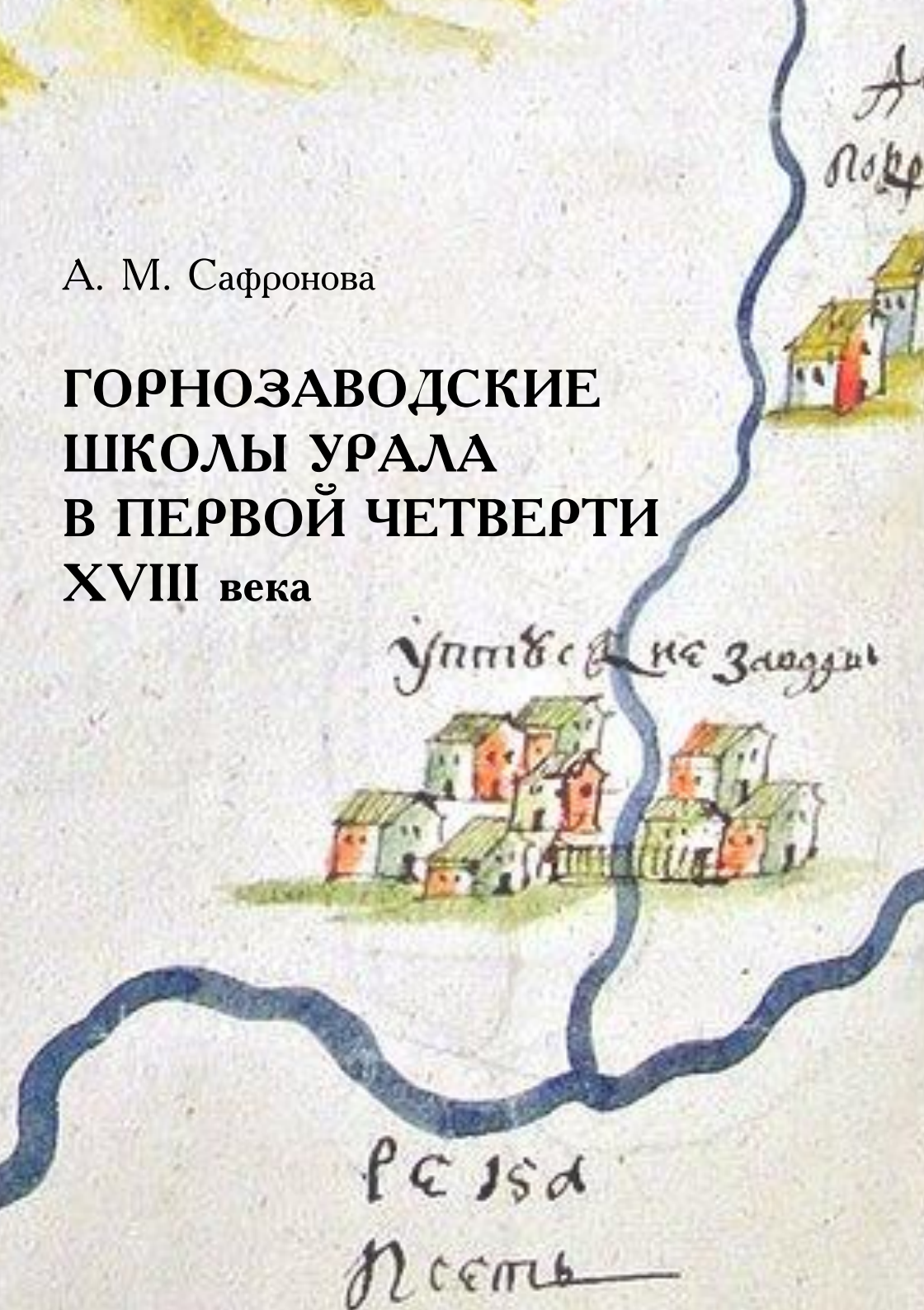

А. М. Сафронова

**ГОРНОЗАВОДСКИЕ
ШКОЛЫ УРАЛА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII века**

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

А. М. Сафронова

ГОРНОЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII века

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 94(470.5)
ББК Т3(235.554)–7
С 218

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
О. Е. Кошелева;

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
Д. А. Редин

Сафронова А. М.

Горнозаводские школы Урала в первой четверти XVIII века. Монография / А. М. Сафронова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 205 с. – Текст : электронный. ISBN 978-5-7996-3585-5

Монография является специальным исследованием, посвященным истории первых словесных школ Урала, открытых в 1721 г. по инициативе начальника заводов В. Н. Татищева при Уктусском и Алапаевском заводах и в приписных слободах, а также арифметических школ при Уктусском заводе и в городе Кунгуре. Раскрывается роль Татищева в регламентировании основ их деятельности, формировании корпуса учителей, оплате их труда, реконструируется состав учащихся: школ: количественный, возрастной, социальный; ставится вопрос о пространственной и социальной мобильности детей, взятых учиться из дальних мест. Рассматривается политика Берг-коллегии, уральского начальства по организации коллективных приемов детей в эти школы, вопрос о материальной поддержке сирот и детей, поиске учителей, обеспечении школ помещениями, учебными пособиями, инструментами. Особое внимание уделяется роли этих школ в модернизации экономики края, подготовке специальных кадров путем обучения у иностранных специалистов.

Издание предназначено для историков, культурологов, преподавателей вузов и школ, студентов, всех, интересующихся историей культуры и просвещения Урала и России.

УДК 94(470.5)
ББК Т3(235.554)–7

ISBN 978-5-7996-3585-5

© Сафронова А. М., 2022
© Уральский федеральный университет, 2022

ВВЕДЕНИЕ

В России в начале XVIII в. в условиях создания регулярной армии и военно-морского флота, новой системы государственного управления, подчинения церкви государству большое внимание стало уделяться формированию государственных школ, призванных обеспечить нужды страны в квалифицированных специалистах. В Москве открывается целый ряд таких учебных заведений: в 1701 г. — Школа математических и навигацких наук, Артиллерийская школа при новом Пушечном дворе. При Посольском приказе начинают готовить переводчиков иностранных языков, в 1703 г. их переводят в гимназию Глюка с широкой программой обучения иностранным языкам и общеобразовательным предметам, вскоре преобразованную в четыре иноязычных школы¹. В 1707 г. в Москве открывается школа при сухопутном госпитале, положившая начало формированию госпитальных школ и училищ, выпустивших к концу XVIII в. около 2 000 врачей². В 1712 г. открывается Инженерная школа, предназначенная для 100—150 учеников, из них — 2/3 дворян³.

Крупный центр образования формируется в новой столице, Санкт-Петербурге: в 1715 г. открывается Морская академия, с 1721 г. действует Инженерная школа, в 1723 г. объединенная с Московской инженерной⁴. Поскольку дворяне не очень охотно шли в эти учебные

---

¹ См.: Белокуров С. С., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907. № 1. С. 9—244; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998.

² См.: Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959. С. 3.

³ См.: Бенда В. Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 29—35.

⁴ Бенда В. Н. Роль Я. В. Брюса в развитии артиллерийско-инженерных школ в первой четверти XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 124.

заведения, в них привлекались и разночинцы, дети солдат и других низших сословий. Эти учебные заведения сыграли выдающуюся роль в подготовке квалифицированных специалистов, которые нашли широкое применение не только на военно-морском поприще, но и в различных сферах экономики, например, выпускниками этих учебных заведений комплектовались кадры уральских казенных заводов, из них выросли крупные специалисты горнозаводского дела, члены администрации заводов, горные офицеры¹. В свою очередь бывшие столичные «школьники» на Урале были использованы и в качестве учителей в первых арифметических школах, причем поначалу — по совместительству с выполнением основных заводских специальностей, так как, кроме них, некому было поручить это важное дело.

В первой половине XVIII в. издается целая серия законов об открытии школ начального уровня, словесных, арифметических, предназначенных для детей различных социальных категорий. Государство, заинтересованное в реформировании и этой сферы жизни России, в распространении грамотности, обучении основам математики как можно более широких слоев населения, понимало, что стране нужны и грамотные солдаты, и матросы, и заводские мастеровые, и торговцы. Поэтому именно государственная власть выступала в качестве инициатора открытия школ для обучения подьячих, цифирных школ для обучения детей различных социальных категорий арифметике, гарнизонных школ — для обучения детей солдат, адмиралтейских — для обучения детей матросов, плотников и других работников верфей, находящихся в ведении Адмиралтейской коллегии. На основе Духовного регламента 1721 г. православная церковь приступила к формированию своей системы учебных заведений: начальных архиерейских школ и средних — семинарий, для подготовки будущих служителей церкви.

В контексте этой политики Петра I по развитию образования в России с 1721 г. начинает формироваться и первая сеть словесных и арифметических школ горного ведомства при казенных заводах Урала. Они положили начало существованию одного из крупных видов начальных школ России первой половины XVIII в. с демократическим составом учащихся и сыграли важную роль

---

¹ См.: *Цеманкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб., 2022.

в модернизации уральской промышленности. Заслуга в их организации принадлежит В. Н. Татищеву, первому начальнику казенных заводов Урала, отправленному Берг-коллегией в 1720 г. для поиска руд и строительства новых заводов на территории края. В ведении Берг-коллегии в 1720 г. находилось тогда два завода — Уктусский и Алапаевский, Каменский завод перешел из ведения Сибирской губернской власти к горному ведомству лишь в феврале 1723 г.

В. Н. Татищев, прибыв с командой в Кунгур 30 июля 1720 г., по своей инициативе, не дожидаясь разрешения Берг-коллегии, создал в Кунгуре первый в России региональный орган управления заводами, Канцелярию горных дел, подчиненную Берг-коллегии, и уже 13 сентября в первом доношении в коллегию поставил вопрос о необходимости подготовки собственных кадров для заводов, положив тем самым начало открытию двух арифметических школ, а переведя Канцелярию 30 декабря 1720 г. на Уктусский завод, в феврале 1721 г., разработал первый программный документ об открытии и деятельности словесных школ при заводах и в приписных к ним слободах, причем до получения санкции Берг-коллегии.

Период, когда молодой капитан В. Н. Татищев в возрасте 34 лет непосредственно возглавлял руководство уральскими заводами, был кратким — с июля 1720 г. по март 1722 г., но крайне результативным в отношении организации школ. Татищев успел сделать очень многое, несмотря на то что в январе 1722 г., выехав для решения дел в Москву для встречи с президентом Берг-коллегии Я. В. Брюсом, вернулся уже отстраненным от руководства заводами из-за жалобы, поданной на него А. Демидовым. Но и под началом нового главы заводов, генерала В. И. Геннина, Татищев продолжал выполнять отдельные его поручения и не переставал участвовать в решении ряда важных вопросов школьной жизни. После получения известия о снятии с него вины по жалобе А. Демидова в октябре 1723 г. В. Н. Татищев был определен главным членом Обер-бергамта¹. Им был разработан новый программный документ — Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову. Глава 11 «О школах и учении детей» из него, по сути, стала программой развития школьного дела при всех четырех казенных заводах Урала, и в первую очередь при новом

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 21 об.

Екатеринбургском заводе, за три недели до пуска его в действие. Этот Наказ был подписан В. И. Генниным и являлся руководящим документом для заводского комиссара, представлявшего среднее руководящее звено, подчиненное уральскому начальству и одновременно руководившее подведомственными заводскими конторами.

Важно раскрыть историю первых горнозаводских школ и личный вклад В. Н. Татищева в регламентацию их деятельности, тем более что в отношении уральских школ, в отличие от других видов начальных школ России, это делалось не на законодательном уровне, а путем разработки программных нормативных актов Татищевым. Это был его первый опыт по регламентации школьного дела на Урале, первое выражение его взглядов как будущего выдающегося деятеля Просвещения в России первой половины XVIII в. В этом контексте особый интерес представляют практические шаги Татищева по претворению этих норм в жизнь, организации деятельности школ.

В литературе имеются лишь отдельные данные о первых школах, открытых горным ведомством при заводах и приписных к ним слободах. Н. К. Чупин отмечал, что «едва ли не важнейшей услугой, которую Татищев оказал Уральскому краю, было заведение школ, до него вовсе там не существовавших». Он кратко передал содержание отдельных пунктов Наказа 1721 г., не указав его названия, сообщил о привлечении дьячков в качестве учителей, назначении жалованья школьникам в 1721 г. Н. К. Чупин указал, что арифметические школы были открыты на Уктусе и в Кунгуре, назвал фамилии их учителей, число первых учащихся, отметил попытку Татищева привлечь в Кунгурскую школу детей духовного ведомства¹. Н. В. Нечаев упомянул об учителе-дьячке Уктусской школы, сообщил о стремлении Татищева привлечь в школы детей дворян, привел данные о социальном составе учащихся Кунгурской школы². В. И. Будрин кратко передал содержание «инструкции» Т. Бурцеву и

---

¹ Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских Ведомостей в период 1842—1881. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 60, 80.

² Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М., 1944. С. 89, 52—53, 56.

назвал с некоторыми искажениями имя учителя на 1723 г.¹ Автором этой книги были приведены данные о датах открытия первых школ, фамилиях учителей, опубликована инструкция учителю Кунгурской школы, раскрыт вопрос о политике В. Н. Татищева по привлечению детей духовенства в школы в начале 1720-х гг.² В 2022 г. опубликованы статьи о первых словесных и арифметических школах Урала, действовавших в 1721—1725 гг.³

В 2021 г. исполнилось 300 лет с основания первых государственных школ при казенных заводах Урала — словесных и арифметических. Учитывая недостаточность сведений в имеющейся литературе об этих школах, мы решили посвятить их истории книгу, рассмотреть обстоятельства открытия этих школ, раскрыть роль Берг-коллегии и начальника казенных заводов В. Н. Татищева в их организации, политику уральского горного начальства в целом, участие среднего звена руководства — заводских комиссаров, управителей заводов по отношению к школам, учителям и учащимся.

Специальное внимание мы уделили молодому поколению уральцев, ставших учениками этих учебных заведений, забравшихся властями с обширной территории. Постарались проследить, насколько это позволяли источники, коллективные наборы детей и зачисление отдельных лиц; реконструировать количественный и социальный состав учащихся, установить, хотя бы приблизительно, общее количество детей, прошедших через каждую из этих школ.

---

¹ Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45—98. С. 45—46.

² Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург, 2014. С. 285, 288—290; Сафронова А. М. Инструкция В. Н. Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 95—98; Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. С. 59—75.

³ Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 482—496. Сафронова А. М. Первые арифметические школы Урала (1721—1725) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2022. Т. 24. № 1. С. 118—132.

Особое внимание мы уделили вопросу материальной поддержки учащихся, размерам их жалованья, выяснению того, каков был удельный вес получавших его среди общей массы учеников, насколько своевременно власти назначали и выдавали это жалованье.

Важными составляющими являются вопросы об учителях: источниках формирования их состава, их социальном происхождении, оплате труда, различиях в оплате труда учителей словесных школ и арифметических, количестве часов пребывания в школе, степени интенсификации их труда. Специальное внимание мы уделили учебным пособиям, используемым в школах, их составу и степени обеспеченности ими учеников, материалу для письма, наличию инструментов для обучения геометрии, в целом, материальному миру школ.

В первой половине 20-х гг. XVIII в. отдельные голоса учителей, учащихся, их родителей раздавались еще редко и негромко, мы постарались учесть их и донести выраженные в них просьбы и желания, оформленные в виде доношений и челобитных, зафиксированные в допросных речах школьников.

При этом мы попытались показать место горнозаводских школ Урала среди других видов начальных учебных заведений, формировавшихся в первой четверти XVIII в. Не претендуя на полноту, сравнить результаты усилий различных ведомств страны по организации этих учебных заведений, решению вопросов приема детей, их материального содержания, определения казенного жалованья учащимся, набора учителей и, конечно, программ обучения. Особый интерес для нас представляет вопрос о том, каков был удельный вес детей, забиравшихся в школы по сравнению с теми, что оставались вне их стен.

Источниками для нашего исследования в отношении горнозаводских школ послужили в основном архивные документы, выявленные в РГАДА в фонде Берг-коллегии и отложившиеся в фонде Уральского горного управления в ГАСО. Это доношения начальников заводов В. Н. Татищева и В. И. Геннина в Берг-коллегию, протоколы и указы Берг-коллегии с решениями, принятыми по ним; приговоры и указы уральского начальства. Уральский орган управления заводами неоднократно менял свое название и местопребывание — Горных дел канцелярия, действовавшая в Кунгуре (1720 г.) и на Уктусе (с января 1721 г.); на Уктусе — Сибирское горное начальство (январь—март 1722 г.), Сибирское высшее горное начальство (март—декабрь 1722),

Обер-бергамт (1721 — июль 1723 г.), с 1 августа переехавший на Исетские заводы — будущий Екатеринбург и с декабря 1723 г. называвшийся Сибирским обер-бергамтом¹. В целях упрощения изложения мы будем называть эти органы и обобщенным термином — Канцелярией, уральским начальством.

Уральским начальством принимались основные нормативные документы, рассылавшиеся по заводским конторам в виде указов, касавшиеся подготовки к открытию школ, назначения в них учителей, оплаты их труда, приема учеников, организации учебного процесса и т. д. В Канцелярии сосредотачивалась учетная документация, фиксирующая приход и расход денежных средств и припасов, купленных для учебных заведений, сюда стекались ведомости об успехах учащихся школ, переписи детей школьного возраста. Сюда поступали доношения заводского комиссара, заводских контор, учителей по самым разнообразным вопросам текущей жизни школ. В Канцелярию, зачастую минуя низовые учреждения, обращались с прошением учителя, учащиеся, их родители. Особую часть дел составляла входящая документация вышестоящих учреждений — указы Берг-коллегии о школах, переписка с вятским воеводой, Сибирской губернской канцелярией, Архиерейским приказом.

Наряду с уральской Канцелярией, осуществлявшей общее руководство школами, непосредственный контроль за ними по месту их действия вели подчиненные заводские конторы. Особое значение для нас имеют документы Екатеринбургской заводской конторы за 1723—1725 гг., являвшейся промежуточной инстанцией между подчиненными ей заводскими конторами и уральской Канцелярией.

Самостоятельные комплексы школьной документации стали формироваться и при самих учебных заведениях. Судя по «сдаточным» описям документов, составленным по случаю смены учителей в 1724, 1741 гг.², школьные архивы включали указы уральской Канцелярии, заводских контор учителям, инструкции, которыми учителя должны были руководствоваться в своей деятельности. Здесь откладывались «сдаточные» описи школьного имущества и реестры учеников, составившиеся при смене учителей.

---

¹ См.: *Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723—1781 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 94.

² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 180; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 113.

Но ни от одной школы таких документов не сохранилось, лишь единичные, присланные в органы управления заводами.

В ГАСО хранятся фонды заводских контор, где имеются документы о школах — Екатеринбургской, Екатеринбургского монетного двора, (ф. 38, 56), часть фондов контор получила названия заводов Каменского, Уктусского (ф. 27, 29). Документы этих учреждений понесли большие утраты. В фонде Уктусской конторы имеется часть дел с подлинными документами за 1721—1725 гг.¹ В фонде Каменской заводской конторы налицо только приходо-расходные ведомости денежной казны за 1723—1724 гг. — период организации первой школы при заводе².

Отдельные документы Алапаевской конторы о школах за 1721—1723 гг. оказались ошибочно включенными в фонд конторы Екатеринбургского монетного двора³, при этом нет документов за 1724 г., когда словесная школа еще действовала.

Поиск документов о школах приходилось вести в условиях полного отсутствия каких-либо комплексов школьной документации даже на уровне отдельных дел, рассредоточения документов о них по объемным книгам с делами общезаводского характера. В связи с отсутствием во многих книгах внутренних перечней документов, включенных в них, приходилось полистно просматривать дела в несколько сотен листов, подавляющее большинство материалов которых не имеет отношения к деятельности школ.

В связи с тем, что информация о школах во многих разновидностях документов содержится лишь в небольшой части их, зачастую не выделенной структурно, приходилось просматривать их полностью, чтобы не допустить пропуска нужных сведений. Так, большинство указов Берг-коллегии, доношений уральского начальства в центр в эти годы касалось школ лишь в 1—2-х пунктах из 10—20 и более. Инструкции, регламентировавшие деятельность школ, представляли в основном отдельные главы наказов, составленных для представителей заводской администрации. В приходо-расходных ведомостях денежной казны и припасов объемом до 800 с лишним листов расходы на школы фиксировались в виде отдельных записей в ведомостях, составлявшихся по каждому

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 3—12.

² Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2, 8.

³ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6.

заводу. Более того, некоторые распоряжения уральской администрации о школах, например, об использовании учеников на побочных работах, распределении их к делам, представляли собой отдельные предложения, а то и фразы определений, указов, касающихся заводских дел.

В связи с неравномерной сохранностью документов о школах актуальными становятся задачи определения их репрезентативности — установления того, насколько полно выявленные документы представляют всю совокупность некогда существовавших, — и восполнения по возможности утраченных.

Для решения этих задач было использовано несколько приемов. Во-первых, проведено изучение книг регистрации входящих документов уральских учреждений, которые составлялись по годам, на основе требований Генерального регламента 1720 г.

Наиболее полно сохранились регистры документов уральской Канцелярии — «Книга записная входящим документам и решениям по ним в Канцелярии горных дел 1721 г.», «Записная дневальная книга доношениям, поступившим в Уктусскую горных дел канцелярию» в 1721 г., «Книга записная указам и письмам, и приходящим и отходящим письмам на Исецких заводах маяя со 8 числа 1723 году» (по декабрь)¹.

Ценность записных книг определяется тем, что они фиксируют документы почти одновременно с их появлением на свет. Так, записные книги входящих документов отражают всю совокупность их, поступивших в канцелярию, как правило, с пометами и решениями по ним. При этом указываются разновидность, авторство, дата подачи документа, передается его основное содержание; пометы же и резолюции позволяют судить о его дальнейшей судьбе.

Книги регистрации исходящих документов Канцелярии за первую половину 20-х гг. XVIII в. фактически отсутствуют (исключение — май—декабрь 1723 г.), но содержание их в определенной мере может быть установлено на основе помет и резолюций, зафиксированных в книгах входящих документов.

К сожалению, от горных начальств и заводских контор записных книг входящей и исходящей документации сохранилось мало: от Кунгурского горного начальства дошла «Книга дневальная» за декабрь 1720 — январь 1722 г., «Тетради записные» указам с апреля

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 347—360, 225—298об.; Оп. 12. Д. 1636а.

1720 по январь 1722¹ (отсутствуют за 1723—1725 гг.); от Алапаевской заводской конторы есть книга записи входящих и исходящих документов за 1721—1724 гг.² От Екатеринбургской заводской конторы за период 1723—1725 гг. сохранились книги записи входящих — исходящих документов за 1724, исходящих — за 1725; от Уктусской конторы дошли за 1723—1725³, отсутствуют за 1721—1722.

Как показало изучение этих записных книг, в заводских конторах регистрация входящих и исходящих документов проводилась более кратко, чем в Канцелярии, и, как следствие этого, утечка информации более значительна. Иногда сведения приводятся в виде 1—2-х строк.

Просмотр «записных книг» документов дополнялся изучением «книг дневальных», составлявшихся во время поездок Татищева по заводам в 1721—1723 гг. В них фиксировались доношения управителей заводов, учителей, частных лиц, поданные лично ему, прошения; распоряжения Татищева в отношении устройства школ.

В связи с отсутствием записных книг исходящих документов Канцелярии за 1721 — апрель 1723 г., 1724—1725 гг., фрагментарной сохранностью книг регистрации документов заводских контор нами изучались описи документов этих учреждений, составлявшиеся при смене управителей или по случаю сдачи дел в архив.

Полностью сохранились описи документов архива Канцелярии за 1721—1725 гг. (в них расписан состав каждой книги дел, но без указания конкретных дат, лишь года формирования)⁴.

Для восстановления содержания утраченных документов использовались и справки, составленные делопроизводителями при подготовке дел к слушанию в канцелярии, чаще всего они назывались «выписками».

В целом параллельные выписки информации, содержащейся в не дошедших до нас документах, зафиксированной с разной степенью полноты в записных книгах входящей и исходящей документации, описях документов, в дневальных книгах поездок Татищева, доношениях заводских контор в Канцелярию, делопроизводственных

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15.

² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 42—167.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 1720; Ф. 29. Оп. 1. Д. 40, 47, 49, 51, 55; Ф. 38. Оп. 1. Д. 28.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148.

справках; учет всех случаев упоминаний, цитирования не дошедших до нас документов в более поздних материалах привели к пересечению информации в разных источниках, к «накладыванию» ее с разной степенью полноты.

Путем комбинирования этих выписок удалось реконструировать тексты сотен утраченных документов: от установления основных их атрибутов — авторства, времени написания, места подачи, аннотации содержания — до частичного или полного восстановления текстов. Надежность такой реконструкции основывается на использовании показаний нескольких разновидностей делопроизводственной документации, в том числе составлявшейся в справочных целях для внутреннего пользования. В результате такой работы нам удалось восполнить пробелы в некогда существовавших совокупностях документов о школах за исключением части «внутренней документации» контор, о содержании которой не сообщалось в Канцелярию и описи которой не дошли до нас. Это доношения учителей о выдаче жалованья ученикам, о выдаче мела, книг, бумаги, прошения, на которые последовало положительное решение, распоряжения управителей заводов о наказании учителей, учащихся.

Безусловно, сохранность источников сказалась на объеме глав, посвященных конкретным школам. Он крайне неравномерен, что объясняется почти полным отсутствием подлинных документов местных контор за 1721—1725 гг. — дел, формировавшихся с входящими документами, касавшимися школ и их учащихся. Да и описи их документов сохранились далеко не равномерно.

Глава 1.

УКТУССКАЯ СЛОВЕСНАЯ ШКОЛА КАК ОСНОВНОЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ ДЕТЕЙ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА (1721—1725)

Наказ В. Н. Татищева 1721 г. об основах организации первых словесных школ на Урале

Если в первом же доношении в Берг-коллегию, отправленном по прибытии в Кунгур в 1720 г., В. Н. Татищев просил центральный орган о разрешении подготовки специалистов горного дела из дворян и детей подьячих, которыми не мог распоряжаться по своему усмотрению, и начал организацию первых арифметических школ лишь с санкции коллегии в мае 1721 г., то в отношении открытия словесных школ он действовал полностью самостоятельно. Переехав вместе с Канцелярией горных дел из Кунгура на Уктусский завод накануне нового, 1721 г., В. Н. Татищев задумал начать обучение грамоте детей при заводах и в приписных к ним слободах.

Он разрабатывает Наказ заводскому комиссару Тимофею Бурцеву и вручает ему 27 февраля 1721 г.¹ Это первый большой программный документ, регламентирующий обязанности комиссара по руководству Уктусским и Алапаевским заводами, определяющий обязанности комиссара в отношении ведения документов, принятия коллегиальных решений вместе с казначеем и шихтмейстером, сбора налогов и расхода денег, содержания лесов, богаделен и т. д. В наказе расписывались и должностные обязанности мастеров — рудного, доменного, плотинного, мехового, кузнечного, угольного, — профоса по контролю за чистотой территории заводского поселения.

---

¹ *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717—1750. М., 1990. С. 52—65.

Наказ имеет 10 глав, глава 7-я «О школах» посвящена обязанностям комиссара в отношении школ. Она состоит из введения и 10 кратких пунктов¹. Во введении к главе В. Н. Татищев обосновывает причины организации словесных школ: «заводы ... довольством письмо умеющих в лучшее состояние и размножение привести», «народ, хотя мало во обычаях чтанием книг пременить, и во услуги е. в. способнейших учинить»². Ясно, что Татищев преследовал две цели: практическую — школы необходимы для развития заводов, и просветительскую — с помощью школ подготовить людей нового склада, новой ментальности, на формирование которой должно повлиять чтение книг, но опять-таки, с выходом на практическое назначение учебных заведений — «во услуги е. в. способнейших учинить».

В. Н. Татищев особо подчеркнул еще одно важное предназначение школ — налаживание делопроизводства в органах управления, обслуживавших заводы: «Понеже здесь есть немалая тягость в отправлении дел от недостатка помощников, письма умеющих, також и дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцев уже обрести неможно: кто у какой работы был, что зделал...». Эта оговорка не случайна: начальнику заводов пришлось столкнуться с проблемой отсутствия многих важных документов в делах заводов за предшествующие годы. В августе 1720 г. из Канцелярии горных дел Кунгура был отправлен указ Т. Бурцеву на Уктус с требованием прислать ведомости о состоянии заводов, о числе мастеров, работников, приходе-расходе денежной казны. «Но оных и доднесь получить не могли, ибо вы записок обстоятельных ничему по надлежащему порядку не имели...», констатировалось во введении к тексту самого наказа³.

Социальный контингент школ предполагался широкий и демократический, во введении к главе 7-й заявлялось: «*обучать всех детей здешних жителей*», а поскольку школы предписывалось открывать и в слободах, ясно, что Татищев делал расчет не только на прием детей заводских жителей, но и на прием детей бобылей,

---

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 62—63.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 53.

крестьян, чтобы использовать их впоследствии в слободском управлении.

Поскольку наказ адресовался заводскому комиссару, все положения, сформулированные в повелительной форме, означали его обязанности. К ним относились: обеспечение школ помещениями, организация сбора средств с населения для обеспечения их деятельности, контроль за учителями, использование овладевших письмом школьников в Канцелярии для помощи подьячим.

Конкретные пункты открытия школ не назывались: «Здесь, на заводах и в каждой слободе особо...». Поскольку в сферу действия комиссара в 1721 г. входили Уктусский и Алапаевский заводы, то установить перечень слобод, приписных к ним, нетрудно. Их было четыре при Уктусском заводе (Арамилевская, Белооярская, Каменная и Новопышминская) и столько же при Алапаевском (Невьянская, Арамашевская, Мурзинская, Уткинская)¹. В январе — апреле 1721 г. по распоряжению Татищева, стремившегося закрепить эти слободы за заводами, как раз проводились переписи их населения², правда, на практике Уткинская слобода была приписана позже и вошла в состав Арамилевского дистрикта³.

Комиссару поручалось за казенный счет обеспечить школы помещениями и обеспечить их простой мебелью: «...построить избы с сеньми и сделать по потребности красные окошка, поставить столы и лавки и в оных обучать ребят» (пункт 1).

Поскольку найти грамотных людей, не занятых делом, в условиях отдаления от городов было невозможно, В. Н. Татищев решил привлечь к обучению детей церковнослужителей. Он счел возможным распоряжаться представителями духовного ведомства, служащими на подчиненной ему территории, и обязал их выполнять наряду с церковными дополнительные светские обязанности, сформулированные им в четырех пунктах наказа (2–4).

На комиссара возлагался контроль за тем, насколько хорошо будет обучать дьячок. Предписывалось о неприлежности дьячка доносить в Канцелярию горных дел для принятия решения, а в случае отсутствия ее членов на Уктусе, решить вопрос о его отставке и приеме другого

---

¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М, 1937. С. 448, 488.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 5—6 об., 103 об. — 104 об., 107—107 об.

³ См.: Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху: новые данные // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1377.

«с опщего вам всем совета», т. е. заводского комиссара Тимофея Бурцева, казначея Федора Каченовского и шихтмейстера Степана Братцева, осуществлявших коллективное управление заводом под руководством комиссара (п. 6). Последние являлись выпускниками московской Артиллерийской школы, прибывшими на Урал в команде Татищева. В случае, если учеников будет много и потребуется еще один учитель, разрешалось нанять его, дав из собранных на школу денег равную часть «против дьячка» (п. 7).

Поскольку В. Н. Татищев открывал словесные школы по собственной инициативе, до получения одобрения со стороны Берг-коллегии, он побоялся тратить заводские средства на их деятельность. Предусматривалось, что эти школы будут действовать за счет введения сборов с населения, своеобразного «школьного налога». Пункт 2-й гласил: «У каждой церкви дьячкам, кроме церковного их дохода, прибавить с венца (то есть муж з женою) по три копейки, с холостых мужеска полу от восьми лет и выше, которые грамоте не учатся, по тому ж, а которые холостые в школе или отучились, со оных ничего не брать, только за все ученье взять 12 копеек, когда окончат письмо, и за оные деньги содержать ему тое избу в чистоте, топить и починивать. Книги учебныя, кроме азбуки, покупать, учить оных читать и писать».

Для записанных в школу, но уклонявшихся от занятий вводилось наказание материального порядка: «Которые ученики от лености учиться не похотят и в школу ходить не будут, а родители, потая им... принуждать не будут... со оных брать по копейке на день» (п. 8). Тем самым уральская администрация объявляла обучение грамоте, по крайней мере, для детей, проживавших в заводских поселениях, обязательным, угрожая отлынивающим еще одним денежным сбором. По сути, речь шла о введении школьной повинности.

Так кратко были сформулированы дополнительные обязанности дьячков и по сбору средств на школы, и по содержанию помещений школ, обеспечению учебными книгами, обучению грамоте «с прилежанием». При этом четкое распределение обязанностей между комиссаром и дьячком-учителем в этом документе еще отсутствовало. Разве мог дьячок сам требовать деньги с не обучающихся подростков на территории завода или слободы, покупать учебные книги, обеспечивать школу дровами? Пожалуй, дьячок-учитель способен был лишь организовать топку печей силами учащихся.

Нельзя согласиться с мнением Н. В. Нечаева, будто «вначале Татищев считал, что о словесных школах должны заботиться не заводы, а местное население и церковные приходы», а потом их пришлось «подчинить заводской администрации», как и арифметические¹. Привлечение дьячков в качестве учителей не означало передачи им и церковным приходам контроля за деятельностью школ. Все учебные заведения при заводах и в слободах должны были подчиняться заводскому комиссару. Главным органом, регулирующим их деятельность, с самого начала являлась Канцелярия горных дел.

Хотя прямым адресатом наказа являлся комиссар, нормы этого документа имели силу и для членов Канцелярии. На эти нормы они постоянно ссылались, контролируя деятельность школ. Наказ становился руководящим документом и для управителей Уктусского и Алапаевского заводов, и для самих учителей. О том, что учителя тоже руководствовались наказом, точнее, его главой «О школах», свидетельствует опись имущества Уктусской словесной школы за 1724 г. где упоминается «инструкция в прошлом 721-м году марта в 20 день за рукою комиссара Бурцева»². Т. е. Бурцев отправил текст главы 7-й «О школах» учителю уже от своего имени как инструкцию.

Особое внимание в наказе В. Н. Татищев уделил нравственному воспитанию учащихся: «Учителем робят обучать не токмо грамоте, но в начале страха божия, почитания властем и всякому честному и порядочному опхождению», сформулировал методы такого воспитания: «того ради читать им по вся суботы пред будущего воскресения Евангелие и Апостол и несколько катехисма и притом рассуждать священнику со вниманием, дабы все робята оное писание, по последней мере хотя речи, разуметь могли». Начальник заводов пригрозил строгими мерами наказания за манкирование этой вмененной им новой обязанности: «Ежели ж поп или дьячек которой хотя едину суботу пропустит, то лишен будет месяц своего дохода» (п. 3).

Судя по тексту, Татищев с первых шагов по организации обучения детей видел в словесных школах главный центр воздействия на их души, возлагал на учителей основные обязанности по нравственному

---

¹ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия... С. 40.

² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 180.

воспитанию своих подопечных. Важное средство привития детям почтительного отношения к властям, честности и порядочности он видел в чтении и умелом толковании им по субботам Евангелия и Апостола. Примечательно, что наряду с дьячком-церковнослужителем выполнять эту обязанность мог и сам священник. При этом заметим, в какой жесткой приказной форме это им предписывалось — под угрозой удержания месячного дохода у этих лиц в случае пропуска хотя бы одного занятия.

Специальный пункт наказа, 4-й, посвящался изложению правил благопристойного поведения, которые дьячок должен был прививать ученику: «Обучать честно говорить, кланяться со всяким почтением, быть смиренным, меж собою не бранитца и не дратца, старших почитать, как словом, так и местом, дабы по науке своей всяк сядилса», т. е. продвинувшиеся в изучении грамоты — на первых скамьях, отстающие — позади них. Действенным средством воспитания объявлялось и посещение учениками церковных служб по воскресеньям и праздничным дням: «быть им в церкви у пения и чтения книг» (п. 5).

При этом Татищев предлагал своеобразные меры заинтересованности подростков в школьном обучении: «Которые обучатся писать совершенно, оных брать в канцелярию для помощи и заставлять их писать, платя за труд по рассмотрению. Ежели ж где место порозжее будет, оных письма умеющих производить впредь, хотя б безграмотной у дела и стари его был». Безусловно, возможности приработка во время обучения, преимущественное распределение школьников к канцелярским делам были заманчивыми для уральской молодежи.

По сути, обучение в школе становилось для них своего рода социальным лифтом, способом выйти «в люди», добиться чего-то нового в жизни, в будущем сделать карьеру. Более того, В. Н. Татищев предписал: «Обнадежить всех, что письмо умеющих, никогда в салдаты, матросы и другия невольныя службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся». Последнее было особенно привлекательным для выходцев из крестьян. Текст наказа был получен в Берг-коллегии 6 июля 1721 г.¹, а нормы его начали претворяться в жизнь незамедлительно

---

¹ См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 126.

Открытие школы при Уктусском заводе. Первые учителя

Изучение лишь отчасти сохранившихся документов Уктусской заводской конторы и документов Канцелярии горных дел позволяют сделать вывод, что нормы Наказа В. Н. Татищева в отношении открытия словесных школ стали сразу же претворяться в жизнь. Более того, приготовления к открытию школы при Уктусском заводе начались еще до издания Наказа Бурцеву. В «Книге записной Уктусских заводов, что в росходе всяких припасов в 1721 году» за 21 января отмечено: «дано каменщику Федору Бычкову для клажи школьной печи восемь сот обозженного кирпичю»¹, т. е. через три недели после переезда начальства из Кунгура на Уктус Татищев начал подготовку помещения для словесной школы, за месяц до издания наказа. Перед отъездом в Тобольск, 1 марта, Татищев дает поручение Бурцеву: «ритместерову избу и школу вели накрыть немедленно»².

Накануне дьячок Николаевской церкви Уктусского завода, фигурировавший в документах до 1723 г. как Петр Федоров, подал доношение в Канцелярию о выдаче ему книг для обучения ребят — часословов и азбук. Видимо, он был предупрежден заранее о своей предстоящей роли учителя. Татищев приказал: «купить... камисару Бурцову, а деньги собрать против данного Наказа, и оные книги отдать дьячку с роспискою»³.

Уже в марте 1721 г. Уктусская словесная школа начала действовать: именно этот месяц указан в первой ведомости об учащихся, поданной комиссару, как начало занятий⁴. Значит, перепись детей, подлежащих обучению, была осуществлена также до издания наказа, в январе или феврале месяце, и школа была открыта в каком-то временном помещении, причем ученики, видимо, стали заниматься по книгам, принадлежавшим семье, приносимым из дома, поскольку казенные еще только предстояло приобрести.

В расходной книге Уктусского завода в июле 1721 г. есть такая запись: «Издержано на школу 160 бревен трех и четырех сажен, да

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 142.

² Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 76.

³ Там же. Д. 4а. Л. 315.

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. 181 об.

в пол и в под доволоки 84 тесницы толстых»¹. Ясно, что здание строилось с размахом и, скорее всего, предназначалось для обеих школ, в том числе и арифметической, открывшейся в мае 1721 г. В ноябре 1721 г. записано: «издержано на дело столов одна лесница листовинешная»². В 1721 г. новое здание для школ было готово, но в январе 1723 г. Татищев в наказе Бурцеву предписывает: «Приказ судие отвести — светлицу, где была словесная школа, а учеников перевести в прежнюю, к церкви»³.

Вопрос о назначении жалованья учителю в наказе не оговаривался. Лишь по прошествии трех с лишним месяцев дьячок Петр Федоров решился на подачу прошения об оплате своего труда. В записной книге челобитных и доношений, поданных в Канцелярию горных дел, 30 июня 1721 г. зафиксировано его «доношение ..., что он обучает здешних жителей детей их в грамоте в школе, а жалованья ему не определено и кормитца нечем». Татищев распорядился: «Выписать, как определено, и колико собрано денег, також, колико у него учеников, чему учатся, взять ведение»⁴.

Сразу же после этого Татищев отправился по делам на два месяца в Кунгур, а, вернувшись из поездки, поинтересовался делами школ, и 16 сентября последовал его указ комиссару Бурцеву: «О школах всеконечно тебе исправлять по Наказу, и по третям года подавать ведомости, колико человек, в какой науке, и выбрать тебе особого мастера, которой бы писать учил, понеже дьячек писать не искусен, которому определим мы пристойное жалованье, а кто сыщется и чего будет просить, о том подать тебе ведение»⁵.

Ясно, что начальник заводов сам проконтролировал способности учителя и остался ими недоволен. Действительно, подписи дьячка под документами оставляют желать лучшего, рука дрожит, почерк искаженный. Заметим, Татищев сразу же вводит отчетность об обучении детей — подачу ведомостей о количестве учащихся и их продвижении в обучении грамоте. И ведомости эти должны направляться в Канцелярию горных дел, самому начальству!

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 243.

² Там же. Л. 370.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 678 об.

⁴ Там же. Л. 337 об.

⁵ Там же. Д. 6. Л. 287.

28 сентября комиссар сообщил: «по приказу вашего благородия ... сыскан здешней житель Василей Копылов и договаривается учить здешних жителей робят читать и писать, а просит от тех наук денег в год двенадцать рублей». Татищев пометил на доношении: если захочет «учить и содержать их [учеников. — А. С.] и себя в добром порядке и обхождении, то дано ему будет в год девять рублей. А когда прилежен и в деле своем исправен явится, тогда будет ему прибавлено. И в том взять у него скаску с подтверждением, что ему в пьянство и шалости непотребные не вдаваться и детей от того унимать»¹.

В справке 1723 г., составленной по запросу горного начальства, какое жалованье имели учителя грамоты на Уктусе, первым назван Василий Копылов, получавший с 30 сентября 1721 г. 9 руб.² Т. е. дьячок с марта до конца сентября работал бесплатно, более того, в феврале 1722 г. в расходной книге Уктусского завода зафиксирована выплата ему «за покупные дрова, которые купил он для топления школы в прошлом 721 году, из остальных школьных денег, которые збираны в том же году, пятьдесят копеек»³. Получается, работая без жалованья, учителю пришлось за счет своих доходов дьячка обеспечивать школу еще и дровами. Одновременно из этой справки мы получаем достоверные сведения о том, что деньги с населения для содержания школы на Уктусском заводе в 1721 г. собирались, траты на их деятельность производились, но дровами школу казна поначалу не обеспечивала.

Кандидатура Копылова на должность учителя оказалась вовсе неподходящей. Согласно делопроизводственной справки, по прошествии трех месяцев, 31 декабря 1721 г., он был отставлен от преподавания по приговору Уктусской заводской конторы Т. Бурцевым, казначеем Ф. Каченовским и шихтмейстером С. Братцевым «за пьянство и за шалости... а вместо ево велено обучать словесному оному ж дьячку, а писать — сыну ево», с сохранением им общей суммы жалованья — 9 руб.⁴ В этот же день комиссар Бурцев дал указ дьячку Грамотчикову об определении его в школу. Дьячок имел двух сыновей, Ивана и Лариона. Их фамилии фигурируют в ведомостях Уктусской арифметической школы в апреле 1722 г. как

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 452 об. — 453.

² Там же. Д. 22. Л. 69—69 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 201 об.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 43—43 об.

Грамотчиковы, причем они числились первыми по успехам среди учащихся. В помощники отцу был назначен Ларион, именно он упоминается в справке за январь 1723 г.¹, в момент назначения учителем письма ему было 19 лет. В приходе-расходных ведомостях Уктусского завода за март 1722 г. отмечена выдача жалованья Петру Грамотчикову за первую треть 1722 г. 3 руб.²

Первые ученики:

количество, социальный состав, возраст

В результате деятельности Уктусской словесной школы сохранилось пять ведомостей, поданных ее учителями, что позволяет в большей степени, чем в отношении других школ, реконструировать состав ее учащихся. Первая ведомость датируется мартом 1722 г. По прошествии года деятельности в школе числилось 28 человек, из них двое учили азбуку, 17 — часослов, 5 учеников часослов завершили, трое учили псалтирь³. Несомненно, часть учащихся начала обучаться грамоте еще на дому, поскольку за год вряд ли могла овладеть часословом, не говоря уже о переходе к псалтирю. Согласно второй ведомости, отправленной в Берг-коллегию, к апрелю 1722 г. выбыли двое учащихся, осваивавших часослов, но появилось трое новеньких, дети молотового мастера, отставного угольного мастера и плотника⁴.

В третьей ведомости, за май 1723 г., в списке числится 39 человек⁵, о трех из них помечено, что уже ушли в арифметическую школу: Иван Перескоков и Андрей Васильев, «присланные с Алапаевских заводов прошлого 722 году». «Писать обучен и отдан в арифметическую школу» и житель Уктуса Петр Филинков. Поскольку при Алапаевском заводе словесная школа действовала с 1721 г., факт присылки детей оттуда примечателен. Вероятно, они были присланы в группе с переводившимися в арифметическую, но отданы в словесную для оттачивания навыков письма. Среди 36 человек, обучавшихся

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 12; Д. 22. Л. 69 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 142.

³ Там же. Л. 86 об.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 217—217 об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 843.

грамоте, видим еще 12 новых фамилий, т. е. к началу третьего года деятельности школы обновилась треть ее учащихся.

Без сомнения, это был результат целенаправленного сбора детей, проводившегося с санкции уральского начальства. В делопроизводственных выписках Канцелярии кратко передан указ Геннина от 19 февраля 1723 г., данный сержанту Украинцеву: «ехать ведомства Уктусских заводов, на другие заводы и слободы, и со оных заводов и из слобод выслать всех подъяческих и церковничьих детей в Уктусские заводы, которые выше 12 лет и грамоте умеющие». Ниже отмечено: «И по тому указу он детей посылал в разных числах и они определены к наукам»¹. Возможно, в ходе этой кампании по сбору детей, овладевших грамотой на дому, был проведен добор и в словесные школы или было издано специальное распоряжение, касавшееся только словесных школ, но факт налицо: новое пополнение Уктусской школы в 1723 г. успешно состоялось.

В четвертой ведомости, за май 1723 г., впервые указаны должности отцов учеников, и мы можем судить об их социальном составе. Он следующий: 13 детей мастеров, 1 — брат мастера, 6 — дети подмастерьев, 4 — заводских работников (кузнеца, доменного работника, плотников); по одному — сыновья пушкаря, фискала, приказчика; 2 — попов, 3 — церковнослужителей, 4 — бобылей. Таким образом, более 66% учившихся — дети заводских работников, в основном высокой квалификации, пятеро принадлежали к духовному ведомству.

Среди новичков — Аврамов Матвей, «прикащиков сын». Его отец, Иван Аврамов, тобольский сын боярский, в декабре 1721 г. был переведен в горнозаводское ведомство в качестве первого земского комиссара Алапаевского дистрикта, прибыл к месту службы 22 февраля 1722 г.² Но в 1722—1723 гг. был уличен во взятках и обидях приписных крестьян, в январе 1723 г. смещен с должности, привезен на Уктусский завод, посажен в застенки. Через жену расплатился почти со всеми обиженными им крестьянами и обывателями, «все свое имение им роздал», как сообщал он в покаянном письме Геннину в феврале 1723 г., и был назначен им

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 212—212 об.

² См.: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.) Екатеринбург, 2007. С. 328.

комиссаром на Каменский завод¹. Вероятно, в связи с этими событиями сын Аврамова Матвей и был взят из Алапаевской словесной школы, если учился в ней, в школу Уктусского завода с целью более пристального контроля со стороны начальства за обучением грамоте и скорейшего перевода в арифметику.

Выделим и детей духовенства среди пополнивших школу. В марте 1722 г. числился лишь один сын попа Василий Бирюков, он был одним из лучших по успехам: вместе с двумя детьми мастеровых учил псалтирь, в то время как 23 ученика читали часослов, а двое — азбуку². В мае 1723 г. среди 36 учащихся словесной школы детей духовного сословия уже пятеро (около 14%): в письме — Василий Бирюков и «церковничьи дети» Иван Широков, Семен Кобелев, Василий Селиванов; «в часословах» — поповский сын Егор Кобелев³. Т. е. власти начали активно набирать для обучения грамоте и детей духовенства, проживавших в приписных к заводу слободах.

В мае 1723 г. четверо из этих новичков подали прошение начальству об определении им жалованья, поскольку за дальностью домов питаться нечем, и указали, что взяты в марте месяце на Уктусские заводы для обучения «словесной грамоты и арифметики»⁴. Они указали места своего проживания. Трое, Селиванов и Кобелевы, взяты из Багарякской слободы, Широков — из Колчеданского острога. От Уктусского завода до Колчеданского острога, согласно выпискам по делу — 120 верст, до Багарякской слободы — 133 версты.

Показательно, что эти дети уже начали учиться чтению на дому. В декабре 1723 г. И. Широков — в арифметической школе, среди 16 просителей о денежном жалованье⁵. В следующей ведомости словесной школы за март 1724 г. из церковничьих числился лишь В. Бирюков, а Кобелевы показаны в бегах⁶.

---

¹ См.: *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. С. 69—71.

² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 3—3 об.

⁴ Там же. Д. 22. Л. 643 об.

⁵ Там же. Д. 26. Л. 71.

⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 об.

Обратим внимание: Багарякская слобода и Колчеданский острог были приписаны к Каменскому заводу¹, а этот завод в результате усилий генерала Геннина вместе с приписными к нему тремя слободами и двумя острогами только в феврале 1723 г. перешел из ведения Сибирской губернской власти в горнозаводское ведомство², и мы видим, что сразу же дети духовенств попали в поле зрения его властей, были взяты в школу.

Действие одновременно двух словесных школ позволило жителям одного завода просить о переводе сыновей в школу на другой завод. В августе 1723 г. в «Книге записной» Исетского завода упоминается прошение жителя Алапаевского завода Федота Устинова, чтоб ему жить на новых Исетских заводах, «да у него ж взят сын Андрий на Алапаевских заводах в школу, другой, Федор, привычен к каменному и плотничному делу». Разрешено было Федота и Федора взять «к делу здесь», меньшего, Андрея, отдать в Уктусскую школу³. Это первый известный нам перевод ученика в связи с переездом отца семейства.

В марте 1724 г. в Уктусскую заводскую контору было подано ведение нового учителя школы Якова Попова о приеме им школьного архива от Грамотчикова, припасов школы и учеников. В списке учащихся на 3 марта в этом ведении числится 24 человека. Сверка их фамилий с предшествующей ведомостью за май 1723 г. позволяет говорить о поступлении за этот период еще 5 новых учеников⁴.

В отличие от Уктусской арифметической школы мы не имеем сведений о побегах учащихся из словесной, за исключением случая, упоминаемого в ведении Я. Попова за март 1724 г.: в бегах показаны Семен и Егор Кобелевы, взятые учиться грамоте в марте 1723 г. из Багарякской слободы⁵. Из выписок по делу за 1736 г. выясняется, что Семен, сын церковнослужителя, был отпущен домой на время, по болезни, но не бежал, как сообщил учитель Грамотчиков Попову при сдаче дел, а был увезен отцом в Тобольск для посвящения в дьяконы. В феврале 1724 г. Сибирский обер-бергамт, узнав об этом, воспротивился его поставлению, потребовал от Архиерейского

---

¹ См.: Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху... С. 1379.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 67.

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 об.

⁵ Там же.

приказа, заковав в кандалы, выслать в Екатеринбург под караулом. За побег вместо кнута Кобелев был наказан батожем и в апреле 1724 г. определен в ученики к доменному делу, но в мае 1730 г. от того дела бежал, в марте 1731 г. явился из побега сам, показал, что в мае 1730 г. бежал в Тобольск, где по его просьбе митрополит Антоний посвятил его в дьяконы в Багарякскую слободу, дал грамоту за своей рукою и печатью. Но по прибытии в слободу вскоре был в оковах взят в Екатеринбург к прежней работе¹. Эти данные свидетельствуют, что начальство горных заводов отстаивало право обучения, а затем и использования детей духовного сословия в интересах своего ведомства, боролось за каждого своего ученика.

Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову и перепись детей Уктусского завода 1724 г.

15 октября 1723 г., за две недели до пуска Екатеринбургского завода в строй, В. Н. Татищев, назначенный генералом В. И. Генниным первым членом Сибирского обер-бергамта, закончил составление нового Наказа комиссару заводов, который был утвержден Генниным и вручен только что вступившему в эту должность Федору Неклюдову. Круг обязанностей этого заводского комиссара распространялся уже на четыре казенных завода: строящийся Екатеринбургский, Уктусский, Алапаевский и Каменский, перешедший под контроль горного ведомства в феврале 1723 г.

В наказе была выделена особая глава 11 «О школах и учении детей», включавшая 22 развернутых пункта². С этого момента школы при заводах перешли под надзор Екатеринбургской заводской конторы, во главе которой и стоял комиссар Ф. Неклюдов.

По Наказу 1723 г. предполагалось открытие новых словесных школ, дополнительно к Уктусской и Алапаевской, при Екатеринбургском и Каменском заводах. Обучение в школах объявлялось обязательным для «детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех завоцких жителей», «вольнопришедших» предписывалось принимать «всякого чина

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 775—775 об.

² См. об этом: *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 87—89.

людей». Предусматривались строгие меры наказания за уклонение от обучения: «Ежели которой ученик от лености учиться не похочет и в школу ходить не будет, за оное брать с родителей или хозяев их, у кого они живут, пени за первой день 1, за другой 2, за третьей и большия по 3 копейки и оныя деньги делить учителям».

Менялся порядок назначения жалованья ученикам, оно должно было назначаться всем, взятым в школы из слобод и с других заводов; детям же сиротам и тем, чьи отцы имели до 12 руб. жалованья в год, его полагалось выплачивать и при условии посещения школы по месту жительства. Таким образом, минимальный размер окладов отцов, дававший право на жалованье повышался с 10 до 12 руб. в год, на это мало меняло дело, поскольку касалось прежних лиц, которым жалованье первыми заводскими штатами повышалось до 12 руб., например, писчикам.

Наказом определялся состав учебных пособий школ: чтению дети должны были обучаться по азбукам и часословам. Видимо, псалтири Татищев исключил из состава пособий, чтобы ускорить переход детей к обучению письму. Впервые было определено и точное число часов занятий в день, сообразуя его в целях экономии свеч со временем года: летом — 12, осенью и весной — 9, зимою — 7 часов.

Комиссар Ф. Неклюдов весной 1724 г. организовал проведение новой переписи детей при заводах. 22 апреля 1724 г. он направил приказчику Уктусского завода Никите Петрову (Н. П. Бурцеву)¹ указ Екатеринбургской конторы, чтобы на Уктусском заводе и в приписных к нему слободах «у всех церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей, *кроме крестьян и бобылей*, детей их от семи до пятнадцати лет, которые не определены в школу, переписать каждого чина порознь, а переписав, определить в школу». Переписи подлежали и взрослые мастерские и обывательские дети «выше» 15, живущие при родителях и свойственниках и не определенные к делам. Материалы переписи приказывалось прислать в Екатеринбургскую заводскую контору

---

¹ Никита Петров — племянник заводского комиссара Т. Бурцева, Никита Петрович Бурцев. См.: *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 12. Еще не завершен процесс формирования фамилий на Урале, и во всех официальных документах используется эта фамилия по отчеству — Петров.

немедленно, «чтоб валентирам от нех ништо не был под страхом жестокого наказания»¹.

На следующий же день проведение переписи решили поручить лесному надзирателю Тимофею Куроедову, выпускнику московской Артиллерийской школы, «для того что здесь других никого послать к переписи не имеетца», а в приписные слободы послать о переписи промеморию².

Только 10 мая был дан указ Куроедову о переписи, помощниками к нему назначены Терентий Бочков и Кирило Чюркин, ученики арифметической школы, и отставной драгун. 12 мая составлена промемория в Арамильскую земскую контору. Последняя возглавляла Арамильский дистрикт, созданный указом Геннина в 1723 г., в состав которого вошли слободы Арамильская, Белоярская, Камышевская, Новопышминская, Уткинская, «жители екатеринбургские, уктуския, шарташския и пышминския»³. Видимо, контора во главе с новым управляющим, ссыльным М. Любавским, только что присланным из Тобольска, должна была содействовать в проведении переписи в слободах.

Перепись растянулась во времени, завершилась только к 24 августа, и Куроедов подал ведение об этом в Уктусскую заводскую контору⁴. Только 7 ноября 1724 г. последовал указ капралу Тарабаеву — «собрать здешних заводов мастерских и протчих детей, которые записаны в школу при том указе реэстру, не обходя ни единого». Тарабаев поручение выполнил, «собрал... детей для обучения в школу» и 15 ноября подал их реэстр⁵.

В нем указаны должности отцов, их фамилии, имена детей, их возраст. Учтены дети только 7—14 лет, 15-летние в этот список не попали. Среди будущих школьников числились в основном дети мастеровых — 15 детей мастеров, 5 — подмастерьев, а также заводских работников (доменных, рудных разборщиков, каменщиков, плотников), заводских и горных учеников. Были двое детей подъячих, по одному — дьячка, учителя и сторожа. Некоторых детей вписали в

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 516.

² Там же. Л. 517 об.

³ См.: Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху... С. 1377.

⁴ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 230—231.

⁵ Там же. Л. 686—687.

список на основе должности родственников — братьев, дядьев. Всего в списке Тарабаева числилось 46 детей.

В этот же день приказано было собранных школьников пересмотреть с учителем, «годных принять, а негодных в науку, отпустить», определить позже к другим делам¹. На полях списка сделаны пометы о годности в школу (проставлена буква «г»); двое больных оставлены за порогом школы «за недовольством языка» и глухотой; напротив фамилий трех 7-летних детей пометили: «мал», «за малолетством»; одному из них дали отсрочку от школы на год, шестерых 7-леток признали годными. Племянника бывшего якорного ученика 12 лет, который, по словам дяди, «ушел неведомо куда», и племянника доменного работника, проживавшего в Новопышминской слободе у своей тети, искать не стали. Уже на следующий день после проведения смотра, 16 ноября, дети были отправлены при указе к учителю Якову Попову с предписанием: рапортовать о них в Уктусскую заводскую контору «повсямесячно». В итоге в список зачисленных в школу 16 ноября 1724 г. вошел 31 человек из 46, учтенных переписью в возрасте 7—14 лет².

Еще одно большое пополнение Уктусской словесной школы произошло, видимо, в конце 1724 — начале 1725 гг. В ведении, поданном учителем Поповым 3 марта 1725 г., он указал итог: «всего 60 человек», но в списке числилось 58³. Возможно, две фамилии учитель нечаянно пропустил или ошибся в подсчетах. Сравнение фамилий, фигурировавших в этом списке, с фамилиями учеников, ранее упоминавшихся в документах, позволило нам вычленить вновь поступивших в школу 40 человек! Среди новичков — «в часословах катеринбургские» Иван и Петр Левзины, Устин Глазунов; «в письме твержения рук алапаевские» 8 человек (в январе 1723 г. они числились в списке Алапаевской словесной) и Ефим Мокроносов, житель «катеринбургской», (но в январе 1723 г. и он числился в Алапаевской словесной, т. е. переехал с отцом на новый завод и был определен властями в Уктусскую школу)⁴. Далее под рубрикой «в письме слов» указаны два новичка — Петр Говорухин (числился в Алапаевской в 1723 г.) и Елисей Фомин; «в письме твержения рук уктуские» —

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 687.

² Там же. Л. 730 об.

³ Там же. Д. 11. Л. 193—193 об.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 70 об.

8 человек; «в твержении азбуков уктуские» — 14 (все новички); «в часословах уктуские в полунощнице» — 11 человек (среди них 2 новичка), и далее с указанием начальных ступеней обучения грамоте числилось еще 10 новичков. Учитель сообщил, что в «725 году здешнего молотового мастера Андрея Мингалева сын ево, школьной ученик Антон, умре». Фамилия Мингалева также не упоминалась в предыдущих ведомостях, а его отец фигурировал среди челобитчиков, молотовых мастеров, в 1722 г. просивших о неспрашивании с них дымных денег и детей для обучения в школу.

Мы видим, что в конце четвертого года деятельности Уктусской школы она численно возросла, в нее стали зачислять для обучения и детей первых жителей Екатеринбурга. Вероятно, Иван и Петр Левзины были сыновьями секретаря Сибирского Высшего начальства, а затем Сибирского обер-бергамта, Матвея Ловзина. В Уктусскую школу забрали и учеников из Алапаевской словесной, прекратившей свою деятельность. В Уктусской школе и свои собственные 8 учеников и 8, присланных из Алапаевской школы, находились «в письме твержения рук», а они стали числиться в списках этих школ с 1722—1723 гг., некоторые уктусские — даже с марта 1724 г., т. е. у части учеников 4 года ушло на обучение грамоте, у других — 3 и 2 года.

По нашим подсчетам, проведенным на основе анализа сохранившихся ведомостей и упоминаний фамилий учеников в других документах, к началу пятого года деятельности Уктусской школы, до ее закрытия, прошли обучение в ней тот или иной срок как минимум 128 человек, включая пятерых, поступивших весной 1725 г., незадолго до перевода школы в Екатеринбург.

Обеспечение учащихся казенным жалованьем

Словесная школа начала действовать в марте 1721 г., а жалованье части учащихся было назначено лишь в декабре. Инициатором этого решения выступила Берг-коллегия. При слушании доношения Татищева о наборе учащихся в Уктусскую арифметическую школу с территории завода и прилегающих слобод Берг-коллегия своим решением от 20 июля 1721 г. предписала принимать таких детей не только из слобод, приписанных к заводам, «но и ис протчих городов и сел, ежели которыя прибудут так[ие] люди волею и запишутца, потому [ж] оных велеть обучать грамоте и цыфири, и геометрии,

також и ис крестьянских робят, кои к оным к Уктунским заводом приписаны, кои придут волею, а скудных и маломошных хотя неволею против вышеписанного ж обучать, и по обучении оному определить их к рудным делам, хто куда способен, и учинить на то школу и определить им некоторое пропитание, смотря по их наукам, дабы из молодых робят всякому было охотно оному обучатца»¹.

Судя по тексту этого документа, Берг-коллегия распространяла свое мнение о назначении жалованья ученикам не только в арифметической, но и в словесной школе. Н. В. Нечаев считал, что Татищев «добился разрешения Берг-Коллегии о выдаче жалованья учащимся за счет заводов»². Но в доношениях Татищева в Берг-коллегию вопроса об этом не поднималось — все они налицо, что подтверждает их реестр, составленный самим Татищевым³. Решение коллегии, вынесенное на заседании, судя по выпискам, приняло форму указа 4 сентября 1721 г.⁴, а приговор уральского начальства о введении жалованья состоялся 24 декабря 1721 г.

Судя по «Книге записной дневальной» 1721 г., 4 октября Татищев по делам выехал в Тобольск, вернулся на Уктус лишь 18 декабря, 19—22 декабря выезжал на заводы Демидова⁵. 24 декабря 1721 г. Татищев и Блиер приняли решение о назначении жалованья учащимся обеих Уктусских школ, словесной и арифметической, причем непосредственным поводом стала подача прошения учениками последней. Назначаться оно должно было сиротам и тем, чьи родители имели оклады менее 10 руб. В эту категорию попадали разве что писчики и сторожа. Приведем полностью текст этого важного документа:

«Сиротам и тем, у кого отцы убогие и пропитать детей своих не могут, давать всякому муки ржаной по полтора пуда на месяц или вместо муки деньгами против покупной цены, да в год на платье по рублю человеку.

И оное отдавать родителям или их питателем, у кого они живут, записывая в расход с роспискою, а самим робятам не давать. Ежели ж которые сироты никакова свойственника не имеют, тех камисару

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 126.

² Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала ... С. 61.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 200—207 об.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 87 об.; Д. 1076. Л. 199.

⁵ Там же. Д. 4а. Л. 288 об. — 292 об., 293.

отдавать в пропитание здешним жителем, людям добрым, и давать корм по объявленному, имея надзирание, дабы содержали оных сирот по должности христианской

А ученикам, у которых отцы у церкви в службе или на заводе в окладе, или в работе может в год десять рублей иметь, и тем жалованья не давать, доколе не начнут учить тройного правила, а которые начнут, и тем давать против того ж, как и сиротам. И оных употреблять в Канцелярии для письма, когда нужда позовет. А которые за скудостью из школ разошлись, и тех велеть, собрав, обучать с протчими, и о том послать на заводы указ»¹.

Согласно дневальной книге Канцелярии горных дел 28 декабря 1721 г. был послан указ комиссару казенных заводов Т. Бурцеву «о даче жалованья школьным учеником»². Через неделю, 2 января 1722 г., предписывая Бурцеву собрать подьяческих, дворянских и церковничьих детей из слобод Алапаевского завода, обученных грамоте, Татищев приказал и «оним давать здесь [при Уктусском заводе. — А. С.] прокормление против сирот, понеже родителем их прокормить за дальностью не способно»³. Этот приказ Татищева стал руководящим документом и при назначении жалованья ученикам словесной школы, взятым учиться из дальних мест.

Таким образом, жалованье уральским школьникам состояло из двух частей: хлебного и денежного. Из полутора пудов ржаной муки благодаря 100% припека выходило до 1,5—1,6 кг хлеба в день. Сколько же оставалось школьнику, если он еще и выменивал часть хлеба на другие продукты, ведь одним хлебом вряд ли получалось ограничиваться, хотя он и составлял основу питания в то время. К тому же часть его, наверное, приходилось отдавать за постой у чужих людей, за приготовление пищи. Заметим, жалованье должно было выдаваться на руки родителям, свойственникам или чужим людям, у которых проживали ученики, и далеко не все они обладали добротой, а надзирание со стороны комиссара за хозяевами вряд ли могло иметь место — у него хватало своих заводских обязанностей.

Выдачей жалованья занималась Уктусская заводская контора. Единственные документы, свидетельствующие о выдаче жалованья, — ведомости расхода припасов завода и денег. В ведомости прихода-

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 133 об. — 134.

² Там же. Д. 4а. Л. 296 об.

³ Там же. Л. 677 об.

расхода припасов за июль 1722 г. под рубрикой «в отдачу правиянту» записано: «Школьником в жалованье муки ржаной 21 пуд». Поскольку каждому полагалось по 1,5 пуда, получается, хлеб был выдан 14 ученикам, видимо, словесной и арифметической школ вместе. В августе — 16 пуд. 20 фунтов, т. е. 11 ученикам¹. В ведомости за 1723 г. указано более конкретно: «словесной школы учеником на пропитание и за провиант деньгами» — 3 руб. 33 коп., в 1724 г. с января по август — «словесной школы учеником на пропитание» — 4 руб.² Т. е. порой вместо хлеба ученикам выдавались деньги на его приобретение, возможно, из-за отсутствия запасов хлеба в эти месяцы в местном заводском магазине. В 1722 г. провиант выдавал Степан Братцев как шихтмейстер Уктусского завода, отвечавший за приход-расход припасов, указы комиссара Бурцева шли к нему, в 1723 — к приказчику Никите Петрову. Непосредственно хлеб выдавали целовальники по их приказу, денежное жалованье выдавалось в конторе у казначея Якова Степанова³.

Заводские власти, зачисляя детей в школу, не сразу же решали вопрос о назначении им жалованья. В «Описи Уктусского заводу» за 1723 г. в январе зарегистрировано доношение на имя генерала В. И. Геннина «школьных учеников Федота Хромцова с товарищи о выдаче им денежного жалованья⁴; 31 марта — указ из Екатеринбургской заводской конторы о выдаче муки ржаной и денег школьному ученику Поздееву, при этом — указ «расходчику» Родюкову «о выдаче оногo Поздеева отцу денег»⁵.

В мае 1723 г. четверо новичков духовного сословия, зачисленных в Уктусскую школу из приписных к Каменскому заводу слобод, подали прошение об определении им жалованья, поскольку за дальностью домов питаться нечем, и указали, что взяты в марте месяце на Уктусские заводы для обучения «словесной грамоты и арифметики»⁶. Документ оформлен так же, как и прошение учащихся, одновременно взятых по указу Геннина в арифметическую школу, — на имя Петра I, с указанием места проживания подростков (трое из

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4. Л. 1125, 1300.

² Там же. Д. 28. Л. 771, 773 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 1 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 2 об.

⁵ Там же. Л. 53.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 643 об.

Багарянской слободы (Селиванов, Кобелевы; Широков — из Колчеданского острога). От Уктусского завода до Колчеданского острога, согласно выпискам по делу — 120 верст, до Багарянской слободы — 133 версты. И 16 мая жалованье им (как и взятым учиться в арифметическую школу) было назначено общим решением, подписанным вершившим дела в это время в Обер-бергамте И. Ф. Патрушевым: давать по указу Татищева, изданному в январе 1722 г., «против сирот» по 1,5 пуда муки, «понеже оные взяты из дальних слобод». Но о полагавшейся им выдаче 1 руб. в год на одежду и обувь умолчал¹. Таким образом, и церковничьи дети, и сын попа Егор Кобелев жалованье получили как взятые в школу из дальних мест.

В январе 1725 г. уже 24 учащихся Уктусской словесной школы подали коллективную челобитную на имя Петра I: взяты мы в школу в ноябре 1724 г., «а жалованья нам не определено и питатися у тое науки нечем», и просим определить его «против нашей братьи»². Фамилии просителей разбиты на группы в соответствии с должностями отцов. Детей молотовых мастеров среди них — семеро, подмастерьев — один, угольных мастеров — трое, есть один «подьяческой» и фамилии 12 человек фигурируют под рубрикой «протчих чинов». На основе реестра детей, зачисленных в школу в ноябре 1724 г., мы установили должности этих «протчих чинов»: доменный засыпщик, доменный работник, колотушечный ученик, каменщик, сторож; бывший мастер, бывший подмастерье; пасынок горного ученика. Трое детей — братья молотового подмастерья, подьячего и заводского ученика. Заметим, обратились за жалованьем 24 ученика из 31 зачисленного, и среди них — дети молотовых мастеров, чьи отцы имели самые высокие оклады среди работников заводов, и дети заводских учеников, сторожа — с самыми низкими окладами. К сожалению, неясно, чем кончилась эта история. Решение в данном случае могло принять лишь уральское начальство, но его указ в деле отсутствует.

Сам управитель Уктусского завода приказчик Никита Петров не понимал, каков порядок выдачи жалованья школьникам. В декабре 1724 г. он запрашивал Екатеринбургскую заводскую контору: «учеником школьным жалованье по прошению, так ли давать?».

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 646—648.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11. Л. 79.

Контора отписалась маловразумительным указом: чинить «по данным тебе пунктом, а буде пунктов не дано, то послать таковы ж, каковы посланы на другие заводы», имея в виду Наказ заводскому комиссару 1723 г.¹ Но в пункте 15-м Наказа о порядке выдачи жалованья не говорилось, лишь о том, кто может на него претендовать: ученики, чьи отцы получают меньше 12 руб. в год и все взятые учиться с других заводов. «Опись Уктусского заводу» регистрирует поступление Наказа 18 февраля 1724 г.: «Пункты школьным учителем, как обучать школьников»², т. е. копия предназначалась учителю. Еще один экземпляр инструкции поступил на Уктус в декабре 1724 г., уже для приказчика как главы заводской конторы.

Новый учитель — отставной дьячок Яков Попов (1724—1725 гг.)

27 января 1724 г. подал доношение в Екатеринбургскую заводскую контору бывший дьячок Каменских заводов Яков Попов. Он сообщил, что в прошлых годах служил там дьячком при церкви Трех святителей, 2 марта 1723 г. двух его сыновей взяли в Уктусскую школу для обучения арифметике и геометрии. «Для того ... и он съехал со оных на Уктуския заводы, а ни х какому делу... не определен, и желает ... обучать словесную школу читать и писать, и которыя пожелают, отчасти и пеня», и просит определить учителем с жалованьем³. Содержание этого прошения передано в указе «Заводской канцелярии» (Екатеринбургской заводской конторы) приказчику Уктусского завода Никите Петрову, как и содержание решения Сибирского обер-бергамта по нему.

Екатеринбургская контора была не вправе решать столь важный вопрос, обратилась в Обер-бергамт, тот «на поданныя пункты заводцкой канцелярии» принял решение. Видимо, заводской комиссар привел целый ряд доводов в отношении негодности учителя Грамотчикова, оформленное «пунктами», и 12 февраля 1724 г. Обер-бергамт издал указ: «прежнего оной школы учителя Петра Грамотчикова за неприлежное обучение от того отставить, и вместо

---

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 236.

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 41 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 97.

его определить годного учителя ис каменных, а со оного Грамотчикова за штраф взять жалованье назат, буде взял»¹. Поскольку жалованье выдавалось по третям года, Грамотчиков его вряд ли успел получить.

На основе этого указа Обер-бергамта Екатеринбургская заводская контора выносит свой «приговор»: вместо Грамотчикова быть учителем «каменскому дьячку Якову Попову, и оной школы учеников словесного учения и писания, а кто пожелает, и пеня, обучать с прилежанием и давать ему жалованье по тому ж, почему давано и помянутому Грамотчикову». Попову «в содержании той школы, как ему поступать», дается «инструкция», копия ее посылается с этим указом.

Приказчику Петрову предписывается по этому указу «чинить...во всем непременно, за учителем «смотреть прилеж[но], чтоб он всегда был при школе неотлучно и учил с прилежным радением без лености и не пьянствовал, и ежели в чем явитса противен или какия ради причины неисправен, о том сюда писать неуме[для], за что он будет штрафован по указу». После копии главы Наказа 1723 г. о школах шла приписка Ф. Неклюдова: «а ежели оной дьячок словесной школы содержать порядочно не будет и обучать будет неприлежно или пьянствовать, а про то тебе будет ведомо, и тебе б его держать у обучения всегда под караулом, а временем и скована, а буде и от того не уймаца, то о том сюда писать немедленно»².

Ясно, что заводской комиссар Неклюдов хорошо усвоил жесткие порядки, применяемые к нерадивым подьячим, и готов применять их по отношению к учителю, обязанность которого не только обучать, но и воспитывать детей. Трудно себе представить учителя, наказанного таким образом, скованного и преподающего детям основы нравственности.

Но это предостережение оказалось излишним. Попов, как и Грамотчиков, был пожилым человеком, поменявшим место жительства ради присмотра за своими детьми. От Каменского завода до Уктусского расстояние было большое — 101 верста, и доставлять сыновьям пропитание, одежду являлось бы для него, отставного дьячка, большой проблемой, да еще платить за их постой на чужой квартире на Уктусе.

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 97.

² Там же. Л. 97—97 об., 103 об. —104.

Видимо, Яков Попов по-доброму относился не только к своим детям, но и к подопечным своим ученикам. Как отмечал начальник заводов В. И. Геннин в 1727 г., он «потакает ребятам»¹. Через несколько дней после назначения, 3 марта 1724 г., Попов подал «ведение...о приеме книг и школьников у Грамотчикова»².

Жалованья 9 руб. в год Попову было явно недостаточно, чтобы сводить концы с концами, тем более после переезда на новое место жительства. И учитель не раз обращался в 1724 г. в Екатеринбургскую заводскую контору как учреждение, ведавшее школами, с просьбами о выдаче части жалованья ранее положенного срока, не выдерживая трети года. Уже 17 марта попросил «о выдаче денег двух рублей в вычет»³. Другие прошения не сохранились, лишь отмечены в описи документов конторы, а содержание прошения от 4 августа того же года передано в указе Неклюдова приказчику Петрову на Уктус.

Попов сообщал, что уже получил в зачет за первую треть 1724 г. 2 руб., «а ныне де имеет он необходимую нужду в поставке к зимнему времени сена и в покупке хлеба в деньгах. Також де впал в велекия долги, а оплатить чем, не имеет, и чтоб де ему для оной ево нужды заслуженое первой трети, что надлежит, добавить, також и в другую треть выдать». Екатеринбургская контора и эту просьбу удовлетворила. Недоданных денег, с 22 февраля, начала работы, насчитали 1 руб. 20 коп., а с учетом второй трети года, по октябрь месяц, Попов получил на руки 4 руб. 20 коп.⁴ Но 4 декабря 1724 г. он вновь ходатайствует о выдаче жалованья за ноябрь и «для скудости» вперед — за декабрь и получает 1 руб. 50 коп.⁵ Заметим, Ф. Неклюдов как человек, отвечающий с октября 1723 г. за деятельность школ, каждый раз вникал в денежную проблему учителя и шел ему навстречу, все прошения удовлетворялись.

А ведь в качестве учителя Яков Попов выполнял крайне важную работу — по обучению и воспитанию молодого поколения. Жалованье в 9 руб. имели сторожа, даже писчики в конторах по Табелю 1723 г. стали получать по 12 руб. в год. У Попова же в школе учеников в марте 1725 г. было 58 человек, среди них только

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 195. Л. 491—491 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 45 об.

³ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 74 об.

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 185—185 об.

⁵ Там же. Л. 805—806 об.

приступивших к азбуке насчитывалось 14 человек, «в тверждении слов» — 2, 1 «твердивший» азбуку; в разных частях часословов числились 18 человек; в псалтири — 2, в письме слов — 2, «в письме тверждения рук» — 18, скончавшийся Мингалев, видимо, твердил слова в азбуке — его фамилия упоминалась после этой группы. Следует учитывать, что в школу постоянно прибывали новые ученики, екатеринбургские, алапаевские, свои уктусские, это, безусловно, усложняло работу. Рабочий день учителя, согласно Наказу Ф. Неклюдову, был увеличен: летом школа должна была работать 12 часов, осенью и весной — 9, зимою — 7 часов.

К сожалению, отсутствуют какие-либо документы, освещающие воспитательную работу учителя. Эта сторона деятельности школ слабо волновала властные структуры, в условиях широкого заводского строительства им было не до этого, контроль не осуществлялся, отсюда и отсутствие какого-либо следа в отложившихся документах. Нам удалось выявить лишь один, касавшийся этого вопроса. В мае 1723 г. И. Ф. Патрушев, заседавший в Обер-бергамте, располагавшемся до 1 августа на Уктусском заводе, невольно наблюдавший за работой школы, 26 числа отправил приказчику завода Петрову такой указ: «В инструкции г-на артиллерии капитана Василия Никитича Татищева камисару Бурцову в 7 главе о школьниках, в 3 и 4 и 5 статьях написано, а ту инструкцию име[е]шь ты и по ней надлежит тебе управлять; а ныне от тех школьников никакова действия по оным статьям не видимо, и в церкви никогда благочинно [не] обретаются и по получении сего Е. И. В. указу по оной инструкции смотреть прилежно и исправно, как повелено, дабы на тебе за презрение не взыскивалось»¹. Этот выговор, сделанный в благородно-вежливой форме, касался, конечно, учащихся обеих школ.

Учебные пособия Уктусской словесной школы

В Наказе Т. Бурцеву, изданном 27 февраля 1721 г., Татищев предписывал покупать учебные книги в словесные школы, «кроме азбуки». Неясно, почему он исключил их из закупаемых книг, ведь с азбуки начиналось обучение грамоте. Возможно, хотел сэкономить школьные средства, надеясь, что азбуки найдутся в семьях или как

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 16. Л. 114.

самые дешевые пособия могут быть приобретены родителями. Трудно ответить на этот вопрос. Но когда дня через два учитель попросил выдать ему азбуки и часословы, Татищев приказал Бурцеву организовать сбор денег с населения и купить эти книги на ярмарке¹. Т. е. приобретались они не за казенный счет, и дети поначалу вынуждены были заниматься по книгам, приносимым из дома или взятым у кого-то напрокат, за плату.

Количество учебных пособий, имевшихся в Уктусской школе, их состав устанавливаются на основе ведомости, составленной в марте 1724 г. учителем Петром Федоровым (Грамотчиковым) в связи со сдачей учеников и дел Якову Попову. В ведомости числилось 15 азбук и 18 часословов². Это и были книги, использовавшиеся с 1721 г. Отмечалось их состояние. Если азбуки характеризовались одним словом — «битые», то внешний вид каждого из часословов описывался подробно: «Часослов, от доски 1 лист побит; лист с началу 1 дран; с первого листу до десятого до половины вон вышли..., застежка утеряна» и т. д. Т. е. за три года ежедневного использования книги сильно пообтрепались, что, безусловно, стало затруднять обучение, создавать сложности как для учителя, так и для учеников.

Представление о степени обеспеченности уктусских школьников книгами можно составить на основе сравнения количества учебных пособий с числом учеников, пользовавшихся ими. В ведомости за март 1722 г. указано 28 человек: 1 учил псалтирь, 25 — часословы, 2 — азбуки, т. е. на 18 часословов приходилось 25 пользователей. В марте 1725 г. из 57 человек 17 учили азбуки, 18 — часословы, 2 — псалтири, 20 обучались письму.

Ясно, что состав учеников постоянно менялся — одни переводились в арифметическую школу, другие распределялись к делам, менялось и соотношение учащихся, пользовавшихся книгами, по мере продвижения от азбук к часословам. В отношении азбук можно говорить о их нехватке в первые месяцы после приема новичков — в ноябре 1724 г. пришел, например, сразу 31 человек, а азбук — всего 15, нехватка часословов налицо и в 1722 г. — 18 экземпляров на 25 человек, читавших его, а ведь именно с часословов списывали потом тексты и обучавшиеся письму. Большая нехватка учебных книг должна была ощущаться и во время

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 315.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 97. Л. 180.

коллективных зачислений в школу, когда приходило разом 31 и 40 новичков

Среди учеников мы видим нескольких, изучающих псалтирь. Поскольку казенные псалтири в Уктусской школе отсутствовали, можно смело утверждать, что это семейные книги, приносившиеся из дома. Среди владельцев домашних псалтирей — сын кузнеца Т. Бочков, молотового мастера Т. Филинков, молотового подмастерья Р. Пагадаев; сирота, брат мастера Ф. Хромцов, сын бобыля И. Головков, «фискальской сын» Л. Поздеев. В марте 1725 г. учили псалтирь Уляян Грамотчиков и Гаврило Юрьев¹. Возможно, некоторые ученики приходили в школу и со своими часословами.

В связи с переводом школы с Уктуса в Екатеринбург в мае 1725 г. к доношению приказчика завода Петрова прилагалась опись школьных «припасов»: «часословов старых 18, азбуков избитых 15; досок сосновых для учения письма учеников 30 цел[ых], 15 сн[ошенных]; ящик деревянной для держания книг ценою 12 копеек; холста для обкладывания книг, новых часословов и псалтырей, 6 аршин, цена 9 копеек; столов деревянных больших 2, скамей больших 1, средних 1, малых 1»². Имущество весьма скромное, особенно если учесть, что как минимум 128 учеников прошли через словесную школу до ее перевода в Екатеринбург.

Во всех школах горного ведомства с 1721 г. писали ученики на деревянных досках, каменных не было. Письму букв, слов учились на них же. Учитель Грамотчиков впервые попросил о выдаче ему бумаги в июне 1723 г.: «Обучаю я... в словесной школе учеников словесному и писать, а на учение письма из казны Е. И. В. бумаги пицей не дано, а оных учеников обучается писать дватцать человек», и просил выдать, «сколько пристойно». Выдана была десть — 24 листа, причем с предписанием: «не напрасно тратить» и писать учиться прежде на досках «совершенно»³. Получается, что каждому ученику могло достаться лишь по полтора листа бумаги. В марте 1724 г. по просьбе учителя Попова была выдана также десть, в мае просил «бумаги для отвержения рук школьником по разсмотрению», получил уже две дести (48 листов) с распискою, «и черной дано ж». В июле месяце

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.; Д. 11. Л. 193—193 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 3—3 об., 13—13 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 94—94 об.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 843.

вместо трех запрашиваемых дестей получил две¹. Т. е. бумага выдавалась в минимальном количестве, явно недостаточном для приобретения навыков письма.

В декабре 1724 г. в связи с большим пополнением школы (31 новичок) Попов подал в Екатеринбургскую заводскую контору доношение «о приготовлении в школу книг азбуков 30, часословов 30, псалтырей 50». Книги приказано было «купить на ярмарке». В марте 1725 г. они поступили в приход припасов конторы и были отправлены в Уктусскую школу². Попов потребовал сделать ящик «для держания книг с пробой и замком», указал его размеры: в длину 3 четверти, в ширину и высоту по 2 четверти ($53,25 \times 35,5 \times 35,5$ см); выдать холст для обкладывания книг, назвал количество новых пособий — 60 часословов и 10 псалтырей³. Т. е. азбуки так и не были закуплены, часословов приобретено вдвое больше, псалтырей — $\frac{1}{5}$ часть от затребованного. Видимо, недостаток псалтырей на ярмарке решено было заменить часословами. Но новые книги так и не были выданы в школу, пока она находилась на Уктусе, они достались ей после перевода в Екатеринбург.

В январе 1725 г. учитель заказал для учеников 30 «олифленных» черных досок для обучения письму длиной 2 четверти и полторы в ширину ($35,5 \times 27$ см)⁴. Они тоже в Уктусскую школу выданы не были.

Перевод Уктусской словесной школы в Екатеринбург

Весной 1725 г. словесная школа с Уктусского завода перебралась на новый Екатеринбургский завод. 27 апреля в Екатеринбургской заводской конторе зарегистрирован ее указ: «в Уктус, прикащику Петрову, о присылке сюда словесной школы учителя с ученики и со всем прибором ко учению в немедлении». 21 мая отмечено: «Учитель с учениками и со всем прибором при доношении прислан»⁵.

В доношении Екатеринбургской конторе уктусский приказчик Петров того же числа сообщал, что в реестре, приложенном к

---

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 73, 125 об., 161 об.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 239; Д. 4. Л. 65 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 10. Л. 194.

⁴ Там же. Л. 84.

⁵ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 65 об.

доношению, указаны фамилии учеников, получавших хлебное жалованье из Уктусского магазина. В нем числилось 10 человек. Далее следовал «реэстр учеников» — 46 человек. Таким образом, в Екатеринбург переводилось 56 учащихся, за март — апрель школу оставило 7 человек, новеньких поступило пятеро¹. И как видим, казенное жалованье получала незначительная часть учащихся — всего 10 человек из 56 или 17, 8%.

Подведем итоги. Открытие Уктусской словесной школы явилось результатом широких намерений начальника заводов В. Н. Татищева сформировать сеть школ при казенных заводах и в приписных к ним слободах. Татищев не просто взялся за дело, предварительно он регламентировал основы их деятельности в Наказе заводскому комиссару, олицетворявшему среднее звено управления заводами. Мы не знаем подобных примеров в отношении других видов начальных школ России. Этим наказом руководствовались также управители заводов и учителя.

Благодаря тому, что от Уктусской словесной школы сохранилось сравнительно много документов, мы можем проследить историю ее деятельности на протяжении всех четырех с половиной лет. Она стала первой действующей на горнозаводском Урале школой и внесла наибольший вклад в обучение грамоте детей Уктусского завода и приписных к нему слобод. Можно говорить о ежегодном пополнении ее новыми учениками и проведении властями больших коллективных наборов детей в 1723—1725 гг., когда принималось 12, 31, 40 человек одновременно.

Всего, по нашим подсчетам, в Уктусской школе проучилось тот или иной срок 128 человек. Подавляющее большинство их было детьми заводских работников, но были и дети приказных, церковнослужителей и других лиц. Лишь небольшая часть учащихся имела материальную поддержку, получала казенное жалованье. Мизерное жалованье имели и учителя — церковный дьячок Грамотчиков и отставной дьячок Попов — всего 9 руб. в год, меньше, чем получали писчики.

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 93—94.

Глава 2.

АЛАПАЕВСКАЯ СЛОВЕСНАЯ ШКОЛА: УЧИТЕЛЯ И УЧАЩИЕСЯ (1721—1724)

Подготовка к открытию словесной школы при Алапаевском заводе

Если словесная школа при Уктусском заводе начала действовать с марта 1721 г., то усилия властей по организации Алапаевской школы начались лишь летом 1721 г. и растянулись до ноября месяца, поскольку на этом заводе при первом его посещении В. Н. Татищевым и И. Ф. Блиером в январе 1721 г. выявилась картина весьма неприглядная. На следующий же день по прибытии на завод, 11 января, они издали указ о проведении переписи всех жителей: «приказных, мастеровых, работных людей, крестьян и шведов, с леты и их животы подворно»¹. Мастеровых от 15 до 60 лет оказалось 103 человека, к «бобыльским и работничьим» отнесено 48 человек. Но не хватало рабочих рук для обеспечения завода сырьем, во главе управления стояли люди негодные. Татищев сумел договориться с Сибирским губернатором о приписке к Алапаевскому заводу Невьянской, Арамашевской и Мурзинской слобод, указ об этом состоялся в марте 1721 г. В слободах проживало 7 583 человека обоего пола, в т. ч. мужчин от 15 до 60 лет 1 669 человек, так был решен вопрос с обеспечением рабочей силой вспомогательных работ, сменилось и управление заводом².

Только к лету у уральского начальства дошли руки до организации словесной школы на Алапаевском заводе. 10 июня 1721 г. по пути на

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 227 об.

² См.: Киселев М. А. Государственная деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 33—35.

завод из Арамашевской слободы Татищев с Блиером посылают «указ в слободу Мурзинскую о высылке подьяческих, церковничьих, пищиковых, детей боярских от 5 до 15 лет к смотру на Алапаевской завод»¹. Видимо, начальство хотело само отобрать детей для обучения в словесную Алапаевскую школу, а грамотных — в Уктусскую арифметическую. Возможно, во время этой поездки Татищев лично просматривал росписи детей Алапаевского завода и двух других приписных слобод — Арамашевской и Невьянской.

Судя по описи документов Алапаевского завода за 1721 г., 15 июня было подано «Доношение Татищеву от молотового мастера Константина Елкина, сына ево Якова, о научении письма в Канцелярии», 17 июня — доношение «от подьячего Федора Попова о определении детей ево в Канцелярию для обучения»². Это были первые прошения от подростка и родителя, известные нам на сегодняшний день, свидетельствующие о желании учиться красивому грамотному письму, но, заметим, путем выучки в Канцелярии, школы еще не было. Наверняка, Татищев и сообщил просителям о ее скором открытии.

26 июня 1721 г. В. Н. Татищев и бергмейстер И. Ф. Блиер вынесли первый приговор об открытии словесных школ на Алапаевском заводе и в слободах: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров, детей их, велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по Ноказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктусской завод для обучения»³.

Обратим внимание: на первое место среди подлежащих обучению в школах были поставлены дети церковнослужителей, большинство которых проживало в слободах, там можно было найти и сыновей детей боярских. Угроза забрать детей для обучения в Уктусскую школу, если родители откажутся отдавать их в Алапаевскую, могла оказаться действенной: ведь родителям пришлось бы снабжать их едой, одеждой, оплачивать постой на квартирах у чужих людей. А Алапаевский завод отстоял от Уктусского из-за кривизны дороги в

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 256 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 50—50 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 5 Л. 91

то время, судя по выпискам, на 183 версты (верста — 1,066 км)¹, слободы еще дальше. Отказ дьячков обучать детей как мотив для взятия детей в школу на Уктус, мог, по мысли начальства, оказать давление на церковнослужителей со стороны прихожан и таким образом сделать их невольным союзником власти в деле открытия школ.

30 июня на основе этого приговора был составлен указ В. Н. Татищева управителям Алапаевского завода Якову Вистицкому и Федору Попову об обучении детей при заводе и в приписных слободах². В следующем указе алапаевским управителям 16 сентября 1721 г. Татищев предписал: «Всеконечно о школах исправлять вам по Наказу и по третям года присылать ведомости, колико человек, в какой науке. А школу зделать в хоромах, где прикащики живали»³. Таким образом, и управители завода должны были руководствоваться нормами Наказа комиссару Бурцеву в отношении контроля за школой при своем заводе, и соответствующими указами начальника заводов Татищева, конкретизирующими и дополняющими наказ. Обратим внимание, школа еще не открыта, а Татищев уже вводит отчетность о ходе обучения детей: подачу по третям года ведомостей в Канцелярию, которые, видимо, должен был составлять учитель, а управитель завода — отсылать один экземпляр начальству на Уктус.

4 октября 1721 г. в Канцелярии горных дел был составлен очередной указ: «Школьников на Алапаевском заводе велите учить прилежно дьякону, а книги вам даны напредь сего, да к тому ж купить на Ирбитцкой ярмонки, сколько понадобится, собрав деньги по посланной к вам с камисарского Наказу копии. А в слободах велите со всяким прилежанием обучать дьячкам, и о том учинить вам по прежде посланным июня 30, сентября 16 дня и по сему указом непременно»⁴. В тот же день Татищев отправился в Тобольск и вернулся на Уктусский завод лишь 22 декабря 1721 г.⁵

Следующий документ, в котором Татищев поднял вопрос о школе Алапаевского завода, — это очередной наказ, составленный им

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643—643об. Геннин в своем «Описании» заводов на 1734 г. показал расстояние до Екатеринбурга в 142 версты (с. 487).

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 242.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 290—290 об.

⁴ Там же. Л. 308 об. — 309.

⁵ Там же. Д. 4а. Л. 288 об.—293.

2 января 1722 г. в связи с предстоящим отъездом в Кунгур, а затем в Москву для встречи с президентом Берг-коллегии Я. В. Брюсом. Наказ адресовался комиссару заводов Т. Бурцеву. Пункты 18—20 наказа касались школ Алапаевского завода.

«18. За школами надзирать накрепко, чтоб прилежно обучались и все по воскресеньям в церковь ходили, в чем понуждать попов и дьячков, чтоб отправляли, как в ево Наказе написано...

19. На Алапаевских заводах взять роспись ученикам и пересмотреть, учатца ли они чему и колико их в которой науке. Ежели не учатся которые, зачем, исследовать, от кого то преслушание, а о даче убогим и сиротам жалованья определить против здешнего.

20. Ежели же тамо школа не заведена, велеть немедленно всех приказных и церковных служителей из слобод, мастерских и протчих завоцских жителей детей их собрать и обучать, на что им место показано и книги даны. О чем как управителем, так и учителю и ученичьим родителем подтвердить под не малым штрафом. А которые робята подьяческие, дворянские и церковничьи писать умеют, тех взять суда для обучения арифметику, однако ж из одного дому по два не брать. И оным давать здесь прокормление против сирот, понеже родителем их прокормить за дальностию не способно».

Содержание этих пунктов свидетельствует, что Татищев, не зная точно положение дел со школой на Алапаевском заводе, уделяет ей перед длительным отъездом в Москву особое внимание: требует подачи росписи о школьниках, выяснения, почему некоторые дети до сих пор не взяты в школу, несмотря на предписания властей; вводит выдачу казенного жалованья части учащихся. В случае, если школа еще не открыта, требует от комиссара начать обучение. Отметим: Татищев снова перечисляет социальные категории жителей, чьи дети подлежат школьному обучению. Из слобод — это дети приказных и церковнослужителей. По сути, повторяет нормы Наказа Т. Бурцеву 1721 г., объявляет о введении школьной повинности для этих детей, детей мастеровых и других жителей Алапаевского завода под угрозой немалого штрафа за отказ учиться. Ну и, наконец, уделяет внимание необходимости комплектования Уктусской арифметической школы за счет обученных грамоте подростков, которых приказывает комиссару забрать с территории Алапаевского дистрикта.

Все эти нормативные предписания, вынесенные коллективно В. Н. Татищевым и И. Ф. Блиером и лично Татищевым в 1721 — январе 1722 г., свидетельствуют об особых усилиях начальника

заводов в отношении открытия Алапаевской школы. С открытием Уктусской словесной, находившейся под постоянным оком начальства, такой серии приговоров, указов не требовалось.

В этих документах дважды упоминается, что какое-то число учебных книг уже передано школам, указом от 4 октября 1721 г. поручается купить их дополнительно на Ирбитской ярмарке. Записи в ведомости прихода-расхода денег Алапаевского завода за февраль 1722 г. раскрывают нам состав учебных пособий: «книг учебных... псалтирей 15, часословов 20; да часословов же, принятых от г-на капитана Василья Никитича Татищева в июне месяце 1721 году, 5, да азбуков 20»¹. Ясно, что Татищев лично привез на Алапаевский завод во время второго посещения 5 часословов и 20 азбук. В «Табели о приходе-расходе денежной казны» за 1722 г. показано: «за покупку припасов на ярмонке... за книги учебные за 20 часословов — 12 руб., за 15 псалтырей — 13 руб. 50 коп.; «за провоз их» — 3 руб. 40 коп.»² Алапаевский завод находился на расстоянии 90 верст от Ирбита, поездка была длительной, поэтому и набежала такая сумма за привоз книг.

Другой экземпляр ведомости содержит более подробные сведения о покупке книг в феврале 1722 г.: о месте их приобретения — на Ирбитской ярмарке, о лицах, совершивших покупку — «заводские жители» Агафон Белый и Андрей Мелентьев, источниках средств — «из государевых казенных денег ис продажи железа», цене книг (по 62,5 коп. за один часослов, 90 коп. — за псалтирь). За провоз книг и других покупок от Ирбитской слободы до Алапаевского завода уплачено 90 коп.; за «харчи», квартиру — 1 руб. 50 коп.; за пять недель поездки на своих лошадях, продажу железа заплачен 1 руб.³

Таким образом, первая партия книг была привезена Татищевым летом 1721 г. за 5 месяцев до открытия школы, вторая поступила в феврале 1722 г. Общее число учебных пособий составило 20 азбук, 25 часословов и 15 псалтирей. Если учесть, что в декабре 1722 г. из 34-х учеников 12 писали, 11 учили часослов и 11 — псалтирь, степень обеспеченности книгами учеников Алапаевской словесной школы можно считать хорошей. Среди припасов школы в октябре 1723 г. числилось: «азбуков учебных держаных 20, часослов книг учебных 25,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 25—25 об.

² Там же. Л. 213 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 279—279 об.

псалтырей книг учебных 15, ящичков деревянных для клажи книг 2»¹. Т. е. каких-либо пополнений книжных запасов в дальнейшем не предпринималось.

Дату открытия Алапаевской школы удастся установить по прошению учащихся-сирот Матвея Просвирнина «с товарищи», восьми человек, поданному в Алапаевскую заводскую «канцелярию» в январе 1723 г.: «С прошлого 721 году, с ноября месяца, по 1723 год на Алапаевских заводах обучаемся мы, нижеименованны, в школе словесному», как сироты получаем муку ржаную по полтора четверика, «а на платье и на обувь не даетца», просим выдать «денег на платье». Этот документ случайно обнаружен нами в деле Алапаевской заводской конторы, по стечению обстоятельств попавшем в фонд «Конторы Екатеринбургского монетного двора»². Из него следует, что Алапаевская школа начала функционировать в ноябре 1721 г., через семь месяцев после открытия Уктусской.

Учителя Алапаевской словесной школы. Сбор средств с населения на школу

Благодаря перечню указов о школах, исходящих от уральского начальства, мы видим, что их пришлось издавать неоднократно, исходили они и от самого Татищева. Ставка в этих указах делалась на привлечение в качестве учителей и на заводе, и в слободах на учителей-дьячков. Но на деле учителем на самом Алапаевском заводе был назначен не дьячок, а дьякон. Татищев изменил свое решение в результате непосредственного знакомства с ситуацией на месте летом 1721 г.

В июне, под впечатлением от поездки на Алапаевский завод, Татищев пожаловался сибирскому губернатору Алексею Черкасскому: невьянский поп, узнав о сборе детей церковничьих и подьяческих для обучения грамоте и арифметике, сына пономаря, уже назначенного в солдаты, но за малолетством отставленного, который едва часослов читал, женил на своей дочери и поставил в дьяконы без известия прихожан. Так же поступил и поп на Алапаевском заводе, 16-летнего сына женил и в дьяконы поставил, «где диякона не бывало

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 536 об—543.

² Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

и за малостию прихода быть не у чего»¹. Вероятно, Татищев своеобразно решил «наказать» юного дьякона, слабо занятого службой, обязав обучать детей грамоте, раз уж благодаря отцу тому удалось избежать обучения в Уктусской арифметической школе. Как владевшего грамотой его бы туда непременно забрали.

Если сохранившиеся прихода-расходные ведомости Уктусского завода, по сути, умалчивают о сборе средств на деятельность школы, то аналогичные ведомости Алапаевского завода широко представлены в фонде Уктусской заводской конторы (посылались для отчета комиссару Т. Бурцеву) и среди документов Сибирского горного начальства, как стала называться Канцелярия горных дел в 1722 г. В ведомости за вторую треть 1722 г., в мае, отмечено: «В 26 де[нь] принято собранных денег в Е. И. В. казну, которые собраны [с] заводских жителей на школу за труд учителю по три копейки с венца, да и с ребят, которые в школе не учатца, от восьми лет по три ж копейки. Всего пять рублей дватцать одна копейка»². Получается, что трехкопеечному сбору на Алапаевском заводе подверглось 173 источника.

В расходных статьях за 29 мая 1722 г. значится: «заводскому дьякону Иякову Иоанинову за учение робят в школе заводских ис собранных денег два рубля»³. В «Табели», фиксирующей, сколько остаточных от 1721 г. и вновь собранных денег в 1722 г., показан расход на покупку на Ирбитской ярмарке 20 часословов за 12 руб., 15 псалтирей за 13 руб. 50 коп., «за учение робят школьников учителю» — 3 руб.⁴ В расходе за декабрь 1722 г. читаем: «за ученье робят школьников» — 1 руб.⁵ В другой ведомости: 30 декабря 1722 г.: «дано ис казны Е. И. В. денежного жалованья алапаевскому дьякону Якову Иванову за труд, что обучает робят в школе словесному на Алапаевском заводе денег рубль»⁶. В «Табели Алапаевских заводов

---

¹ ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 231—231 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 983 об.

³ Там же. Л. 989 об.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 314.

⁵ Там же. Д. 28. Л. 775 об.

⁶ Там же. Д. 20. Л. 305.

о приходе и расходе денежной казны» за январь — декабрь 1722 г. зафиксировано: «За учение ребят школьников учителю 3 руб.»¹.

На основе данных этих ведомостей мы можем утверждать, что дьякону Якову Иванову на Алапаевском заводе за обучение ребят платили в три раза меньше, чем учителю на Уктусском заводе, где сумма составляла 9 руб. в год и выплачивалась из казны. В «Табели» за первую треть 1723 г. выдача денег алапаевскому учителю не показана², в ведомости же с июня по декабрь 1723 г. отмечено: «за учение ребят школьников словесному» — 2 руб., «за учение оных же школьников письму» — 2 руб.³, что свидетельствовало о появлении второго учителя, обучавшего только письму. В другой ведомости за декабрь 1723 г. читаем: 30-го числа по письму управителя завода Буженинова «Алапаевской земской канторы писчику Павлу Дягилеву за учение ребят школьником, [которых] писать обучил, а имянно, Фирса Кобакова с товарищи девяти человеком, за оных по десяти копеек от каждого, итого, двеносто копеек»⁴.

Так мы узнаем фамилию учителя письма и его должность — писчик земской канторы, ведавшей организацией на заводские работы приписных к Алапаевскому заводу крестьян. По Наказу Татищева за обучение письму ученик должен был заплатить своему учителю 12 коп. Возможно, начинал учить письму дьякон или ученики еще до школы приступили к нему, поэтому сумма писчику Дягилеву была уменьшена до 10 коп. Заметим, деньги с учеников собирал не сам учитель, а представители заводской власти, они же их учителю и выдавали.

В январе 1723 г. дьякон Яков Иванов подал доношение уральскому начальству, в котором жаловался: «обучает де он алапаевских обывателей детей их в школе грамоте, а жалованья ему нет», на нем помета, продиктованная Генниным: «велено выписать», далее идут выписки о назначении жалованья Копылову, отцу и сыну Грамотчиковым в школе на Уктусском заводе — 9 руб.⁵ На этом документ обрывается, решение по нему не зафиксировано.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 314.

² Там же. Л. 345—347.

³ Там же. Д. 28. Л. 580 об.

⁴ Там же. Л. 598 об.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 62—62 об.

27 октября 1723 г. в описи документов Екатеринбургской заводской конторы, которая с момента издания Наказа Ф. Неклюдову (15 октября) стала отвечать за деятельность школ вместе с комиссаром, отмечено: «Доношение с Алапаевских заводов о определении словесной школы учителя, ибо диакон не обучает. О показании учителя предложено во Обер-бергамт доношением»¹. Вероятно, дьякон прекратил занятия со школьниками из-за низкой, по сравнению с уктусским учителем, оплатой труда и несвоевременной ее выдачей.

Решение Обер-бергамта по этому поводу нам, к сожалению, неизвестно, но опись документов Алапаевского завода за 1723 г. регистрирует «доношение писчика Павла Дягилева о выдаче ему денег за обучение школьников» ; опись за 1724 г. — «доношение от подьячего Кичигина о приеме школьных учеников и выдаче ему денег за учение, при нем реэстр»². Т. е. в качестве учителей грамоты в Алапаевской словесной школе стали подвизаться приказные служители, параллельно с исполнением своих основных обязанностей, и писчик Дягилев передал учеников Кичигину. В ведомости управителей и приказчиков, стоявших во главе дистриктов с 1724 по 1739 г. Иван Кичигин показан во главе Алапаевского дистрикта «с 1724 году по 17 марта 1724 году, а с того числа при том же дистрикте у одной подьяческой должности» и затем, с июля по декабрь 1724 г., он снова замещал управителя дистрикта³. В описи дел Алапаевского завода за 5 июня 1724 г. зарегистрирован указ Екатеринбургской заводской конторы «о посылке школьников, которые обочаюцца письму, для обучения арифметику», при том «черное доношение» на полутора листах от 25 июня, с которым, видимо, и были отправлены ученики⁴, которых обучил Кичигин письму. Вероятно, он продолжал обучение их и дальше, но только письму, вплоть до закрытия школы.

---

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 210 об.

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 126 об., 141 об.

³ См.: Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху... С. 1380.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 133.

Учащиеся Алапаевской школы

Если ведомостей об учениках Уктусской словесной школы известно несколько, то от Алапаевской школы дошла лишь одна, за 17 января 1723 г. Данные об учениках на 31 декабря 1722 г. были сообщены также комиссаром И. В. Аврамовым Геннину «на «присланные пункты о состоянии Алапаевских заводов». В «нижайшее ведение» наряду с росписью количества работников, дворов на заводе, припасов Аврамов несколько строк посвятил школе: «школьников, которые обучаютца словесному: письму — 12 человек, псалтири — 11 человек, часословы — 11 человек. Итого 34 человека»¹. Отсюда можно сделать вывод, что большинство учащихся Алапаевской школы начали обучаться грамоте еще на дому, поэтому к концу первого года пребывания в школе треть детей успела перейти к псалтири, а треть — даже к письму.

В ведомости-«реестре» учащихся от 17 января 1723 г. в школе числится 35 человек. Информация ее, к сожалению, очень краткая: указаны лишь имена, фамилии учеников, приведенные под рубриками: «псалтирь выучил» (26 человек), в разных частях часослова — 8 человек, «азбуки выучил» — 1². Только у части учеников показан возраст, не приведены должности отцов, и мы не можем судить о социальном составе школьников, не указаны и места их проживания, поэтому мы лишены возможности выяснить, каков был удельный вес жителей заводов и сколько детей взяли из слобод.

Если Аврамов показал треть учеников, обучавшихся письму, то составитель ведомости о письме не упоминает, заостряет свое внимание на псалтири, 26 человек ее выучили, еще трое обучавшихся часослову перешли к псалтири, впервые появился ученик, начавший с азбуки. Но обучение письму не прекращалось, оно шло вместе с «твержением» псалтири: в мае 1723 г. шестерых учащихся Алапаевской словесной школы, числившихся в ней в январе, мы видим среди хлопотавших о назначении жалованья учеников арифметической школы Уктуса, перечисленных под рубрикой — «присланные с Алапаевских заводов школьные ученики: Матвей Старцев, Иван Залесов, Устин Чернавин, Фирс Кабаков, Григорей Говорухин, Александр Щербаков, Феклист Балакин, Иван Заякин.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 838.

² Там же. Д. 22. Л. 70—71 об.

Щербаков в реестре Алапаевских не упоминался, возможно, это записанный в нем как Александр Яковлев ученик, которому фамилию сначала дали по имени отца, такие явления имели место в 1720-е годы, когда процесс образования фамилий еще не был завершен. Не числился и Старцев, видимо, его успели принять в школу после 17 января. А Иван Заякин был плохо обучен письму, и в мае же 1723 г. переведен в Уктусскую словесную школу, где числился и в марте 1724 г.¹

У части алапаевских в реестре указан возраст, числа еще по старинке обозначены буквами. Данные интересные: одному ученику — 9 лет, пятерым — 10 лет, больше всех подростков от 11 до 17 лет, их 15. В целом есть представители всех возрастов — от 9 до 17.

Ясно, что Алапаевская школа поначалу была немного крупнее Уктусской — 34—35 человек против 28, к тому же в арифметической школе в 1722 г. уже числилось несколько алапаевских, в августе 1723 г. по прошению отца в словесную школу на Уктус был переведен А. Устинов, не учтенный в ведомости Алапаевской за январь 1723 г.

Приведем список 35 учащихся Алапаевской словесной школы на январь 1723 г., выстроив фамилии по алфавиту:

Псалтирь выучили:

Бабалов Макар	Пономарев Илья
Балакин Феклист	Просвирнин Матвей
Безбородов Алексей	Рудаков Андрей
Говорухин Григорий	Трусов Семен
Залесов Иван	Фокин Иван
Заякин Иван	Чернавин Аврам
Кабаков Семен	Чернавин Устин
Кабаков Фирс	Чюркин Кирило
Козин Галактион	Шангин Андрей
Логачев Григорий	Шаршавин Андрей
Мокроносов Ефим	Юров Иван
Немытин Трофим	Юров Михайло
Никонов Фирс	Яковлев Александр

в часословах:

Говорухин Петр	Сигаев Федот
Живодеров Нестор	Трофимов Епифан
Закожурников Ефим	Чернавин Емельян
Лупанов Василий	Шангин Ефим «азбуки выучил».
Мингалев Роман	

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 об.

Нами выявлено «ведение» Алапаевских заводов всем приказным, мастерам, подмастерьям и заводским ученикам, «кто имяны, у каких художеств», датированное 25 марта 1723 г.¹ В документе учтено 8 подьячих в заводской и земской конторах и у записи заводских работ, выполняемых крестьянами слобод; 12 молотовых мастеров, 13 подмастерьев и 12 молотовых работников; мастеровые «доменные», «меховые», «колотушечные», кузнецы, плотники, угольщики; «мастеровые люди, которые работают временно»; «беломестные казаки, которые живут при заводе» (4 человека), всего, по нашим подсчетам, 96 человек. Среди них много однофамильцев, поэтому затруднительно указать должность отца каждого из учеников (есть Балакин – молотовый подмастерье, есть и кузнец). Среди школьников – двое детей беломестных казаков: Макар Бабалов и Галактион Козин. Ясно, что большинство учащихся были детьми мастеров, подмастерьев, заводских работников. Восемь фамилий учеников в списке заводчан отсутствуют, из них 4 упоминаются в прошениях сирот о жалованье, всего же сирот обучалось 8 человек, чьи отцы в списке заводчан не числились. Это дает нам возможность полагать, что в школу были собраны все наличные дети школьного возраста, проживавшие при Алапаевском заводе.

Опись дел Алапаевского завода за 5 июня 1724 г. регистрирует указ из Екатеринбургской заводской конторы «о посылке школьников, которые обочаяютца письму, для обучения арифметику» и черное доношение при нем на 1,5 страницы от 25 июня². Т. е. из Алапаевской словесной школы взяли очередную партию в арифметическую школу, в это время уже переведенную с Уктусского завода в Екатеринбург. В августе 1724 г. та же опись фиксирует указ Екатеринбургской конторы от 4 августа «о присылке ученика Вистицкога», при том черное доношение на двух листах³. Без сомнения, речь шла о сыне Якова Вистицкого, назначенного Татищевым управителем Алапаевского завода в мае 1721 г., усилиями которого и открывалась заводская школа.

Семья Вистицкого до этого проживала в Невьянской слободе. Я. Вистицкий, верхотурский сын боярский, в декабре 1721 г. указом Сибирской губернской канцелярии был назначен на другую

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. л. 189—190.

² Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 133.

³ Там же. Л. 133 об.

должность — под его контролем должны были действовать заставы, следящие, чтобы никто не проезжал по неуставным дорогам, лишь по Верхотурской. Одна из застав как раз располагалась под Невьянском¹. Поскольку речь шла об «ученике», Вистицкий, видимо, в 1724 г. числился учеником Алапаевской школы, и его как кандидатуру, желательную для обучения под ближайшим контролем начальства, затребовали в Уктусскую словесную школу, как когда-то сына комиссара Алапаевского завода Матвея Аврамова, упомянутого в составе ее учащихся в мае 1723 г. Возможно, речь шла и о его переводе в школу арифметическую, действовавшую в Екатеринбурге.

В 1725 г. в Уктусскую словесную школу были переведены из Алапаевской последние ее учащиеся — 8 человек, видимо, на этом школа прекратила свою деятельность.

В ведомости Уктусской словесной школы 3 марта 1725 г. числятся «в письме тверждения рук Алапаевские²»:

Козин Галактион,
Пономарев Илья,
Рудаков Андрей.
Трусов Семен, итого 8 человек).
Фокин Иван
Чернавин Мартемьян (Емельян),
Юров Иван
Юров Михайло

Все они числились в январе 1723 г. в списке Алапаевской словесной. В Алапаевской школе начинали учиться и упоминаемые в ведомости Уктусской словесной за март 1725 г. «екатеринбургской» Ефим Мокроносос и «в письме слов» Петр Говорухин. Их отцы упоминались в «ведении» Алапаевского завода в марте 1723 г. как молотовые мастера, «которые работают временно»³. Если учесть переведенного из Алапаевской школы в Уктусскую словесную школу по просьбе отца Андрея Устинова и Марка Чернавина, в декабре 1722 г. ходатайствовавшего о выдаче жалованья⁴, затребованного на

---

¹ См.: Киселев М. А. Государственная деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1721 г. С. 36.

² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 11. Л. 193.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 190.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 67; Оп. 2. Д. 5. Л.90.

Уктус ученика Вистицкого, не учтенных в единственной ведомости 1723 г., то можно считать, что в Алапаевской школе по 1724 г. прошли обучение по меньшей мере 38 подростков. Могли поступить новички и в течение 1723—1724 гг., но документы об этом отсутствуют.

Выплата казенного жалованья

В Алапаевской словесной школе ученики стали получать казенное жалованье вслед за учащимися уктусских школ: на Уктусе институт казенного жалованья был введен 24 декабря 1721 г., на Алапаевском заводе — в январе 1722 г. Как упоминалось выше, 2 января 1722 г. Татищев в наказе Т. Бурцеву перед отъездом в Кунгур и Москву предписал в отношении школьников алапаевских: «...о даче убогим и сиротам жалованья определить против здешнего», т. е. как и уктусским. На завод 10 января 1722 г. пришел указ комиссара Т. Бурцева о назначении сиротам по 1,5 пуда муки в месяц или деньгами и «на платье» раз в год по 1 руб., причем давать предписывалось родителям или питателям, у кого живут ученики, а самим в руки не давать. Бурцев делал оговорку: «Ежели же которые сироты никакова свойственника не имеют, тех велено отдавать в пропитание здешним жителем, людям добрым, и давать корм по объявленному, имея надзирание, дабы содержали оных сирот по должности христианской»¹. Т. е. дублировалось решение уральского начальства в отношении уктусских школьников. Также лишались жалованья дети, если оклады их отцов превышали 10 руб. в год, не полагалось жалованье и детям служителей церкви.

Жалованье школьникам на Алапаевском заводе давалось вместо муки в основном деньгами «против покупной базарной цены» Так, по указу комиссара Аврамова 6 учащихся на апрель 1722 г. получили «по полтора четверика человеку, итого четверть с четвериком». В сентябре 1722 г. ученики сами по какой-то причине просили «о выдаче им хлебного жалования деньгами»². В декабре 1722 г. 8 ученикам — «Матвею Просвирнину, Федяю Сигову, Галактиону Козину, Авраму да Марку, да Емельяну Чернавиным, Ефиму Семенову сыну Закожурникову, Василию Лупанову» вместо хлеба

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4. Л. 281 об.; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 99 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86; Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 90.

дали деньгами «по 22 копейки с полу» — 1 руб. 80 коп.¹ (представитель семейства Чернавиных, Марк, в единственной ведомости школы в январе 1723 г. уже не числился). Деньгами вместо хлеба эти ученики получали, видимо, и в другие месяцы 1722 г. — в ведомости годового расхода записано: «Школьником робяткам сиродским детям вместо хлебного помесячного полутора пуда муки ржаной жалованья» 5 руб. 40 коп. В расходной ведомости за 1723 г. — с июня по декабрь, за 7 месяцев, «школьником жалованье вместо хлеба» — на 7 руб. 20 коп., но за май месяц 7 человек получили хлебное — 10 пудов, 20 фунтов².

В 1723 г. всем 8 ученикам, Матвеем Просвирнину «с товарищи», в январе месяце пришлось подавать прошение в Алапаевскую заводскую «канцелярию» о выдаче им денежного жалованья за 1722 г., в котором сообщали, что учатся с ноября 1721 г., как сироты получают муку ржаную по полтора четверика, «а на платье и на обувь не даетца», просят выдать «денег на платье»³. Были сделаны выписки из указа комиссара заводов Т. Бурцева, присланного в январе 1722 г., о даче хлебного жалованья и на платье сиротам и тем, чьи отцы получают менее 10 руб. в год. На основе этих выписок и денежное, и хлебное жалованье ученики получили⁴. Обратим внимание, в Алапаевской школе жалованье имели, как ясно из этого прошения, и не раз оговаривалось при выдаче денег за отдельные месяцы, лишь сироты. Их было 8 человек из 34—35 учащихся, т. е. 23,5%.

Судя по приходо-расходным ведомостям Алапаевского завода в некоторые месяцы хлебное жалованье получало меньшее число детей: в апреле 1722 г. — шестеро, в мае — семеро, в июле — пятеро, в августе — восемь человек⁵. По-видимому, ученики болели и в связи с этим отпусkaliсь домой, некоторые могли отпускаться и на праздники, поэтому за эти месяцы жалованья не полагалось. Но «на платье» по рублю в год получали все 8 сирот.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 305—305 об.; Д. 28. Л. 775 об.

² Там же. Д. 20. Л. 314; Д. 28. Л. 776, 287.

³ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 99 об.

⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 1014 об., 1120 об., 1318.

Помещение школы

В. Н. Татищев в указе алапаевским управителям 16 сентября 1721 г. предписал: «школу зделать в хоромах, где прикащики живали»¹. Ведомости прихода-расхода денежной казны за первую треть 1722 г. свидетельствуют о ремонте этого помещения — выплате заводскому жителю «за дело окончин, которые зделал ис казенной слюды одну ковану в Канцелярию, да четыре штухи в школу», по 5 коп. за одну; за изготовление «в школу дерева оконнишные». Судя по ведомостям расхода припасов, школа отапливалась дровами за казенный счет: в январе 1722 г. — запись о выдаче «дров в канцелярию, и в школу, и на прикащичей двор» — 15 сажен, в феврале — 13 сажен. В майской трети 1723 г. — «драниц на крышку кирпичного сарая и починку школы 1330»². Эти данные позволяют утверждать, что школа на Алапаевском заводе имела собственное помещение. Это подтвердил и управитель завода Татищеву в 1734 г.: «прежде бывшая школа разломана ... в 1733-м году»³.

В акте передачи завода от Я. Вистицкого А. Ближевскому (март 1723 г.) описывается заводская площадь: «двор государев большей на приезд начальствующим людем» с 15 слюдяными окнами, на углу — «прикащичей двор для житья приказным людем» с 9 окнами. «На другом углу от большого двора хоромы государевы и потреблены на школу для обучения робят, в тех же хоромах и отправляетца всякое земское дело, во оных хоромах девять окончин слюдяных». От тех дворов и школы — «заплот в столбы» — деревянный забор, «а во оном заплоте при дворе — государева роща сажена, березник»⁴. Т. е. школа находилась на центральной площади, и под одной крышей с ней разместили земскую контору с двумя подьячими — Иваном Андреевым и Павлом Дягилевым⁵. Ясно, что Дягилеву как учителю-совместителю нужно было лишь перейти в соседнюю горницу для контроля за обучением детей письму.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 290; Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 99 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 281 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. Л. 24, 28.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 60.

⁴ Там же. Д. 26. Л. 180 об. — 181.

⁵ Там же. Л. 189.

Изменение жизни школы по Наказу заводскому комиссару 1723 г.

Новый комиссар казенных заводов Федор Неклюдов по прошествии четырех месяцев после вступления в должность и получения текста Наказа, составленного Татищевым и утвержденного В. И. Генниным, 4 марта 1724 г., издает свой первый указ, касающийся деятельности словесной школы при Алапаевском заводе, адресует его управителю завода Федору Попову, сменившему Ивана Аврамова, и посылает в качестве сопроводительного к тексту главы 11-й Наказа «О школах и учении детей». Указ гласил:

«В прошлом 723 году октября 16 дня по Е. И. В. указу и по данной мне инструкции, велено на здешних заводах школа содержать словеснаго, арифметика, а на протчих заводах токмо словесному учить церковником, дьяконом, дьячком, которым определено впредь денежное жалованье.

Того ради, как ты сей Е. И. В. указ получишь, и тебе б в Алапаевских заводах и того Алапаевского дистрикта и всех церковных и приказных служителей, мастерских и подмастерских, и всех заводских жителей, *кроме крестьян и бобылей*, детей их от семи до пятнадцати лет переписать каждого чина порознь и собрать их на оные заводы и х тому делу очистить, где пристойно, государев двор, которой бы свободнее.

И оных собранных детей велеть Алапаевского приходу дьякону Якову Иванову обучать словесному с прилежным радением неленостно, за что ему определено будет кормовое денежное жалованье впредь. А которые обучат[ся] словесному, велеть их обучать письму, а буде дьякон писать хорошо сам не умеет, велеть их обучать тое ж церкви дьячком, которой из них лутче писать умеет.

А что[б] пака добитца к тому словесному учению книг — азбук, часовников, псалтирей — велеть купить на Государевы деньги, как возможно, поспешить. А буде на оных заводах оных книг купить не сыщотся, то послать для покупки нарочно в Тюмень, в Тоболеск и велеть купить тамо, а больше велеть искать новаго выходу, буде можно, азбук з заповедьми. А пока оные книги куплены не будут, то велеть оные книги забирать у церковников и у протчих обывателей, где можно сыскать, також от излишества от церквей со описанием у каждого порознь и положи на них на каждую достойную цену, чтоб впредь можно знать или случитца по издержанию таковых купить,

возвратя оным хозяевом или заплатитъ, когда по указу повелено будет. И по оным книгам велеть обучать прилежно.

И в том тебе иметь доброе старание и присмотр, чтоб оной дьякон всегда оных собранных обучал прилежно и неленостно, всегда безотлучно. И содержать оную словесную школу порядочно, как надлежит, и сам при том не пьянствовал. А как ему во обучении словесной школы со ученики поступать, о том дать тебе ему инструкцию за своею рукою по ниже объявленным к тебе пунктом во всем непременно. А что учинено по сему будет, о том о всем прислать сюда ведомость, закрепя своею рукою неумедля.

А которые мастерские и обывательские дети выше пятнадцати лет, а живут при родителях или свойственников своих, и ни х каким делам не определены, таких по тому ж переписать, и кто из них годен, определять к заводским делам, кто где пригодитца, и тое перепись прислать по тому ж сюда, чтоб валентирами отнюдь никто не был под страхом жестокого наказания»¹.

После текста этого указа шла полная копия главы 11 Наказа «О школах и учении детей» в виде инструкции из 23-х пунктов, которыми должен был руководствоваться управитель Алапаевского завода. Затем Неклюдов сделал приписку: «а ежели оной дьякон словесной школы содержать порядочно не будет, и обучать будет неприлежно или станет пьянствовать, а про то тебе будет ведомо, и тебе ево держать у обучения всегда под караулом, а временем и скована, а буде и от того не уметца, то о том сюда писать немедленно»².

Столь большое послание скреплено по листам: «камисар Федор Неклюдов», и помечено о его доставке 9 марта 1724 г. с солдатом Никитой Носковым.

Как видим, в указе Неклюдова появились новые скорректированные нормы: не брать в школы детей крестьян и бобылей (в Наказе — «вольнопришедших принимать всякого чина людей и отдать в школы по их требованию»); указывался возраст зачисляемых в школы — от 7 до 15 лет; если в Наказе учебные книги ограничивались азбукой и часословом, о псалтирях речь не велась, то Неклюдов их сохраняет в наборе учебных пособий, как диктовала традиция того времени. При этом делает правильный упор

---

¹ ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 138—138 об., 140 об.

² Там же. Л. 140 об.

на необходимость поспешить с приобретением книг, если не будет на заводе (по-видимому, книги в глубинку завозились!), называет новые места их приобретения — Тюмень, Тобольск, советует искать «нового выхода, буде можно, азбук з заповедьми».

Большой интерес вызывает и такое предписание Неклюдова: пока книги куплены не будут, «забирать у церковников и у протчих обывателей, где можно сыскать, також от излишества от церквей со описанием у каждого порознь и положи на них на каждую достойную цену». Это предписание — единственное известное нам, предусматривавшее насильственное изъятие книг у населения и церквей в пользу школ. Жестокий век — польза дела превыше всего! Правда предусматривалось и проставление цены конфискованных на время книг, чтобы возратить хозяевам в случае их утраты деньги или вообще рассчитаться с ними, «когда по указу повелено будет».

Отметим, вопрос с оплатой труда дьякона как учителя так и не решался, он отодвинут на будущее: «определено будет кормовое денежное жалованье впредь». Меры же в случае неприлежного поведения, пьянства учителя, как и в отношении уктусского, Неклюдов предписывал строгие: держать под караулом, а порой и скованным — дьякона!

В 1724 г. по всем трем казенным заводам Урала были проведены переписи детей, в том числе и на Алапаевском, в январе 1725 г. комиссар Ф. Неклюдов подал доношение в Сибирский обер-бергamt об этом и запросил, «а кому повелено будет обучать». В деле нет текста этого доношения, лишь решение членов Сибирского обер-бергамта по нему 30 января 1725 г.: «писать в Архиерейской приказ промеморию, чтоб прислали ис того Архиерейского приказу к алапаевскому дьякону послушной указ, дабы он, дьякон, для пользы Государственной по указу из Государственной Берг-коллегии набранных в Алапаевском заводе в школу робят учинил без оговорок, понеже он всегда празден бывает, для того что на том заводе божественные литургии нечасто служат, разве в недельной день и в Г[ос]п[о]дские праздники, а пашни он не пашет, но питается доходами тех заводов от жителей». Подписали этот «приговор» берггешворен К. Гордеев, земский комиссар С. Неелов и заводской комиссар Ф. Неклюдов¹.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 10 об.

Видимо, вопрос с учителем решен не был, вряд ли Архиерейский приказ выступил бы в поддержку светской власти и обязал дьякона обучать детей. Алапаевская школа прекратила свое существование.

Подведем итоги.

Для открытия словесной школы на Алапаевском заводе горной власти и лично Татищеву пришлось приложить немало усилий. Школа была открыта позже Уктусской, в ноябре 1721 г. В декабре 1722 г. в ней числилось 34 ученика, из которых треть уже училась писать, т. е. значительная часть учеников начала обучаться грамоте еще на дому. Отсутствие ведомостей не дает нам возможности проследить изменения в количественном составе школьников, выяснить их возрастной, социальный состав, но ясно, что они были жителями Алапаевского завода. Если в Уктусской обучали дьячки, то в Алапаевской учителем был определен юный дьякон, принуждение его к обучению детей при отсутствии твердой и достойной оплаты труда закончилось его отказом выполнять эти дополнительные обязанности.

Особенность Алапаевской словесной школы заключалась в том, что в отличие от Уктусской, она действовала в основном за счет введения сборов с населения, приходо-расходные ведомости Алапаевского завода подтверждают это. Своеобразный школьный налог являлся источником оплаты труда учителей, за счет него были приобретены учебные пособия. Лишь на оплату жалования ученикам заводские власти потратили казенные средства, и они были крайне скромными, только сироты могли воспользоваться этой материальной поддержкой, всего 8 человек из 35 учащихся.

На примере Алапаевской школы мы видим, как трудно было найти не занятого на службе, владеющего грамотой человека, способного обучать детей. Если бы уральское начальство установило твердое жалование учителю-дьякону, он, наверное, выполнял бы дополнительные обязанности без нареканий. Эстафету обучения школьников взяли на себя подьячие, которым также пришлось обучать детей параллельно с выполнением своих основных обязанностей. Но они были заинтересованы в приработке в отличие от дьякона, существовавшего за счет подношений прихожан.

Глава 3.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТКРЫТИЮ ШКОЛЫ ПРИ КАМЕНСКОМ ЗАВОДЕ (1723—1724)

Каменский завод — первенец доменной металлургии. Он был заложен в 1700 г., в 1703 сооружение основных мощностей завершилось, и начался выпуск чугуна, пушек, мортир и ядер; в этом же году в столицу речным путем отправился первый караван с заводской продукцией. Завод стал основным поставщиком чугунных орудий для российской армии и флота¹.

Если при Уктусском и Алапаевском заводах словесные школы были открыты в 1721 г., то Каменский завод остался вне сферы внимания местных горнозаводских властей, поскольку находился в ведении гражданской власти Сибирской губернии, подчинялся сибирскому губернатору. Генерал В. И. Геннин, прибыв на Урал в октябре 1722 г., в декабре направил письмо сибирскому губернатору, потребовал «послушного указа на Каменский завод к управителем, чтоб послан был о состоянии тех заводов, и о присылке ведомости, и чтоб Каменских заводов управители были послушны»². Через неделю отправил заводскому и земскому комиссарам Каменского завода копию именного указа от 29 апреля 1722 г., определявшего особые полномочия Геннина, и два своих указа, потребовав ряд документов от обоих, в том числе отчет о штатах завода, ведомость о количестве населения в приписных слободах и работниках от 15 до 60 лет. Не получив ответа, 25 декабря 1722 г. в более категоричной форме затребовал от Тобольска приписки «Каменских заводов под ведение здешних заводов ... со всеми на них обретающимися служителями, и

---

¹ См.: Металлургические заводы Урала XVII—XX вв.: энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 242.

² Цит. по: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ... С. 295.

з денежною казною, и з приписными к ним слободами»¹. Геннин своего добился — 8 февраля 1723 г. на Уктус прибыл долгожданный указ из Тобольска о передаче Каменского завода с приписными слободами горному ведомству². 23 февраля на Каменский завод драгун привез указ «о приеме подчиненному камисару Алексею Булгакову у камисара Фефилова земских дел»³. Автор «Описания» заводов сообщает, что Каменские заводы находились в ведении Сибирской губернии до 1 марта 1723 г., «а с того числа по прибытии с Уктуских на оные Каменские заводы» Геннина, перешли под команду Берг-коллегии и Сибирского обер-бергамта⁴. Т. е. передача этих заводов, «верхнего» и «нижнего»⁵, растянулась во времени.

В связи с передачей Каменского дистрикта от Ф. Ф. Фефилова А. Булгакову был составлен реестр «Каменских верхних и нижних заводов мастеровым людям и их детям, и коликих лет, и ученых в грамоте, и кто имяны»⁶. В реестре приведены фамилии мастеров, подмастерьев, заводских работников, всего учтено, по нашим подсчетам, 96 человек.

Отдельно представлены «мастерские дети и братья», «подмастерские дети и братья», «рабочие дети и братья», 34 человека. Среди «мастерских» большинство составляли дети 13—15 лет (10 человек), по одному — 16, 17, 19 и 20 лет. Из них лишь трое учились грамоте: Саватей Теткин 13 лет и Степан Токарев 19 лет учили «часовник», Семен Шиловых 13 лет — азбуку. Среди 10 детей подмастерьев 13—19 лет «часовник» учил лишь один, 14-летний Иван Белоусовых. Среди 7 детей работников 13—20 лет грамоте никто не обучался. Обращает на себя внимание учет лишь подростков и юношей, вероятно, как потенциальных работников, которых можно было использовать у заводских дел.

В. Н. Татищев, находившийся еще под следствием по жалобе Никиты Демидова, по поручению Геннина участвовал в разработке

---

¹ Цит. по: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ.... С. 296.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.

³ Там же. Л. 453.

⁴ *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 476.

⁵ Дополнительно к чугуноплавильному заводу в 1704 г. вверх по течению реки Каменки был построен железодельный завод, но весной 1723 г. его плотина была размыта, обе фабрики разрушены, и завод восстанавливать не стали.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 450-451, 453.

ряда важных документов, касавшихся открытия школы при этом предприятии. В апреле 1723 г. была составлена «Роспись приказным служителям всех заводов и земского правления с их годовым денежным и хлебным жалованьем» — по сути, первый прообраз штатов¹. В ней употреблялись термины, предложенные ранее Татищевым — «горное начальство», хотя оно стало уже называться Бергамтом, безусловно, Татищев был автором норм о действии школ при всех четырех казенных заводах Урала.

В апрельской «Росписи» при Каменском заводе впервые встречается упоминание о школе, вводится должность учителя чтения и письма. На Каменскую школу и ее учителя выделялось в год 30 руб., как и на Уктусскую и Алапаевскую, действовавшие с 1721 г. На Исетском заводе (будущем Екатеринбургском) учителю арифметики и геометрии вместо 16 руб. полагалось «давать до указа» 24 руб., словесного и письма — 18 руб.² Начальник заводов В. И. Геннин, рассматривая Табель, 22 апреля 1723 г. приговорил: с 1 мая 1723 г. ввести новые размеры жалованья согласно ее положениям³. Безусловно, открытие школ при Каменском и Исетском заводах заранее обговаривалось и согласовывалось с Генниным как главой заводов и санкционировалось им.

Открытие школы при Каменском заводе предусматривалось и Наказом Федору Неклюдову — новому заводскому комиссару, в сферу ведения которого вошли все четыре завода — Екатеринбургский, Уктусский, Алапаевский и Каменский. Разработку этого наказа Татищев закончил уже после признания его невиновным. За подписью В. И. Геннина наказ был вручен комиссару 15 октября 1723 г.⁴

Согласно главе 11 «О школах и учении детей»⁵ предполагалось открыть словесные школы при новом Екатеринбургском и Каменском заводах, Уктусскую арифметическую перевести в Екатеринбург. Постепенно на периферии должны были открываться свои арифметические школы по мере завершения обучения детей письму, т. е. арифметическая должна была действовать и при Каменском

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624—625 об.

² Там же. Л. 624—624 об.

³ Там же. Л. 625 об.

⁴ *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 95.

⁵ Там же. С. 87—89.

заводе. Напомним, обучение в школах при всех четырех заводах, в том числе Каменской словесной, объявлялось обязательным для «детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей», для «вольнопришедших» — «всякого чина людей».

Но в штатном расписании уральских заводов, подписанном совместно В. И. Генниным и оправданным к этому времени В. Н. Татищевым, 20 ноября 1723 г., при Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах школы почему-то не фигурировали¹. Возможно, Геннин и Татищев договорились не афишировать эти статьи расходов перед Берг-коллегией, ведь суммы на словесные школы полагались незначительные — по «Росписи» приказных служителей должны были составлять всего 30 руб. в год на каждую, и они могли быть безболезненно поставлены в заводских расходных ведомостях на счет предприятий. Отсутствие в проекте заводских штатов сумм на эти школы, на наш взгляд, не стоит расценивать как отказ уральского начальства от их деятельности и последующее их закрытие. Ведь в 1724 г. школы продолжали действовать при Уктусском и Алапаевском заводах, стали вестись приготовления к открытию такой же школы и при Каменском. Об этом мы можем судить на основе ряда документов.

По указу комиссара казенных заводов Ф. Неклюдова велено было на Каменском заводе и в дистрикте детей церковнослужителей, приказных, заводских жителей, кроме крестьян и бобылей, от 7 до 15 лет переписать, собрать на завод и обучать словесному. В Каменский дистрикт входили 4 приписных слободы: Багарякская — в 30 верстах от завода, Калиновская — 50 верст, Колчеданский и Катайский остроги, удаленные на 19 и 42 версты². Ясно, что дети должны были забираться в школу не только с территории завода, но и из этих мест.

Сразу же после перехода Каменского завода в ведение горной власти подростки, обученные грамоте, были взяты с его территории в Уктусскую арифметическую школу. Мы видим двух из них, Матвея Щепоткина и Якова Санникова, среди просивших о назначении казенного жалованья в мае 1723 г.³ Одновременно с ними хлопотали о жалованье и четверо учащихся, взятых в Уктусскую словесную

---

¹ См.: *Геннин В. И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 175.

² См.: *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 476, 478.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643.

учиться грамоте: из Багарякской слободы — Василий Селиванов, Семен и Егор Кобелевы, из Колчеданского острога — Иван Широков. Трое из них уже умели писать, Егор учил псалтирь¹. В ведомости школы в мае 1723 г. они показаны детьми церковнослужителей, Семен — сыном попа².

Заметим, дети церковнослужителей, проживавшие в основном в слободах, стояли на первом месте и среди будущих учащихся Каменской словесной школы согласно Наказу 1723 г. Но с их набором вышла оказия. 2 июля 1724 г. в Сибирский обер-бергамт поступила промемория из Тобольского архиерейского приказа³. В ней сообщалось, что 26 июня митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию поступила жалоба от священника Троицкой церкви Катайского острога Никифора Осипова «с причетники» и дьячка Ильинской церкви Алексея Иванова. Они жаловались на действия местных каменских властей:

«Присылаются де Каменских заводов от содержащих команду по них, церковных причетников, драгуны с памятьми без подписания командирского», под караулом «велят в завотской канцелярии писать всякие дела помесечно, а которые из них писать не могут, с тех заводские командиры велят брать за письмо подьячим по 8 гривен на месяц» (т. е. 80 копеек!), тем «чинят немалое раззорение, и в церковном служении остановку». «Да детей де их малолетних и к школьному учению негодных берут в школы, не объявляя им в том архиерейских послушных указов, и по каким указом оное действовать, того де они не известны»⁴.

В промемории сообщалось и содержание выписок, сделанных духовными властями в связи с поступившей жалобой. По приказу митрополита в отношении обучения детей были наведены справки, раскрывающие действия высших и местных духовных властей по обучению детей духовенства. В указе Синода к митрополиту в Тобольск сообщалось, что именным указом велено поповских и причетниковских детей, не положенных в оклад, «неволею взять в школы». Синод по этому указу приговорил: церковнических детей от 7 до 18 лет переписать во всех епархиях архиереям и определить

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 648.

² Там же. Д. 20. Л. 3—3 об.

³ Там же. Д. 47. Л. 200—201.

⁴ Там же. Л. 200.

в школы. Таких указов в 1723 г. прислано к митрополиту четыре, с приложением к ним печатных букварей и грамматик. Прочитирован и пункт 9-й из Духовного регламента.

Далее сообщалось, что по указу в Сибирской епархии дети переписаны и в Тобольск в архиерейскую школу послано значительное число. Из них по указу Синода отправлено в Новгородскую епархию для обучения грамматике трое человек, которые потом возвратятся в Тобольск в архиерейскую школу в качестве учителей. О высылке остальных детей духовенства в Тобольскую школу из Архиерейского приказа подтвердительные указы посланы. А митрополиту неизвестно, повелено ль в другие места для обучения брать церковничьих детей, и в светскую команду для ведения письма можно ли брать и арестовывать, и деньги по 8 гривен спрашивать с неумеющих писать скорописью. Из этой оговорки ясно, что уклонявшихся от ведения письма горные власти еще и держали под арестом.

Митрополит приказал: послать промеморию в Обер-бергамт, если есть там указы Е. И. В. о взятии церковничьих детей «в тамошние школы», а причетников — брать для письма и по 8 гривен взимать с них за отказ заниматься этой работой, то с тех указов прислать копии. А если таких указов нет, то обид причту церковному чинить отныне не позволит, и деньги — возвратить, «и от обидящих по изслетствию оборонить». Подписал промеморию монах Феодосий Гаврило Витезев.

18 сентября 1724 г. члены Сибирского обер-бергамта, слушая эту промеморию, приговорили: послать указ на Каменский завод, пусть управитель ответит, по какому указу то делал, а с соответствующих указов Синода сделать свои выписки. Последнее было поручено уктусскому попу Алексею Савину¹.

В подготовленной к слушанию справке приводились данные из именного указа В. И. Геннину от 29 апреля 1722 г., чтоб сибирский губернатор, воеводы и прочие управители по его требованию давали людей к строению и управлению заводов; упоминался и подтвердительный указ, данный Геннину 11 января 1724 г.

Далее излагался указ В. И. Геннина от 19 февраля 1723 г. сержанту Украинцеву, чтобы ему ехать ведомства Уктусских заводов и на другие заводы и слободы, «и со оных заводов и из слобод выслать всех

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 204—206.

подъяческих и церковничьих детей в Уктусские заводы, которые выше 12 лет и грамоте умеющие». И по тому указу он детей посылал в разных числах и оные определены к наукам.

Таким образом, мы узнаем, что генералом Генниным был объявлен повсеместный сбор грамотных детей, проживавших в заводах и приписных слободах, для пополнения Уктусской арифметической школы. Обратим внимание на дату издания указа, он мог быть издан в связи с распределением части учащихся к параллельному обучению мастерствам, письму в Канцелярию 6 февраля 1723 г. Но главным поводом для его издания, на наш взгляд, мог послужить переход Каменского завода со слободами в ведение горной власти. Этот указ был издан весьма оперативно, через 10 дней после прибытия указа о передаче Каменского дистрикта и завода горной власти, и свидетельствовал о стремлении Геннина как можно быстрее пополнить Уктусскую школу новыми учениками, обеспечить ее дальнейшее поступательное развитие на пользу уральских заводов.

Обращает на себя внимание адресат указа — Осип Украинцев, из сержантов лейб-гвардии Преображенского полка, числившийся в это время директором Сибирского Высшего горного начальства¹. Сам факт поручения этому лицу объезда территории ведомства Уктусских заводов (т. е. всей территории, находившейся под контролем горной администрации, располагавшейся на Уктусском заводе) и сбора детей с заводов и слобод свидетельствует о важности, придававшейся этому мероприятию. Авторитет должности должен был подействовать на местных управителей, слободских приказчиков, старост в большей степени, чем какое-то рядовое посланное лицо.

Комиссар Каменского завода и дистрикта И. В. Аврамов 29 сентября 1724 г. отправил доношение в Екатеринбург² с объяснением ситуации: в 1723 г. В. И. Геннин приказал в порядке доменному мастеру Казанцеву требовать работников не от заводской, а от земской конторы, а для записок выполненной ими работы давать «из дьячковых» людей одного человека, и они давались в 1723 г. О том, чтобы силой брали людей и 8 гривен требовали, о том известий не имеется, и от дьячков челобитья не подавалось.

Но священник и церковнослужители жаловались не зря. Иван Аврамов, тобольский сын боярский, возглавил Каменский дистрикт

---

¹ См.: *Геннин В. И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 160.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 207—208.

только 21 марта 1724 г.¹ Ранее земским комиссаром дистрикта был тобольский сын боярский Федор Фефилов, назначенный еще губернской канцелярией, до перехода завода со слободами в ведение горной власти. А на него жалоб генералу В. И. Геннину с момента его появления в крае поступило от населения слобод великое множество. Они были подкреплены и показаниями фискала Ивана Крупенникова «о великих обидах и взятках Каменского дистрикта на камисара Фефилова, которой народ разорял и от оного нельзя заводам исправным быть», как писал Геннин в указе об аресте Фефилова и отдаче его под следствие 20 июля 1723 г. В монографии Д. А. Редина ярко раскрыта история решительной борьбы Геннина со взяточниками-комиссарами и Фефиловым в том числе, «который был знаком генералу как “преслушник” и “плут” едва ли не с первых месяцев службы генерала на Урале»². Не вызывает никаких сомнений, что Фефилов мог вымогать взятки с церковнослужителей слобод, приписных к Каменскому заводу, в форме штрафов за отказ выполнять письменную работу по причине неграмотности. А сумма штрафов была слишком велика для сельских церковнослужителей.

Да и Аврамов мог успеть проявить себя на этом поприще, недаром его фамилия, отсутствующая в самой жалобе, была упомянута в решении уральской власти о проведении расследования³. Как отмечалось нами ранее, И. В. Аврамов в 1722—1723 гг. уже обвинялся во взятках и «обидах» крестьян Алапаевского дистрикта, в связи с чем был смещен с должности его главы, посажен в застенки. Став главой Каменского дистрикта, через месяц снова был уличен во взятках, и Геннин пригрозил, что повторение подобного может привести его к смертной казни⁴.

В доношении И. В. Аврамова приводятся ценные для нас сведения о ходе подготовки к открытию словесной школы при Каменском заводе. Аврамов сообщает, что по инструкции Неклюдову и его указу велено на заводе и в дистрикте церковничьих, приказных, заводских

---

¹ См.: Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху... С. 1380.

² См.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ... С. 295—297, 299, 301—303 и др.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 202 об.

⁴ См.: Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала... С. 69—71.

жителей, кроме крестьян и бобылей, от 7 до 15 лет переписать и собрать на заводы и обучать словесному. В 1724 г., марта 27, для переписи детей в острогах и слободах был послан лесной объездчик Семен Корнилов, а сколько переписал по данному реестру малолетних и негодных к обучению «за неимением словесного обуче[ния] книг збору и разбору не бывало».

Выслушав выписки по делу и доношение Аврамова, члены Сибирского обер-бергамта решили ответствовать в Архиерейский приказ: такого указа, чтоб брать в школы негодных, малолетних, брать по 8 гривен с дьячков, в Сибирском обер-бергамте нет¹.

Вдумаемся в содержание этой информации Аврамова. Он представил дело так, будто никаких детей насильно, да еще негодных к обучению, в словесную школу Каменского завода никто забирать не мог, поскольку перепись детей началась лишь в конце марта, учебных книг еще не поступило, поэтому учеников из слобод и острогов еще никто не собирал и не разбирали, годны они к обучению или нет. Но ведь детей, обученных грамоте, Украинцеву собирать поручали, и они появились и в арифметической, и в словесной школе Уктуса, судя по их прошениям о жалованье. В марте 1724 г. поручалось проведение новой переписи детей на территории дистрикта. Видимо, на эти сборы и, скорее всего, на запись детей в состав будущих учащихся Каменской словесной школы в ходе переписи и жаловались церковнослужители митрополиту Антонию.

Летом 1724 г. на Каменском заводе готовили помещение для занятий учеников. Об этом свидетельствует роспись «о выдаче жалования с июня 1-го числа до июля по 1-е число 1724 г. мастерам, подмастерьям, ученикам и работникам Каменского завода», выявленная нами в сохранившихся делах Каменской заводской конторы. В ней есть сведения о выплате 12 жителям Каменского завода Максиму Иванову «с товарищи», «которые работали у мазки стен и потолку глиной и известью школьной избы: выдать по шести руб.»². В другой ведомости за март 1723 — август 1724 г. значилось в выдаче «за строение словесной школы» 6 руб. 50 коп. Помещение для школы в августе было, видимо, готово окончательно. Начальник заводов В. И. Геннин в своем «Описании» заводов, составленном в 1735 г., говоря о Каменском заводе под 1724 г., отметил: «Школа

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 203.

² Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.

делана мазанкою и выбелена известью для обучения мастерских детей словесному»¹.

В том же 1724 г. были закуплены книги для учащихся. Комиссар заводов Ф. Неклюдов решил не проводить централизованной закупки книг для всех словесных школ, он возложил эту обязанность на управляющих заводами. Так, указом Неклюдова, отправленным на Алапаевский завод, предписывалось купить азбуки, часословы и псалтири «на государевы деньги» на месте или послать нарочного в Тюмень, Тобольск². По-видимому, подобный указ был выслан и на Каменский завод, получил его и комиссар Аврамов. Сохранившаяся ведомость прихода-расхода денежной казны Каменского завода за период с марта 1723 г. по август 1724 г. регистрирует расход 12 руб. 48 коп. «за покупку книг в школу», без указания месяца³. Вероятно, деньги были выданы на исходе лета, в сентябре книги еще не прибыли на завод, поэтому Аврамов и ссылался на отсутствие книг как причину, задерживавшую проведение смотра будущих школьников, проживавших в слободах и острогах.

Количество книг, приобретенных для Каменской школы, их состав устанавливаются на основе более поздних документов. В апреле 1728 г. учитель Екатеринбургской школы потребовал для обучения школьников большую партию новых учебников. Члены Сибирского обер-бергамта приговорили: «понеже по справке явилось, что имеетца при Каменской заводской канторе казенных книг псалтырей семь, часослов один, букварей два, азбуков сто шесть, а во учении при оном заводе школьников не имеетца, того ради оные книги все велеть Каменской заводской канторе прислать немедленно в Сибирской обер-бергамт»⁴.

Сам состав книг (106 азбук при двух букварях, одном часослове, семи псалтирях) можно расценить как косвенное свидетельство отсутствия на книжном рынке часословов и псалтирей — купили больше тех книг, какие были в наличии. С другой стороны, закупка 106 азбук свидетельствует о большом количестве учтенных переписью детей в возрасте от 7 до 15 лет при Каменском заводе и приписных к нему слободах и острогах. Иначе зачем бы понадобилось

---

¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 479.

² ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 138.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 781 об.

⁴ Там же. Д. 164. Л. 173.

приобретать столь большое число книг для первоначального знакомства с основами грамоты? Впрочем, часть книг могла быть закуплена впрок или на продажу желающим начинать обучение малолетних детей грамоте на дому. Такое разрешение мог дать комиссар завода И. Аврамов, предваряя поездку, или приняли сами закупщики книг.

Из доношения Каменской заводской конторы в Сибирский обер-бергамт следует, что книги хранились в чулане конторы под присмотром подьячего, среди них обнаружилась недостача: не хватало 7 азбук, часослова и букваря, зато сверх этого оказалось «письмянных по печатному азбукам числом дватцать восемь»¹.

Сам факт наличия среди книг рукописных азбук весьма примечателен. Возможно, они были собраны с населения по указу Неклюдова для занятий школьников еще до того, как удалось закупить книги на казенные деньги. Ведь так приказывал делать комиссар на Алапаевском заводе. Но возможно, на наш взгляд, и предположение о начале занятий по этим азбукам детей, проживавших на самом Каменском заводе. В таком случае можно говорить, что школа была открыта и какой-то срок действовала. Дальнейшие поиски документов за 1724—1725 гг. помогут подтвердить или опровергнуть это предположение.

В описи входящих и исходящих документов Екатеринбургской заводской конторы, которая стала отвечать во главе с комиссаром Неклюдовым за школы всех четырех казенных заводов, зафиксированы подряд четыре любопытных документа. За 27 июня 1724 г. записано: 1) «Доношение подьячего Ивана Санникова, чтоб сына ево, Федора, взять с Каменских заводов из словесной школы и перевести сюда в арифметическую школу». 2) В тот же день: «О высылке оного ученика сюда в арифметическую школу в Каменские заводы прикащику Аврамову указ послан». 3) «Оной ученик с оных заводов отпущен, а ведения об нем не прислано, и о том оной подьячей доношение подал». 4) «По оному доношению о приеме оного ученика в арифметическую школу и о обучении, как надлежит, учителю Рыбникову указ послан»².

Ясно, что Федор Санников был записан в словесную школу при Каменском заводе. Хотя Аврамов и сообщил 29 сентября 1724 г., что

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 164. Л. 177.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.

«збору и разбору не бывало», но роспись школьников по итогам переписи была составлена. Подобная ситуация имела место и на Уктусском заводе: как мы показали, перепись завершилась 24 августа 1724 г., а разбор детей на ее основе состоялся лишь 7 ноября, на следующий день детей отправили в школу.

По-видимому, Федор уже неплохо умел писать, и отец решил отправить его обучаться арифметике в Екатеринбург, куда уже была переведена школа с Уктусского завода, просьба сразу же была удовлетворена. Документ этот представляет для нас не рядовой интерес. Речь идет о Федоре Ивановиче Санникове, начавшем в возрасте 10 лет освоение математических премудростей в Екатеринбургской школе, ставшем в будущем известным ценным специалистом уральских заводов, много лет трудившемся учителем арифметической школы Екатеринбурга — в 1735—1741, 1747—1750-х гг., бывшем надзирателем екатеринбургских школ¹, горным офицером, специалистом заводского дела. Та же опись документов Екатеринбургской конторы 30 сентября 1724 г. регистрирует доношение Ф. Санникова «о определении ему против учеников же жалованья» и указ от 6 октября о выдаче ему «правианта помесечно» и 1 руб. в год на платье². Таковы сведения лишь об одном известном нам ученике, попавшем в список учащихся Каменской словесной школы, в судьбе которого школьное обучение сыграло важную роль лифта, позволившего изменить его социальное положение в будущем.

Итак, вхождение Каменского завода в систему предприятий, подчиненных горной власти в феврале 1723 г. в результате усилий В. И. Геннина, сразу же было использовано для выявления в поселке завода и на территории приписных к нему слобод и острогов детей, обученных грамоте для пополнения Уктусской арифметической школы, одновременно были взяты и дети в Уктусскую словесную. В том же году были намечены планы по открытию словесной школы

---

¹ См.: *Козлов А. Г.* Творцы науки и техники на Урале XVII — начало XX века. Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 123—124; *Сафронова А. М.* Документы органов управления промышленностью России... С. 294—295. *Сафронова А. М.* Уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы первой половины XVIII века // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 6—11.

² ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 199 об.

при самом Каменском заводе, изложенные в Табели служителей заводов и Наказе заводскому комиссару Неклюдову.

Как свидетельствуют выявленные нами документы, была произведена большая подготовка к открытию школы: проведена перепись детей школьного возраста, приобретены учебные пособия, построено специальное школьное здание. Но начала ли школа действовать, остается под вопросом. Нужны дополнительные поиски документов.

Глава 4.

ШКОЛЫ В ПРИПИСНЫХ К ЗАВОДАМ СЛОБОДАХ КАК ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ РОССИИ 20-х гг. XVIII в.

Хорошо известно, что государственные власти в начале XVIII в. отрицательно относились к вопросу крестьянского образования. Для крестьянских детей не создавалось отдельных школ, ни один законодательный акт не включал их в состав учащихся какого-либо учебного заведения. Лишь наиболее передовые деятели того времени ставили вопрос о необходимости обучения крестьянских детей. Среди них был и В. Н. Татищев. В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», написанном им в основном в 1730 г. и названным в последней публикации этого произведения «энциклопедическим трактатом по истории русской общественно-политической мысли», на вопрос, обучать наукам следует лишь знатных людей и шляхетство или и подлых тоже, Татищев обосновал пользу обучения и простого народа, а в адрес противящегося этому заявил: «Если бы ему по его состоянию всех служителей, лакеев, конюхов, поваров и дровосеков всех определил дураков, а в дворецкие конюшие и стряпчие и в деревне прикащиков безграмотных, то б он узнал, какой порядок и польза в его доме явится. Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»¹.

В сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1747 г.) В. Н. Татищев предложил: «Крестьянских ребят от 5 до 10 лет учить грамоте и писать как мужск и женск пол, через что оные придут в познание закона, а от 10 до 15-ти учить разным художествам: кузнечному, колесному, бочарному... портному, сапожному и всему тому подобному», «особливо зимою оныя могут

---

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 86.

без тяжелой работы получить свои интересы; и в том к тому их принуждать и обучать надлежит»¹.

Неудивительно, что, занимая в 1720—1722 гг. пост начальника казенных заводов Урала, В. Н. Татищев стал инициатором открытия школ для обучения грамоте детей не только при казенных заводах, но и в приписных к заводам слободах, и привлечения в них крестьянских детей.

Первые данные об этом привел Н. К. Чупин в статье, посвященной деятельности В. Н. Татищева на Урале в 1720—1722 гг. Он писал, что «Татищев старался о распространении грамотности и между приписными к заводам крестьянами. Приказал устроить в слободах особые избы для школ и требовал, чтобы священники и причетники учили читать, писать и закону божию хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе»². Н. К. Чупин опубликовал извлечение из приговора В. Н. Татищева от 26 июня 1721 г. на жалобы приписных к Алапаевскому заводу крестьян и заметил, что сельское духовенство не очень-то спешило заняться школами, в 1723 г. в Уктусской школе были дети из слобод, но «о существовании сельских школ в делах ни того, ни последующих годов нет решительно никаких сведений».

Приговор Татищева об обучении крестьянских детей процитировал и Н. В. Нечаев, добавив, что «нет никаких данных о том, были ли созданы в слободах школы для крестьянских детей»³. Сомневался в их открытии и В. Н. Будрин⁴. Других сведений об этих школах в литературе не приводилось.

В фонде 24 «Уральского горного управления» ГАСО нам удалось обнаружить ряд неизвестных ранее документов, позволяющих утверждать, что в 1721—1722 гг. В. Н. Татищев не только издал целый ряд распоряжений, касавшихся организации школ в слободах при заводах, но и добился их претворения в жизнь.

Первым документом, в котором речь велась об открытии слободских школ, был Наказ В. Н. Татищева комиссару Уктусского и Алапаевского заводов Т. Бурцеву, изданный 25 февраля 1721 г. Уже в первом пункте главы «О школах» Татищев заявил: «Здесь, на заводах

---

¹ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 405—406.

² Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 61.

³ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 41.

⁴ Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. С. 47.

и в каждой слободе особо, построить избы с сеньми и сделать по потребности красная окошка, поставить столы и лавки, и во оных обучать робят». Оговорка об открытии школ «в каждой слободе особо», конечно, не случайна, она свидетельствует об особом стремлении Татищева к открытию словесных школ в слободах в первый период его пребывания на Урале. Поскольку к Уктусскому заводу были приписаны Арамилевская, Белоярская, Камышевская и Новопышминская слободы; к Алапаевскому — Невьянская, Арамашевская, Мурзинская, Уткинская (находилась в состоянии приписки)¹, можно говорить, что Татищев задумал создать относительно широкую сеть словесных школ — две заводских и по меньшей мере восемь слободских.

Возникает вопрос: почему Татищев в своем первом плане организации учебных заведений на Урале особое внимание уделил открытию школ в слободах? Если сопоставить данные о числе жителей, проживавших в те годы при казенных заводах и в слободах, то станет ясным, что в слободах населения было в несколько раз больше. Так, по переписи 1719 г. на Уктусском заводе числилось 339 душ, в слободах же при нем: в Арамилевской — 1 572 души, в Белоярской — 1 044, Камышевской — 1 891, в Новопышминской — 1 528 душ. Та же картина наблюдалась и при Алапаевском заводе: заводских жителей 62 души, в Невьянской слободе — 2 079, Арамашевской — 1 632, Мурзинской — 959².

Именно в слободах проживало значительное количество церковничьих, подьяческих, разночинских детей, многие из которых уже обучались грамоте на дому, и, следовательно, их быстрее можно было подготовить через словесные и арифметические школы для нужд заводов.

Чтобы привлечь подростков в школу, заинтересовать их в обучении, В. Н. Татищев предписал «обнадежить всех, что письмо умеющих никогда в салдаты, матросы и другия невольныя службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся». Это предписание могло быть рассчитано и на

---

¹ Указ Татищева о переписи населения в связи с припиской слобод от 13 апреля 1721 г. был отправлен в эти 4 слободы, но в 1723 г. Уткинскую слободу видим в составе Арамилевского дистрикта. См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 104 об.; Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху... С. 1377.

² Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 448, 488.

учащихся слободских школ из среды разночинцев, приписных крестьян, так как давало им возможность изменить предначертанный от рождения путь, заняться более удовлетворяющим их родом деятельности в будущем. Напомним, что те же самые привилегии Татищев обещал в июне 1721 г. детям приписных крестьян Алапаевского завода, если они будут обучаться грамоте, в приговоре на жалобу крестьян.

Как уже отмечалось, словесные школы при заводах и слободах предполагалось содержать за счет специального сбора с местного населения, производить который поручалось «каждой церкви дьячкам». По 3 копейки брать с венчающихся и «с холостых мужеска полу от 8 лет и выше, которые грамоте не учатся»; с обучившихся письму — 12 копеек. Собираемые деньги должны были расходоваться на покупку книг, отопление помещения, ремонт и оплату труда дьячка. Но в полной мере эти сборы, на наш взгляд, могли относиться скорее к жителям заводов, во всяком случае, сбор с холостых от 8 лет не мог распространяться на многочисленное население слобод, большинство которых составляли крестьяне.

Напомним, что Берг-коллегия, получив доношение Сибирского начальства от 27 мая 1721 г. о сборе детей для обучения арифметике на Уктусе и из приписных слобод, своим указом от 20 июня 1721 г. предписала: брать «и ис крестьянских робят, кои к оным к Уктунским заводом приписаны, кои придут волею, а скудных и маломошных хотя неволею», т. е. в обязательном порядке¹. Активность, проявленная в данном случае центральным правительственным органом, объяснялась отнюдь не заботой о просвещении крестьян, а стремлением таким путем ускорить обеспечение заводов грамотными людьми в условиях острой их нехватки, о которой постоянно сообщалось в доношениях с Урала в центр.

Как же проходила на практике организация школ в слободах? Источником, содержащим наиболее обобщенную, но краткую информацию по этому вопросу, является дневальная книга Канцелярии горных дел за 1721 г., располагавшейся на Уктусе². В ней зарегистрированы входящие и исходящие документы, поездки В. Н. Татищева и бергмейстера И. Ф. Блиера по заводам и слободам, совершенные в том году.

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 126.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а, Л. 225—298 об.

Из кратких записей дневальной книги ясно, что на протяжении 1721 г. они не раз посещали слободы и были хорошо осведомлены о состоянии дел на местах. Так, еще в январе 1721 г., будучи на Алапаевском заводе, они указали провести перепись всех жителей — «мастеровых, работных, шведов, крестьян с леты их и животы подворно»¹. В июне 1721 г. они вторично посетили Алапаевский завод: 9 июня в дневальной книге зарегистрирован приезд, а 26 июня приговор В. Н. Татищева и И. Ф. Блиера от 26 июня 1721 г. Сохранился сам текст этого приговора: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров, детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по Ноказу, а в слободах впредь определено будет...»². Далее следовал ответ на жалобы алапаевских крестьян, процитированный Н. К. Чупиным и Н. В. Нечаевым. Поскольку он был передан с некоторыми отступлениями, приведем его текст по документу:

«...объявить крестьяном, что жалобы их на прикащиков многие в разных обидах которые уже исследованы, и за то прикащики наказаны. Однако ж мужикам одним управиться невозможно, також в сборех денежных и роботах заводских, за незнанием письма, нужда [им] поверить подьячим, которые уже обыкли в шалостях, и в том крестьянам может быть тяжчайшая обида. Того ради велеть лучшим мужикам детей своих в работе обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать. И в том их обнадежить, что оные обученные в салдаты и в заводскую работу никогда взяты не будут, но всегда останутся в слободском управлении»³.

30 июня на основе этого документа был составлен указ алапаевским управителям — Якову Вистицкому и Федору Попову об обучении детей при заводе и в слободах⁴.

Как мы видим, приговор содержал четкое указание на социальный состав учащихся Алапаевской словесной и слободских школ, выходцы из среды приписных крестьян в нем не значились. В то же время в заключительной части приговора, где речь шла о рассмотрении жалоб крестьян на приказчиков, управляющим

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 227 об.

² Там же. Д. 5. Л. 91.

³ Там же. Л. 91—91 об.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 242 (копия указа).

предписывалось: «...велеть лучшим мужикам детей своих в работе обучать, хотя б читать умели, дабы их подьячие не так могли обманывать»¹. Это предписание об обучении крестьянских детей трактовалось Н. В. Нечаевым как санкция на открытие школ в слободах для детей приписных крестьян². На наш взгляд, судя по общему контексту приговора, Татищев в этом случае считал обучение детей крестьян скорее желательным, нежели обязательным.

Обращает на себя внимание и разночтение в тексте приговора и указа. В приговоре имеется фраза «учить в работе», в отпуске указа она отсутствует. Видимо, при переписке делопроизводители нечаянно выпустили эти слова. В литературе цитируется отпуск указа. Если же принять за основу текст первичного документа — приговора, то следует считать, что Татищев вел речь об обучении крестьян на дому, параллельно с помощью домашним в выполнении работ, возложенных на приписных крестьян. И не случайно распространялось это предписание лишь на «лучших мужиков», т. е. более состоятельных, способных заплатить за обучение своих детей «мастерам» грамоты.

Через неделю после издания приговора об обучении детей в школах при Алапаевском заводе и приписных к нему слободах Татищев выехал в Кунгур и пробыл там два месяца³. На двенадцатый день после возвращения на Уктус, 16 сентября 1721 г., отправляя очередной указ алапаевским управителям, Татищев напоминал и о школьном обучении: «Всконечно о школах исправлять вам по Наказу и по третям года присылать ведомости, колико человек, в какой науке»⁴. 4 октября Татищев вновь обращается с указом на Алапаевский завод: «...А в слободах велите со всяким прилежанием обучать дьячкам...»⁵.

В тот же день Татищев отправился в Тобольск и вернулся на Уктус лишь 22 декабря, побывав проездом и на Алапаевском заводе⁶. 24 декабря 1721 г., решая вопрос о жалованье уктусским школьникам, В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер постановили: «Из слобод у попов взять

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91—91 об.

² *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала... С. 41.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 264—275.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 290—290 об.

⁵ Там же. Л. 308 об. — 309.

⁶ Там же. Д. 4а. Л. 288 об. — 293.

ведомости — по данному указу крестьянских детей обучают ли и сколько у кого есть, и в какой науке»¹.

Это распоряжение замечательно тем, что в нем впервые руководители уральской промышленности ставят вопрос о результативности указа об обучении крестьянских детей в школах и пытаются выяснить количество учащихся-крестьян. Постановка данного вопроса не случайна. В этот день, обсуждая челобитную уктуских школьников о назначении им казенного жалованья, В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер вынуждены были обратиться к указу Берг-коллегии от 20 июля 1721 г., в котором центральный орган управления промышленностью предписывал принимать в школы и крестьянских детей и назначить школьникам казенное жалованье. Выполнив указание Берг-коллегии о жалованье, члены Канцелярии решили выяснить, как же претворяется в жизнь предписание об обучении крестьянских детей.

Видимо, Татищевым было издано и какое-то специальное распоряжение об обучении попам детей крестьян. Как отмечал Н. К. Чупин, он «требовал, чтобы священники и причетники учили читать, писать и закону божию хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе»².

Десять крестьянских мальчиков — это очень небольшая часть крестьянских детей, проживавших в слободах и составлявших основу ее детского населения. Возникает вопрос, почему же Татищев, ратуя за образование крестьян, включал в действительное число учащихся слободских школ лишь несколько представителей этого класса? На наш взгляд, Татищев как глава уральской администрации хорошо понимал, что большинство крестьянских детей вынуждены помогать отцам в выполнении заводских работ.

На существование такой практики указывается в прошениях приписных к заводам крестьян, пожелавших в 30—40-х гг. XVIII в. отдать своих детей в школу, но оказавшихся не в состоянии без них «исправлять» тяжелые заводские повинности и пришедших из-за этого «во всеконечное разорение и нищенство»³. Поэтому Татищев как просветитель уступал место Татищеву — начальнику уральских

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 134.

² См.: Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 61.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. С. 471—472; Д. 692. С. 430—432; Д. 762. С. 17, 286 и др.

горных заводов, который предписывал учить «хотя по 10 крестьянских мальчиков в каждой слободе».

Возможно, Н. К. Чупин, сообщая об обучении попами по 10 детей крестьян, имел в виду один из пунктов Наказа Татищева от 2 января 1722 г., составленного им в связи с отъездом в Кунгур, а затем в Москву для встречи с президентом Берг-коллегии Я. В. Брюсом и адресованный комиссару заводов Т. Бурцеву. Наказ содержал целый ряд поручений о делах, которые Бурцеву следовало выполнить в отсутствие начальника заводов. Копия наказа, переданная В. Н. Татищевым Берг-коллегии, была известна А. И. Юхту, он кратко передал содержание пунктов, касавшихся обучения крестьянских детей в слободах, без отсылки на документ, полагая, что «попытки Татищева организовать школы в слободах остались только благими намерениями»¹.

Прочитируем текст наказа, касающийся обучения детей крестьян в слободах:

«За школами надзирать накрепко, чтоб прилежно обучались и все по воскресеньям в церковь ходили, в чем понуждать попов и дьячков, чтоб отправляли, как в ево Наказе написано: Тако ж и в слободах, конечно б, попы крестьянских детей по несколько учить начали. Азбук и часовников велеть купить каждой церкви до десяти на их мирские деньги. Ежели ж попы в том преслушаться будут, и вам о том подать известие, за что от архиерея примут они наказание»².

В делопроизводстве Канцелярии горных дел нам не удалось пока обнаружить подлинных документов, поступивших с мест, в которых речь велась о деятельности слободских школ. Не упоминается о них и в описи документов Канцелярии начала 20-х гг. XVIII в. Изучение же делопроизводства местных заводских контор дало положительные результаты. К сожалению, документы Уктусской и Алапаевской заводских контор начала 20-х гг. XVIII в. почти не сохранились — в фонде Уктусского завода имеется лишь несколько дел с ведомостями прихода-расхода припасов и денежной казны по Уктусу и Алапаевску³, отдельные дела включены в фонд «Уральского горного управления», здесь же имеются описи дел Алапаевского

---

¹ См.: Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 101.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 673 об. — 679 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2—4.

завода и в частности опись дел за 1718—1735 гг. (в двух экземплярах)¹.

В связи с утратой основного комплекса собственно заводских дел начала 20-х гг. XVIII в. особое значение приобретает сохранившаяся в 24-м фонде опись дел Алапаевского завода за 1718—1735 гг. В ней даются названия дел с краткой росписью входящих в них документов, причем не всех, например: «Столп черных указов в переплете о разных делах на 110 листах, в том столпу белых дел...» и далее идет перечень лишь «белых» документов за 1721 г.²

В этом «столпе» зарегистрирована без указания месяца и числа «Отписка из Невьянской слободы от прикащика Чернышева...» и следом «Отписка от него же, Чернышева, об отдаче в школу учеников дьячку Григорию Слобцову»³. Поскольку документы с разными датами перечисляются здесь вперемешку, можно лишь предположить, что «отписка» поступила в заводскую контору в ноябре 1721 г. — зарегистрирована среди других документов за этот месяц.

За 1722 г. в описи фиксируется четыре интересующих нас документа: «книга приходная припасом» на 21 листе, «при ней доношение Невьянской слободы о присылке книг учебных» (без даты), «Росписка дьячка Григорья Слобцова в приеме часовников» за 12 июня, «Росписка ево ж, Слобцова, в приеме пяти часовников», «Доношение Невьянской слободы от дьячка Слопцова о присылке книг для обучения школьников» (без указания дат)⁴.

На основе этих кратких записей мы можем говорить об открытии уже в 1721 г. словесной школы в Невьянской слободе, приписной к Алапаевскому заводу, и продолжении ее существования в 1722 г. Ясно, что обучал в словесной школе местный дьячок Григорий Слобцов, как и предписывалось по татищевскому Наказу, а учебники, в частности, часословы, дети получили от заводской администрации, причем только в 1722 г.

В сохранившихся ведомостях прихода-расхода припасов и денежной казны Алапаевского завода за 1722—1723 гг. регистрируется поступление «собранных денег в Е. И. В. казну» с «заводских жителей на школу за труд учителю по три копейки с

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5, 15, 269.

² Там же. Д. 5.

³ Там же. Л. 61 об.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 71 об.; 73 об., 74.

венца, да и с робят, которые в школе не учатца, от восьми лет по три ж копейки», выдача их учителю Алапаевской заводской школы, покупка учебников для школы при заводе¹. О сборе же средств на слободские школы, приобретении литературы для них, ее выдаче в заводских ведомостях сведений нет. Следовательно, можно сделать вывод, что школы в слободах, приписных к Алапаевскому заводу, существовали на средства, собираемые с жителей слобод, книги покупались на эти же деньги, но заводской администрацией, и поскольку все это к расходу казны Алапаевского завода отношения не имело, в заводских ведомостях не отмечалось.

В описи документов Алапаевского завода за 1722 г. значится «Письмо в приеме отписки и ведомости, что обучается в школе детей у посланного беломесного Алексея Козина» от 3 августа 1722 г.² Поскольку в школе при Алапаевском заводе в это время преподавал местный дьякон Яков Иванов, что подтверждается многими документами первой половины 20-х гг., а в Невьянской слободе летом — осенью 1722 г. продолжал работать дьячок Слобцов, перед нами учитель еще одной слободской школы. В марте 1723 г. Алексей Козин числится как житель Алапаевского завода под рубрикой «беломестные казаки» (всего 4 человека), которым «жалованья никакова не определено»³. Судя по фразе «у посланного беломесного», Козин был послан обучать детей в новый для него населенный пункт — в одну из слобод, приписных к заводу. Он согласился трудиться в ней учителем, надеясь иметь хоть какой-то источник дохода.

Эта запись — первое и пока единственное свидетельство существования ведомостей о слободских школьниках. Можно считать, что требования Татищева 1721 г. о подаче сведений об учащихся выполнялись отдельными учителями слободских школ. Поскольку ведомость числилась в делопроизводстве Алапаевской конторы, ее так и не отослали в Канцелярию на Уктус или это был второй экземпляр. Возможно, общие количественные данные были включены в текст доношения, посланного в Канцелярию, как это делалось иногда в отношении Алапаевской словесной школы.

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 983 об., 1010 и т. д.

² Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 89 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 189 об.

В описи документов за тот же 1722 г., за октябрь месяц, зарегистрирована «Записка об отдаче учебных книг, холста дьячком для обучения школьников»¹, из чего можно заключить, что дьячков, одновременно работавших учителями в слободских школах в 1722 г., было по меньшей мере два. Алексей Козин, упоминаемый ранее в описи как «беломесный», не мог принадлежать к духовному сословию. На наш взгляд, под дьячками в данной «записке» можно подразумевать Слобцова и еще одного, неизвестного нам по фамилии учителя. В таком случае можно предположительно говорить о существовании в 1722 г. по меньшей мере трех школ в приписных к Алапаевскому заводу слободах. А если учесть, что Слобцов дважды упоминался как получавший книги в этом году, то скорее всего это какие-то два дьячка из других слобод или населенных пунктах, тогда можно допустить существование в слободах Алапаевского завода четырех школ.

Других записей, касающихся слободских школ, в описи документов Алапаевского завода нет. Но значение и этих кратких записей трудно переоценить. Благодаря им мы можем говорить о претворении в жизнь планов Татищева об организации слободских школ, во всяком случае в приписных к Алапаевскому заводу слободах.

И нужны дальнейшие поиски документов, чтобы расширить наши представления об этих школах, более точно определить годы их деятельности, социальный, возрастной состав их учащихся, число обучаемых школьников, материальное положение учителей. Особое значение приобретает вопрос о количестве обучаемых в них детей приписных крестьян. Нужны дополнительные разыскания и по Уктусскому заводу. Не исключено, что школы были созданы и в прилегающих к нему слободах.

В целом рассмотренные документы приоткрывают еще одну важную страницу в истории первых горнозаводских школ Урала в 20-х гг. XVIII в. и по-новому характеризуют вклад В. Н. Татищева в их создание и практическое устройство. Совокупность этих документов позволяет утверждать, что В. Н. Татищев в первый период своего пребывания на Урале в качестве начальника казенных заводов (июль 1720 — январь 1722 г.) пристальное внимание уделял открытию школ не только при казенных заводах, в городских центрах,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 115.

каким был Кунгур, но и в приписных к казенным заводам слободах. Именно он явился инициатором создания слободских школ, автором нормативных документов, регулирующих их деятельность, и их главным практическим организатором.

Обнаруженные и введенные в научный оборот документы расширяют наши прежние представления о составе, количестве горнозаводских школ, географии их распространения, позволяют поставить вопрос о специальном привлечении в школы части детей приписных к заводам крестьян.

Глава 5.

УКТУССКАЯ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В. Н. Татищев и Берг-коллегия как инициаторы организации первых арифметических школ

В 1720 г. Берг-коллегия отправила на казенные заводы Урала экспедицию в составе капитана В. Н. Татищева, бергмейстера И. Ф. Блиера и бергшрейбера И. Ф. Патрушева с целью поиска руд и строительства новых заводов. В ведении Берг-коллегии находились тогда только два казенных завода — Уктусский и Алапаевский, Каменский завод перешел от Сибирской губернии к горному ведомству лишь в феврале 1723 г. Эти заводы находились в весьма плачевном состоянии и их дальнейшее развитие было невозможно без обеспечения специалистами различного профиля.

Прибыв в Кунгур 30 июля 1720 г., 13 сентября В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер на заседании только что созданной Кунгурской канцелярии горных дел принимают решение, о котором Татищев сообщает в своем первом доношении в коллегия: «Наипаче в мастерах мы имеем великой недостаток, и хотя более надеялись на штейгера Шейнфельда, но оной еще не бывал. Того ради без мастеров не можем ничего знатного начинать, а которые с нами школьники есть, и из оных двое больны...

Того ради, ежели высокоповелительная Коллегия соизволит, при[й]тя за благо, ежели бы взять в Сибирской губернии обретающихся дворянских детей человек до тридцати, которые по указом в школы годны, а в Санкт-Петербурх не высланы, а ежели таковых недовольно будет, то подъяческих детей, и обучить горным делам, чрез что могут горные дела в малых летех довольство в людех

иметь»¹. Т. е. только что созданное уральское начальство во главе с Татищевым, помимо требования присылки кадров из центра, решило использовать и свои возможности по подготовке их из местной молодежи.

Горные власти не могли распоряжаться дворянскими детьми. По действовавшему тогда законодательству они подлежали отправке на смотр в Санкт-Петербург или Москву и определению в столичные учебные заведения. Детей же подьячих в ведении горного начальства было мало, корпус приказных служителей при заводах только начал формироваться, причем за счет требований опытных подьячих от губернских, уездных и провинциальных учреждений, за них шла борьба².

Указ Берг-коллегии от 29 ноября 1720 г. на доношение Татищева, подписанный президентом Я. В. Брюсом и четырьмя ее членами, гласил: «Капитану и бергмейстеру к рудным делам ис тамошних подьяческих детей и из церковников, из молодых людей, грамоте умеющих, велеть брать и цыфири и геометрии и протчих горных дел обучать, а о дворянских детях, дабы дватцать человек ис тобольских жителей к тому делу отдать, о том в Военную коллегию писать»³.

Берг-коллегия не решилась распорядиться дворянами, но по собственному почину включила в число учащихся церковничьих детей на том основании, что среди них можно найти грамотных. Между тем в делах Берг-коллегии мы обнаружили ее доношение в Сенат от 24 января 1721 г., в котором изложена просьба уральского начальства о желании заполучить до 30 дворянских детей из Сибирской губернии, годных в школы, но не высланных в Санкт-Петербург, и выражено мнение Берг-коллегии в поддержку этого начинания: «А по мнению Берг-коллегии им, капитану и бергмейстеру, к рудным делам ис тамошних дворянских детей из молодых людей, грамоте умеющих, *двенатцать человек дать надлежит* и цыфири и геометрии и протчих горных дел обучать и оныя недоросли могут произо[й]тить в берг-афицеры и чтоб впредь затем в рудных делех остановки не было, а когда рудное дело

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 178 об. —179.

² См.: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ... С. 480—484.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 184.

умножитца, тогда оных и прибавить надлежит»¹. Поддержав уральское начальство, Берг-коллегия уменьшила количество дворянских детей с 30 до 12. Подлинник доношения подписан Я. Брюсом, А. Зыбиным, В. Райзером и др., но так и остался в деле, по каким-то причинам он не был отправлен в Сенат. Зато подобный запрос ушел в Военную коллегию, и последняя 8 марта 1721 г. объявила Берг-коллегии: «А по справке в Государственной Военной калегии Сибирской губернии недоросли дворянские дети неведомы»².

Указ Берг-коллегии, одобвивший обучение подьяческих и церковничьих детей арифметике и горным делам, пришел на Урал только в мае 1721 г., через 10 месяцев после отправки доношения с Урала. Татищев уже отчаялся, ожидая реакции центрального органа, и 28 февраля 1721 г. в очередном доношении написал: «На многия наши доношения указа вашего получить доднесь не можем и которые от нас посланы, не возвратились... Понеже, видимо, что Государственная коллегия о моем достоинстве или в другом чем имеет сумнение, что я на мои доношения в полгода указа получить не могу. Того ради прошу, дабы повелели прислать суда кого иного с полной мочью и учинить горное начальство, которому по последней мере требуется власть...понеже невозможно быстрого доброму порядку быть за таким отдалением»³.

Дождавшись в мае одобрения Берг-коллегии на привлечение в школы детей подьяческих и церковничьих, Татищев тотчас же приступил к организации арифметических школ. Две первые школы он решил открыть в Кунгуре и при Уктусском заводе. В Кунгурском уезде можно было заполучить обученных грамоте подьяческих детей, которые вместе с отцами состояли в ведении Вятской провинциальной канцелярии во главе с воеводой В. И. Чаадаевым, и детей духовенства — церковей по селам и острожкам Кунгурского уезда было множество.

Выбор Уктусского завода также был не случаен. Сюда 29 декабря 1720 г. переехала из Кунгура Канцелярия горных дел и стала действовать под новым названием — Сибирское горное начальство. Как сообщал Татищев 1 февраля 1721 г. Берг-коллегии, «понеже здешнее место стало посредине всех заводов и размножить строением вновь места удобное ... на Кунгуре жить нам у малых работ не у

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 9.

² Там же. Л. 47—47 об.

³ Там же. Д. 618. Л. 75 об. — 76.

чего»¹. С марта 1721 г. начала действовать Уктусская словесная школа, выпускниками которой можно было пополнять арифметическую. Обученную грамоте молодежь, помимо Уктусского завода и приписных к нему слобод (Арамильской, Белоярской, Камышевской, Новопышминской), можно было привлекать и с соседнего Алапаевского завода с числящимися при нем слободами Невьянской, Арамашевской и Мурзинской².

Из доношения Сибирского начальства в Берг-коллегию от 27 мая 1721 г. мы получаем информацию о первых действиях Татищева по подготовке к открытию арифметической школы на Уктусе: «По указу вашему церковничьих и подьяческих детей, которые при заводах и в слободах Уктусского правления умеющие грамоте есть, велели мы таких набирать в школу для обучения арифметики и геометрии камисару Бурцову, а как набраны будут, велели обучать шихтмейстеру Братцову. Но понеже оной Братцов, також и протчие школьники обязаны иными делами, которые оставить невозможно, того ради писали мы в Тоболеск к его сиятельству г-ну губернатору князю Черкасскому с товарищы, чтоб соизволили суда прислать ис Тобольской школы умеющих арифметики и геометрии для обучения оных человек двух или трех»³.

Ясно, что сразу же был проведен набор учащихся с территории завода и прилегающих слобод, назначен учитель-совместитель, сделана попытка заполучить специальных учителей из Тобольской школы, но губернатор в этом отказал. Слушая это доношение, Берг-коллегия своим решением от 20 июля 1721 г. повелела принимать таких детей не только из слобод, приписанных к заводам, «но и ис протчих городов и сел, ежели которые придут так[ие] люди волею и запишутца, потому [ж] оных велеть обучать грамоте и цыфири, и геометрии, також и ис крестьянских робят, кои к оным к Уктунским заводом приписаны, кои придут волею, а скудных и маломошных хотя неволею против вышеписанного ж обучать, и по обучении оному определить их к рудным делам, хто куда способен, и учинить на то школу и определить им некоторое пропитание, смотря по их наукам, дабы из молодых робят всякому было охотно оному обучатца»⁴.

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 62 об.

² См.: *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 448, 488.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117—117 об.

⁴ Там же. Д. 621. Л. 126.

Таким образом, Берг-коллегия второй раз проявила инициативу и расширила как охват территории, с которой можно было набирать детей в школы, так и их социальный состав. Заметим, дети крестьян ни в одном правительственном акте первой половины XVIII в. в качестве учащихся школ не упоминались. В данном случае позиция Берг-коллегии объяснялась острой заинтересованностью в скорейшей подготовке специалистов и трудностями с набором детей в арифметические школы из-за малого числа грамотных на Урале в начале XVIII в. Именно Берг-коллегия инициировала и обеспечение питанием учащихся словесных и арифметических школ.

Татищев же продолжил хлопоты о приеме в школы детей дворян. 12 декабря 1721 г. из Тобольска он сообщил Берг-коллегии: «О школе доношу, что у нас 50 человек в разных науках, некоторые учатца читать, другие писать, третие арифметике и возможно надеяться, блага детей боярских здешних в слободах у нас много изрядных робят, и ежели б таких обучать, то б весьма лутшее желание и услугу от оных, нежели от подлости получить мог. Також являются охотою из российских дворянских детей, которых отцы здесь у дел и подают челобитные, чтоб им у нас быть. Но я, хотя их обучать велел, но суще определять без указа Его царского величества не смею, понеже объявлено нам, что об оных подано из Берг- в Военную коллегию доношение»¹.

Через месяц, 12 января 1722 г., в очередном доношении в центр из Кунгура, Татищев уточняет, что в Тобольске в ноябре ему подавал челобитную дворянин Афанасий Трунов, отец которого «испомещен в Тульском уезде», а в прошлом году определен бывшим губернатором Гагариным в Сибирскую губернию, был приказчиком в Арамашевской слободе, ныне — комиссар в Камышловской, «а он жил при отце своем и за малолетством никуда не определен и желает служить у горных дел». Татищев запросил Сибирскую губернскую канцелярию о службе Трунова, получил подтверждение о его свободе от дел, и он был зачислен в арифметическую школу. Татищев запрашивает коллегию, повелит ли Трунову там быть и «впредь таких желающих в ту науку дворян принимать ли?»².

Оба запроса Татищева о дворянских детях рассматривались Берг-коллегией 7 марта 1722 г. Решено было «о дворянских и

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 5 об. — 6.

² Там же. Л. 14—14 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 153 об. — 154.

однодворцовых детях подать доношение в Сенат, повелит ли их принимать в науку и определять к делам, понеже без указа оных принимать опасно». В отношении же второго запроса Татищева предписали: «Сибирской губернии дворянских детей, которые пожелают или понадобятся к горным делам, требовать об отдаче их от губернии, а протчих губерней без указа не принимать, и оного Трунова выслать в Военную коллегию, взяв у него скаску»¹. Т. е. решения были противоречивыми, ясно, что Берг-коллегия не стала брать на себя ответственность в отношении приема в школы дворян, а отповедь Военной коллегии от 8 марта 1721 г., что она не ведает дворянскими детьми, Берг-коллегия получить еще не успела.

Тем временем решения о приеме в школы горного ведомства детей церковнослужителей вступили в явное противоречие с общероссийским законодательством. 25 января 1721 г. был издан Духовный регламент, предписывающий открывать для детей духовенства школы при архиерейских домах и семинарии, а высочайшей резолюцией на докладные пункты Синода от 19 ноября 1721 г. дети духовенства освобождались от обучения в светских школах, и все ранее изданные на этот счет постановления отменялись². Но горнозаводских властей эти законодательные акты будто не касались, дети духовенства продолжали зачисляться в школы горного ведомства, как в словесные, так и в арифметические.

Начало деятельности Уктусской арифметической школы. Сбор детей

К сожалению, подлинные дела Уктусского завода за 1721 г. не сохранились, и мы не располагаем документами о наборе учащихся в арифметическую школу. В мае 1721 г. вызванные на смотр дети подьячих и церковнослужителей были приняты к обучению, т. е. школа начала функционировать. В июне месяце Татищев и Блиер выехали на Алапаевский завод, по пути, из Арамашевской слободы, 10 июня был «послан указ в Мурзинскую слободу о высылке подьяческих, церковничьих, пичищковых, детей боярских от 5 до

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 5 об., 14—14 об.

² См.: ПСЗРИ. Собр 1. СПб., 1830. Т. 6. № 3718, № 3854.

15 лет к смотру на Алапаевской завод»¹. Т. е. власти хотели сами провести отбор детей для обучения, видимо, в словесную Алапаевскую и Уктусскую арифметическую школы.

Татищев 2 января 1722 г. в Наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву, данному в связи с предстоящей поездкой в Кунгур, а затем в Москву, приказал: в слободах, приписных к Алапаевскому заводу, «которые ребята подъяческие, дворянские и церковничьи писать умеют, тех взять суда [на Уктусский завод. — А. С.] для обучения арифметику, однако ж из одного дому по два не брать»². Обратим внимание, запросив разрешения Берг-коллегии о детях дворян, Татищев своей волей все-таки отважился принимать их для обучения. Между тем даже от Алапаевского завода слободы находились на значительных расстояниях: Невьянская — в 42 верстах, Мурзинская — 44, Арамашевская — 28³, а сам Алапаевский завод, куда собирались дети для отправки на Уктус, отстоял от Уктусского в то время на 183 версты, согласно делопроизводственной выписки 1723 г., а по данным «Описания» заводов В. И. Геннина — на 142 версты (верста — 1,066 км)⁴.

Согласно первой ведомости, поданной учителем в августе 1721 г., в Уктусской арифметической школе числилось 29 учеников, из них двое уже учили тройное правило⁵. В декабре 1721 г. последовал указ Татищева комиссару Братцеву о приеме Трунова и Курбатова в школу, возможно, Курбатов был также из дворян или из детей боярских, поэтому Татищев особо выделил их.

В описи документов Канцелярии горных дел на Уктусе, в книге за 1721—1722 г., отмечено прошение уктусских жителей «о неспрашивании с них и з детей подымных денег»⁶. В делах этой Канцелярии, с 1722 г. — Сибирского горного начальства, отложилось и подлинное прошение, поданное 15 февраля 1722 г. молотовыми мастерами Уктусского завода. Они сообщали, что якобы в 1720 г. из Санкт-Петербурга прислан указ, «чтоб на Уктусе с молотовых

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 256 об.

² Там же. Л. 677 об.

³ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 488.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643—643; Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 487.

⁵ Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 60.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 75 об.

мастеровых никаких податей в казну Е. И. В. по дымным деньгам и детей наших в школу не спрашивать. А ныне с нас спрашивают то и другое, и посылают на многие работы безденежно...». Мастера жаловались на казначея и шихтмейстера завода, просили «дабы нам по молотовой работе работать, а дымных денег... и детей наших в школу не спрашивать»¹.

Прошение подписали: староста Михайло Пастухов. Андрей Мингалев, Мокей Филинков, Софрон Филинков, Григорий Румянцев, Григорий Бабушкин «с товарищи». Рассматривал это прошение и наложил резолюцию только что прибывший из столицы берг-советник И. М. Михаэлис на немецком языке. Татищев в это время отбыл по делам в Москву.

Это прошение — первое коллективное и единственное известное нам о «не спрашивании» детей в школу. Уже несколько месяцев на Уктусском заводе действовало две школы, словесная (с марта 1721 г.) и арифметическая (с мая 1721-го), и молотовые мастера, самая высокооплачиваемая и квалифицированная группа в составе заводских мастеровых, восприняли открытие школ и жесткую политику местной власти по их укомплектованию как определенное ущемление их собственных интересов, их прав. Наверняка они хотели бы направить сыновей по собственным стопам, как только те приобретут физическую силу, обучить своему мастерству, и обучали их грамоте на дому. Но от школьного обучения освободить им детей не удалось. В списке учащихся словесной школы в марте 1722 г. числятся Бабушкин Михаил, Филинков Тарас, в арифметической в апреле 1722 г. — Петр Филинков; об Антоне Мингалеве как ученике арифметической в марте 1725 сообщалось, что он умер.

В апрельской ведомости 1722 г. в арифметической школе числились 20 человек в арифметике и 5 в письме. Последние, видимо, не были сильны в грамоте, но их не стали переводить в словесную школу, решив побыстрее подготовить к переходу в арифметическую².

Приведем список этих учеников:

Арефьев Петр
Васильев Андрей
Вторых Трофим
Грамотчиков Иван

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 577—578.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 218—218 об.

Грамотчиков Ларион
Дергачев Степан (Стефан)
Дьячков Степан (Стефан)
Елкин Яков
Козырев Степан
Кузовников Леонтий
Курбатов Яков
Лазарев Леонтий
Мизинов Иван
Неклюдов Потап
Попов Андрей
Попов Иван
Попов Самсон
Феоктистов Ефим
Чернавской Прокофей

«В письме»:

Беляев Иван
Грамотчиков Андрей
Перескоков Иван
Филатов Афанасий
Филинков Петр

Сравнительный анализ фамилий учащихся параллельно действовавших школ позволяет увидеть их продвижение из словесной в арифметическую школу. Так, в ведомости Уктусской словесной за май 1723 г.¹ помечено, что уже ушли в арифметическую школу Иван Перескоков и Андрей Васильев, «присланные с Алапаевских заводов прошлого 722 году». А в декабре 1723 г. мы видим их уже в арифметической, как и Петра Филинкова, о котором в мае 1723 г. запоздало сообщалось: «Писать обучен и отдан в арифметическую школу» житель Уктуса Петр Филинков.

Помимо жителей Алапаевского завода Перескокова и Васильева, возможно, сменивших третью школу (если они успели побывать и в Алапаевской словесной), мы видим в арифметической сына молотового мастера Алапаевского завода Якова Елкина, подававшего в 1721 г. прошение Татищеву об обучении письму в «Канцелярии» и нескольких Поповых, из которых Андрей и Иван могли быть сыновьями подьячего, а затем и управителя Алапаевского завода

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 843.

Федора Попова, хлопотавшего одновременно с Елкиным об обучении своих детей письму¹. Из Алапаевска в феврале 1722 г. был прислан и Леонтий Лазарев, что выясняется в связи с подачей им прошения о выдаче жалованья, о чем речь пойдет ниже.

В ведомости арифметической школы в апреле 1722 г. отмечалось, что Афанасий Трунов, учивший сложение, сбежал еще 22 декабря и «доныне в школу не явился», а Потап Неклюдов «взят к Москве... с Татищевым» 3 января 1722 г. Кроме того, по письму комиссара Бурцева от 8 марта с Алапаевского завода не явились Феофан и Иван Солонины и Семен Глатков (двое последних среди школьников позже упоминались). К сожалению, в ведомости не указывался ни возраст учащихся, ни должности отцов, ни места их прежнего проживания. Но науки, которые они проходили, свидетельствуют о том, что все они на дому или у мастеров грамоты овладели грамотой, Ларион и Иван Грамотчиковы, дети дьячка Уктусской церкви, изучали уже «тройное правило в обратительных» и «пятерное правило», т. е. подходили к концу основ арифметики. Курбатов и Мизинов изучали «сложение с рублями», остальные овладевали начальными действиями с числами – сложением, вычитанием, делением, умножением.

В описи документов Обер-бергамта за 1723 г. (без указания даты) зафиксирован указ на Каменские заводы Алексею Булгакову «о бытии ему в Каменском дистрикте подчиненным камиссаром» и, следом, указ ему же – о присылке ведомости о подьяческих и дворянских детях, грамоте умеющих².

Т. е. попытки привлечь дворянских детей в школы горного ведомства и в 1723 г. не прекратились, более того, с переходом Каменского завода в подчинение горному ведомству с февраля 1723 г. делалась попытка выявить их в приписных к этому заводу слободах. Между тем в «Книге записной» Исетских заводов за 22 мая 1723 г. зафиксировано поступление промемории из Тобольской земской конторы, чтоб в Невьянской, Арамашевской, Пышминской, Красноярской, Камышевской слободах дворянам и детям боярским тех слобод быть в ведении Верхотурском, «а в Горное начальство оные дворяне и дети боярские под ведение не отданы, а отданы одни только крестьяне и бобыли, так как они службы всякие служат по

---

¹ См. главу об Алапаевской словесной школе.

² ГАСО. Ф. 24. Оп.1. Д. 148. Л. 181.

Верхотурью, и на Верхотурье надлежит на них всякая доимка»¹. Как видим, на дворянских детей претендовали и горное ведомство, и подчиненные Сибирской губернской канцелярии учреждения.

В июле 1724 г. в Сибирский обер-бергamt поступила промемория из Тобольского архиерейского приказа², в которой излагалась жалоба на действия властей Каменского завода, поданная митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию, — прошение священника Троицкой церкви Катайского острога Никифора Осипова «с причетники» и дьячка Ильинской церкви Алексея Иванова, которые написали, что присылаются «от командиров» люди за церковными причетниками, чтобы использовать их для письма при заводе. «Да детей де их малолетных и к школьному учению негодных берут в школы, не объявляя им в том архиерейских послушных указов, а по каким указом оное действовать, того де они не известны»³.

В связи с разбором действий каменных властей по приказу В. И. Геннина были подготовлены выписки по делу. В них кратко излагался неизвестный нам указ Геннина от 19 февраля 1723 г., данный сержанту Украинцеву, чтобы ему «ехать ведомства Уктуских заводов [горного начальства, располагавшегося на Уктусе. — А. С.], на другие заводы и слободы, и со оных заводов и из слобод выслать всех подьяческих и церковничьих детей в Уктуские заводы, которые выше 12 лет и грамоте умеющие». Ниже отмечено: «И по тому указу он детей посылал в разных числах и они определены к наукам»⁴.

Так мы узнаем, что Генниним был объявлен повсеместный сбор грамотных детей, проживавших в заводах и приписных слободах, для пополнения ими Уктусской арифметической школы, поскольку речь шла о сборе уже обученных грамоте детей. Обратим внимание на дату издания указа: он был издан вслед за распределением части учащихся Уктусской школы 6 февраля к обучению заводским делам, на чем мы остановимся ниже. Т. е. указ Геннина был весьма своевременным, свидетельствовал об усилиях нового главы заводов к продолжению активной деятельности арифметической школы. Кроме того, под

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 11 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 200—201.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Л. 212—212 об.

ведение горного начальства перешел Каменский завод с приписными к нему слободами, указ об этом прибыл на Уктус 8 февраля 1723 г.¹

Вот на действия команды Украинцева и жаловались, видимо, представители сельского духовенства Каменского дистрикта, не желавшие отдавать в школу горного ведомства своих якобы малолетних и негодных к обучению детей. Мы же можем констатировать, что сбор детей в арифметическую школу состоялся, и проведен он был на обширной территории горнозаводского ведомства. Свидетельство тому — подача в мае 1723 г. челобитной на имя императора Петра I подростков, взятых учиться арифметике на Уктус, о выдаче им жалованья. Перед нами большая группа из 13 новичков, отсутствовавших в ведомости школы 1722 г.

Новички перечисляют не только свои имена и фамилии, но и места жительства: «взяты мы, низайшии раби, с Алапаевских и Каменских суда, на Уктуские заводы, для обучения арифметики и геометрии, а Вашего И. В. жалованья не определено, и питаться у той науки ныне за дальностию домов своих нечем». Они просят «выдать» им жалованье, «чем бы можно у той науки питаться».

И далее следуют подписи – присланные с Алапаевских заводов школьные ученики: Матвей Старцев, Иван Залесов, Устин Чернавин, Фирс Кабаков, Григорей Говорухин, Александр Щербаков, Феклист Балакин, Иван Заякин.

С Каменских заводов: Матвей Щепоткин, Яков Санников; Невьянской слободы Иван Солонин, Арамильской слободы Брусянского погоста Иван Бирюков, Новопышминской слободы Леонтей Кузовников².

Из Невьянской слободы среди просителей — и Иван Солонин, который должен был явиться на Уктус еще в 1722 г. Возможно, из слобод Алапаевского завода было прислано большее количество подростков: в описи документов конторы этого завода в 1723 г. числится «Промемория из земской в заводскую контору о высылке школьников в Уктусские заводы»³. С Каменских заводов, только переданных под контроль горной власти, оперативно зачислили двоих, обученных грамоте, и по одному подростку взяли из

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.

² Там же. Д. 22. Л. 643.

³ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 124.

Арамильской и Новопышминской слобод, приписных к Уктусскому заводу.

Из этого прошения и выписок по нему мы видим, какие широкие масштабы приобретала территориальная мобильность молодого поколения уральцев. Власти, заинтересованные в подготовке будущих кадров для заводов, забирали детей, обученных грамоте, со всей обширной территории, подконтрольной им, со всех трех казенных заводов и приписных к ним слобод. Это приводило к тому, что подростки надолго теряли связь с родным домом. Выписки в деле о расстояниях до места жительства их отцов — красноречивое свидетельство этому. От Уктусского завода до Бруснянского села — 32 версты, а до Алапаевского завода — 183, до Невьянской слободы — 208, Новопышминской — 90, до Каменских заводов — 101, до Багарякской слободы — 133 версты¹.

Некоторые подростки, включенные в списки подлежащих обучению, прибыли на Уктус лишь в апреле: 10 апреля 1723 г. начал учиться на Уктусе Сергей Ярцев², вероятно, из той же партии переписанных по слободам в начале года по указу Геннина. Среди 16 подписантов другого прошения, о выдаче денежного жалованья за прошедший год, поданного в декабре 1723 г., мы видим фамилии еще двух новичков, видимо, включенных в списки, подлежащих к обучению, но прибывших позже³:

Попов Герасим
Кукарин Устин

В марте 1722 г. просили о назначении жалованья ученики Плотников (сын бобыля, судя по выпискам) и Масленников⁴, покинувшие школу к апрелю 1722 г. и в первую ведомость не попавшие.

Наконец, еще несколько новых фамилий, отсутствовавших в ведомостях, упоминаются в разного рода документах: о побегах — Ивана Кулемина (бежал в январе 1723 г., в феврале — уже в школе), о распределении к делам — Ивана Столова, Андрея Черкасова, Кондрата Грамотчикова, Василия Дьячкова; о приеме в школу —

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 643 об.

² Там же. Л. 1208—1209.

³ Там же. Д. 26. Л. 71.

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 86—86 об.

Малого, о жалованье — Фомина¹. Из прошения лекарского ученика Андрея Рудакова 1730 г. о не спрашивании с него подушных денег узнаем, что в 1721 г. он, из мастерских детей Алапаевского завода, был взят в школу вместе с Семеном и Фирсом Кабаковыми². Фамилия последнего фигурировала в прошении о жалованье в мае 1723 г., а Рудаков и С. Кабаков не упоминались, видимо, все они были взяты в Уктусскую школу годом позже, поэтому их фамилии отсутствовали в ведомости школы за апрель 1722 г.

Хотя еще 16 сентября 1721 г. Татищев указом комиссару Бурцеву предписал подавать третные рапорты о школьниках, «колико человек, в какой науке», но нам удалось выявить ведомость лишь за апрель 1722 г. В описи Уктусского завода за 22 мая 1723 г. зафиксировано «ведение» от учителя, «коликое число в арифметической и геометрической школе обучающа, ис каких чинов, и х каким художествам определены»³. Очень интересный документ, но не сохранившийся. Не сохранились и подлинные дела Екатеринбургской заводской конторы, ведавшей с 1723 г. школами. В описи ее документов в январе 1724 г. отмечено: «По данной инструкции заводскому камисару Федору Неклюдову послан указ арифметической школы учителю Рыбникову о подаче от него репортов о учениках»; помета: «зачальной в столпе о школах»; и отметка о получении «известия» от Рыбникова — 4 февраля «ведение» от него об учениках⁴. Т. е. ведомости в Екатеринбургскую контору подавались. Всего на основе упоминаний учеников в разного рода документов дополнительно к ведомостям можно говорить, что в арифметической школе прошло обучение тот или иной срок 62 ученика.

Введение института казенного жалованья учащимся

Школа начала действовать в мае месяце 1721 г., а вопрос о назначении жалованья ее учащимся был решен только через полгода, в декабре 1721 г.

---

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 19 об., 133; Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 170; Оп. 2. Д. 147. Л. 39.

² Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 199. Л. 213 об. —214.

³ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 7 об., 31.

Инициатором решения этого вопроса, как уже отмечалось, выступила Берг-коллегия, а Н. В. Нечаев считал, что Татищев «добился разрешения Берг-Коллегии о выдаче жалованья учащимся за счет заводов»¹. Но реестр доношений Татищева в коллегии, составленный им самим, свидетельствует, что он вопроса об этом не поднимал². Указ коллегии о назначении жалованья, судя по выпискам, был издан 4 сентября 1721 г.³, а приговор уральского начальства по нему о введении жалованья состоялся 24 декабря 1721 г.

В. Н. Татищев только что вернулся из длительной поездки в Тобольск, и ему с И. Ф. Блиером пришлось рассматривать челобитную учеников арифметической школы Прокофия Чернавского «с товарищи» об определении им жалованья. Безусловно, подача челобитной и уход части учеников из школ, о чем упомянуто в конце документа, подтолкнули начальство к быстрому решению вопроса. Мы привели текст этого документа в главе, посвященной Уктусской словесной школе, напомним, назначаться оно должно было лишь сиротам и «у кого отцы убогие и пропитать детей своих не могут». Жалованье состояло из «муки ржаной по полтора пуда на месяц или вместо муки деньгами против покупной цены», и на платье — 1 руб. в год. В отношении учащихся арифметической школы делалась оговорка: детям церковнослужителей и тем, чьи отцы имеют оклады более 10 руб. в год, жалованье давать всем, как начнут учить тройное правило. По разумению начальства это должно было служить стимулом для скорейшего освоения арифметики. Думается, не только на учеников словесной школы, но и на учащихся арифметической, уже знакомых с числами, должно было распространяться предписание: «И оных употреблять в Канцелярии для письма, когда нужда позовет»⁴.

Согласно дневальной книге Канцелярии горных дел 28 декабря 1721 г. был послан указ уральского начальства комиссару заводов Т. Бурцеву «о даче жалованья школьным учеником»⁵. Через неделю, 2 января 1722 г., предписывая Бурцеву собрать подьяческих, дворянских и церковничьих детей из слобод Алапаевского завода,

---

¹ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 61.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 200—207 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 87 об.; Д. 1076. Л. 199.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 133 об. — 134.

⁵ Там же. Д. 4а, Л. 296 об.

обученных грамоте, в арифметическую школу Уктуса Татищев приказал и «оним давать здесь прокормление против сирот, понеже родителем их прокормить за дальностию не способно»¹. Заинтересованность в расширении круга детей, обучавшихся арифметике, подтолкнула Татищева и к расширению круга учеников, получавших жалованье. Несправедливость оставлять детей, взятых обучаться из дальних мест, без всякой материальной поддержки со стороны властей была ликвидирована.

Но вопрос о назначении жалованья начальство не решало сразу же при зачислении детей к обучению, более того, его предписания не всегда выполнялись подчиненными. Например, Ларион Грамотчиков, упоминаемый вторым по успехам в ведомости за апрель 1722 г., сын дьячка-учителя, изучавший «тройное правило в обратительных» получил провиант по записке комиссара Бурцева за два месяца, апрель и май, только в середине июня², а имел право на него, видимо, и пораньше — как достигший этого раздела математики, дававшего права на жалованье.

В мае 1722 г. подали прошение Иван Головков «с товарищи»: взяты учиться в 1721 г., но «дано провианта на месяц, а за два месяца не дано», т. е. выдавалось жалованье нерегулярно. Комиссар Т. Бурцев приказал Братцеву как шихтмейстеру, ведающему припасами, выдать «помесячно против первой дачи, також и алапаевским... и впредь помесячно давай»³.

В мае 1723 г. просили об определении жалованья 13 учеников, взятых с Алапаевского и Каменского заводов и приписных к ним слобод, которым «питаться у той науки ныне за дальностию домов своих нечем»: 8 человек с Алапаевского завода (183 версты от Уктусского), 1 — из Невьянской слободы при нем (208 верст от Уктуса), двое — с Каменского завода (101 верста), по одному из приписанных к нему слобод — Багаряжской (133 версты), Новопышминской (90), Колчеданского острога (120); сын попа Брюсянского села Арамильской слободы проживал ближе всех (на расстоянии 32 верст)⁴. Фамилии этих учеников приведены выше в связи с реконструкцией состава учащихся как пример большого

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 677 об.

² Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 1144.

³ Там же. Л. 1094.

⁴ Там же. Д. 22. Л. 643—643 об.

пополнения школы по указу Геннина от 19 февраля 1723 г. Опять-таки мы видим, что приказ выполнен, дети собраны из дальних мест, но решения о назначении им жалованья сразу же при зачислении не последовало, и какое-то время им пришлось учиться без всякой помощи со стороны властей, видимо, за счет привезенных с собой припасов, выделенных семьей.

Приходилось подавать прошения ученикам и о выдаче денежного жалованья в конце года, напоминая властям об этом. Так, в декабре 1723 г. подали прошение в Уктусскую заводскую контору 16 учеников арифметической школы— «Трифон Попов с товарищи»¹. Леонтий Лазарев, присланный с Алапаевского завода в феврале 1722 г., о выдаче денежного жалованья за 1723 г. стал хлопотать персонально 17 декабря 1723 г., видимо, в надежде получить по 1 руб. за два года: указал, что в 1722 г. получал только провиант. Но оказалось, что и денежное жалованье в том году ему выдавалось, за 1723 г. распорядился выдать его лично Геннин².

В феврале 1724 г. в «Описи Уктусского заводу» зафиксирован указ Екатеринбургской конторы о даче школьнику Фомину хлебного жалованья, и притом черный указ провиантским писчику и целовальнику. В январе 1724 г. — указ этой же конторы о даче соли солдатам и школьникам³, видимо, ученикам обеих уктусских школ.

Побеги учеников

Неудивительно, что учащиеся, лишённые поддержки родителей в пропитании, часто совершали побеги. Уже к декабрю 1721 г. часть учеников, не имея пищи, пустилась в бега. В ведомости за апрель 1722 г. Афанасий Трунов показан бежавшим 22 декабря 1721 г. из науки «счисление»⁴.

В «Описи Уктусского заводу» 8 января 1723 г. зарегистрировано «ведение» учителя Рыбникова о сыске школьных учеников Ивана Кулемина «с товарищи»⁵, 27 марта — «ведение» Рыбникова о побеге

---

¹ ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 26. Л. 71.

² Там же. Д. 22. Л. 1303—1303 об.

³ Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 39, 38.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 218 об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 4 об.

и сыске Ивана Бирюкова и посылке за ним драгуна; доношение драгуна Уктусской роты Головина о посылке в Арамилскую слободу, в Бруснятский погост, за Бирюковым, «которого отец ево ему не отдал»; доношение на имя Геннина драгуна Степанова, «что был послан для взятъя поповского сына Бирюкова»¹. Второму драгуну, преодолевшему по 32 версты до погоста и обратно, удалось все-таки вернуть Бирюкова к обучению — в мае 1723 г. он числится одним из участников коллективного прошения об определении жалованья. На примере Бирюкова мы видим, как настойчивы были власти в борьбе за каждого ученика, пытаясь вернуть его на школьную скамью.

Летом 1723 г. учитель Рыбников сообщал о четырех бежавших: 7 июня бежал Яков Санников, взятый учиться из Катайского острога, 10 июня — Антон Попов, родом из острога Колчеданского, 11 числа — присланный с Алапаевских заводов Матвей Старцев; в июле, после болезни, сбежал Феклист Балакин, тоже алапаевский. Учитель просил прислать из Обер-бергамта «нарочного посыльщика» за ними. 30 июля были разосланы указы о их поимке в дистрикты — Арамилский, Каменский, Алапаевский, Камышловский².

Глава Каменского дистрикта Иван Аврамов донес в Обер-бергамт, что указы о бежавших посланы и в народ «публикованы» — листы о них выставлены, но в острогах и слободах его дистрикта их не явилось. Из этого документа выясняется, что Антон Попов и Яков Санников — дети подьячих. Попов был определен к плавлению меди в ученики, отец Якова, Иван Санников, — подьячий Каменской земской избы. Оба подьячих «под опасением смертныя казни» в допросах показали, что не знают, как бежали их сыновья, где они живут³.

Приказчик Алапаевского завода А. Буженинов сообщил, что Феклист Балакин был сыскан и отправлен на Уктус 17 августа, а 11 ноября служитель земской конторы Иван Кузовников поймал в Мурзинской слободе шедшего домой Матвея Старцева в кабаке и послал скованного с провожатым на Уктус. Геннин велел допросить его. На допросе Старцев показал, что ушел на Федьковские заводы Демидова, по ноябрь жил у зятя бобыля; на Уктусе во время учебы стоял на квартире у вдовы. На вопрос, «отчего бежал», ответил так:

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 25—25 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 954—954 об.

³ Там же. Л. 958.

«хотя я жалованье и получал, но ис того числа хозяину за постой и за печенье хлеба платил, которого на расплату не достало, и есть мне стало нечего, от того бежал». Указал и цену оплаты — на каждую неделю давал по 4 копейки, возможно, полученным из казны хлебом¹. Этот документ — яркое свидетельство трудного материального положения учащихся, даже имевших казенное жалованье, но живущих вдали от родительских домов.

Антон Попов показал, что бежал в слободу Тобольского уезда, жил по разным слободам «по малому времени», пришел на Уктус к мастеру Захарову, тот сразу же сдал его властям. Он «бежал от хлебного гладу, потому что питаться было нечем». Подавал доношение о жалованье 1 июля со своей братьей, но получили только товарищи от приказчика завода Петрова, а Антону приказчик «сказал, что тебе давать не велел бергфохт Патрушев». На вопрос, доносил ли Геннину об этом и у Патрушева просил ли жалованье, ответил, что не доносил и не просил. В данном случае сказался, скорее всего, перевод Попова к обучению гармахерскому (плавильному) делу, в связи с чем школьного жалованья он лишился, а новое — как заводскому ученику — назначено не было. После назначения в заводские ученики он стоял на квартире с подьячим Ожигановым, т. е. и постой должен был оплачивать².

В 1724 г. сбежал из школы Семен Попов. В описи документов Сибирского обер-бергамта, в одной из книг 1724 г., числится «Указ гренадеру Алексею Овцыну о сыске школьника Попова. Поручная по попе Кириле Федорове, чтоб сыскать ему сына своего Семена». Следом — указ канониру «о запечатавании двора и пожитков в Багарядской слободе у попа Федора». В другой книге за 1724 г. — «Промемория из Архирейского дому о присылке поповского сына Багаряцкой слободы Семена Кирилова»³. Ясно, что власти обязали его ехать на поиски сына, в связи с чем он и обзавелся порукой своих прихожан, гарантировавших его возвращение. Более того, по приказу властей был опечатан его двор и пожитки. И как оказалось, школьник, видимо, с благословения отца, отправился в Тобольск, вероятно, чтобы получить посвящение в дьячки или даже дьяконы, но был

---

¹ ГАСО. Оп. 1. Д. 22. Л. 1266—1266 об.

² Там же.

³ Там же. Д. 148. Л. 322 об, 357 об.

возвращен Архиерейским приказом после вмешательства горного ведомства.

Даже краткий экскурс в повседневную жизнь учеников Уктусской арифметической школы начала 1720-х гг. позволяет говорить об их тяжелом и материальном, и психологическом положении, связанным с длительным отрывом от родной семьи, проживанием в качестве постояльцев в чужих домах, необходимостью платить за жилье, приготовление пищи. Здесь и полное отсутствие какой-либо поддержки со стороны властей до конца 1721 г., введение жалованья поначалу фактически лишь сиротам, недостаточность как хлеба, так и денежной суммы в 1 руб. для обеспечения одеждой и обувью; к тому же несвоевременное назначение жалованья, о котором приходилось хлопотать самим ученикам путем подачи прошений. Вырисовываются и случаи лишения школьного жалованья при распределении к делам, но не назначения нового у заводских дел, т. е. бесплатное использование. Хотя эти документы касаются одной Уктусской арифметической школы, мы можем экстраполировать их и на учащихся других школ.

Отпуск учащихся домой

Практика отпуска школьников на каникулы сложилась в горнозаводских школах позднее. Но отдельные случаи отпусков учащихся как раз Уктусской арифметической школы документы подтверждают, например, в связи с болезнью. Известно об одном таком случае. В ноябре 1723 г. впервые всплывает среди учащихся Уктусской школы фамилия Сергея Ярцева в связи с подачей прошения об отпуске домой. Он сообщает, что взят в Уктусскую арифметическую школу в первых числах марта (видимо, запомнилась дата кампании по сбору детей), с 1 сентября «заскорбел внутреннюю болезнью, також платьем обносился, а с вышеписанного марта в доме своем не бывал». Просил, «дабы повелено было указом Е. И. В. отсюда в домишко на время для моей немощи и нужды отпустить». Ярцева с гренадером отправили в госпиталь, через провожатого лекарь передал, что ученик – человек молодой и после немочи ничего серьезного у него нет.

Учитель же Рыбников показал, что Ярцев был прислан в школу 10 апреля, «залежал сентября с 20 числа», Обер-бергамтом уже

отпускался домой на три недели, с 11 июня по 2 июля¹. Как видим, не всегда в прошениях содержалась точная информация, что-то забывалось, а что-то и сознательно искажалось, чтобы добиться желаемой цели. А на примере Ярцева ясно, что учитель своей волей учеников домой, даже на время, не отпускал, если их родные проживали в других населенных пунктах. Кстати, отметим, что Ярцев был из дворянской семьи, титул дворянина и землю с крестьянами получил еще его дед, а отец погиб в ходе Северной войны².

В «Книге записной» Исетских заводов за 22 декабря 1723 г. зарегистрировано доношение уктусских школьников Степана Козырева «с товарищи», 12 человек, об отпуске их домой на праздник Рождества Христова. На нем помета Геннина, вернувшегося как раз из Соли Камской: отпустить на две недели, «а которые не явятся на срок, тем наказание учинено будет»³.

Судя по описи документов Сибирского обер-бергамта, в 1724 г. подавали доношение школьные ученики Самсон Попов, Леонтий Кузовников с товарищи «об отпуске их в дома свои», видимо, группа желающих сформировалась большая. Ярцев же снова обратился с доношением «об отпуске ево в дом» персонально⁴. Реакция начальства осталась неизвестной.

Учителя — выпускники Артиллерийской школы Москвы

До последней четверти XVIII в. в России не существовало специальных учебных заведений, которые бы готовили учителей школ. Каждое ведомство, открывавшее школы, заботилось о подборе кадров, используя свои возможности: назначали церковнослужителей, отставных солдат, писчиков, в цифирные школы рассылали учеников Московской школы навигаторов, Морской академии.

На Урале, где быстрыми темпами начали строиться заводы, требовавшие десятков грамотных людей и специалистов, было особенно трудно найти не занятых на производстве или в

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 1208—1209.

² См.: *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 122.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 146.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 363, 364 об.

администрации людей, которых можно было использовать в качестве учителей. В первых арифметических школах проблема была решена за счет привлечения к преподаванию выпускников московской Артиллерийской школы, прибывших на Урал в 1720 г. в команде с В. Н. Татищевым. Причем обязанность обучения школьников являлась дополнительной к их основным заводским должностям и никак не оплачивалась.

Степан Братцев, назначенный в мае 1721 г. преподавать арифметику в Уктусской школе, — выпускник московской Артиллерийской школы, дворянин, прибыл на Урал в 1720 г. чуть позже своих товарищей¹. Татищев своим Наказом от 27 февраля 1721 г. определил его обязанности как шихтмейстера, помощника заводского комиссара Т. Бурцева, вместе с однокашником Федором Каченовским: в отсутствие комиссара смотреть за ходом работ мастеровых людей, вести дела; отслеживать приход денег со слобод, поскольку Каченовский «не весьма в щетах совершен»; вести приход-расход припасов².

Поскольку все прибывшие в 1720 г. с Татищевым московские «школьники» были «обязаны иными делами», уральское начальство обратилось к главе Сибирской губернии князю А. М. Черкасскому — прислать из Тобольской школы для обучения арифметике и геометрии человек двух или трех, но получило отказ³. По данным Н. К. Чупина, в январе 1722 г. в связи с загруженностью Братцева заводскими делами учителем временно был определен кондуктор Игнатий Юдин⁴, сын офицера Семеновского гвардейского полка, выпускник московской Инженерной школы. Но в апреле 1722 г. ведомость об учащихся составлял снова Братцев, обучавший их всем разделам арифметики, начиная с нумерации, простых действий с числами — сложения, вычитания, умножения, деления — и кончая «тройным» и «пятерным правилом», а пятерых учеников обучал и письму.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. д. 26, л. 85 об.

² *Киселев М. А.* Наказ казначею Ф. Каченовскому и шихтмейстеру А. Братцову и реформа управления Уктусским заводом 1721 г. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г.: В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 191—193.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 162—162 об.

⁴ *Чупин Н. К.* Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С. 60.

В феврале 1722 г. Татищев, находясь в Москве, сообщил Берг-коллегии о Степане Братцеве: «определили было его к приходу-расходу припасов на Уктусских заводах, но ныне усмотрели, что то ему для слабости его несносно», надо отставить, и просит Братцева «взять от нас..., а нам отпустить на его место иного кого»¹. Берг-коллегия просьбу удовлетворила, разрешила требовать от Артиллерии другого школьника, а Братцева выслать в коллегиию. В числе 7 избранных Татищевым учеников Артиллерийской школы для отправки на Урал был Петр Константинов, названный на Урале Рыбниковым, из науки геометрии².

Рыбников и стал первым «освобожденным» учителем арифметики и геометрии на горнозаводском Урале. Жалованье ему назначила Берг-коллегия — 18 руб. в год и провиант «против солдат» — муки ржаной по полуосьмине на месяц, круп и соли³. С января 1723 г. на Уктусе Рыбников стал получать деньгами по 24 руб. в год. В апреле 1723 г. в «Росписи приказным служителем всех заводов и земского правления с их годовым денежным и хлебным жалованьем» — по сути, первом прообразе штатов⁴, на строящемся Исетском заводе учителю арифметики и геометрии показано «давать до указа» 24 руб., учителю словесного и письма вместо 12 руб. — 18 руб. Начальник заводов В. И. Геннин, рассматривая Табель, 22 апреля 1723 г. приговорил: с 1 мая 1723 г. ввести новые размеры жалованья, согласно ее положениям⁵. Т. е. уже в апреле, за несколько месяцев до пуска нового Екатеринбургского завода в строй, предполагался перевод туда арифметической школы с Уктусского завода. В Табели казенных заводов в ноябре 1723 г. Рыбников показан солдатским сыном, учителем арифметики и геометрии в школе Екатеринбургской с жалованьем 24 руб. в год, с пометой — впредь быть «по прежнему»⁶.

В первые недели начала строительства Екатеринбургского завода, 27 марта 1723 г., Геннин приказал только что назначенному им комиссаром строящегося завода Ф. Еварлакову: «Послать тебе геометрической школы учителя Рыбникова, велеть ему от Уктусских

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 105.

² Там же. Л. 173—174.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 201.

⁴ Там же. Д. 26. Л. 624—625 об.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 625 об.

⁶ *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 161.

до Исетских заводов провести прямую дорогу шириною 6 сажен. И оную измерить, и поставить столбы с подписанием на обе стороны. По речкам и болотам сделать мосты, а на малых грязях гати шириною 3 сажен. По обе стороны прокопать рвы глубиною и шириною с аршин»¹. Перед нами — яркое описание сложных условий, в которых учителю приходилось делать это измерение, наверняка используя для помощи своих учеников. Отметим, что подобные поручения давались Рыбникову и после перевода школы на Екатеринбургский завод. В описи документов Алапаевского завода за 16 марта 1725 г. зафиксирован указ из Екатеринбургской заводской конторы «о меряни[и] верст с Алапаевского заводу до Курьинской пристани школьному учителю Рыбникову и вручении ему копии с инструкции»². На Курьинскую пристань свозили железо с Алапаевского и Синячихинского завода для последующей доставки его по Чусовой в Москву и Петербург³. Поэтому важно было знать точное расстояние пути, по которому железо возили на пристань приписные крестьяне.

Рыбников преподавал ученикам наряду с арифметикой и геометрию. К геометрии лучшие ученики приступили в начале 1723 г. Но в «Росписи приказным служителем всех заводов...»⁴, в апреле 1723 г. на строящемся Исетском заводе наряду с учителем арифметики и геометрии было показано еще два учителя — черчения и знаменования (рисования) — с жалованьем по 36 руб. в год.

На вакантные должности учителей черчения и рисования, которых невозможно было найти на Урале, Геннин дважды в 1723 г. просил Берг-коллегию найти специалистов в столице⁵. В феврале 1724 г. в ответ на это Берг-коллегия предписала: «в учителя велеть брать из тамошних, которых посланы из Берг-коллегии от артиллерийских наук, кого пристойно... а нарочных из Санкт-Петербурха туда посылать есть не без убытка, понеже станут требовать великаго жалованья»⁶. Если учесть предшествующие доношения уральской

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 258; *Корепанов Н. С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2014. С. 22.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5. Л. 167.

³ *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 580.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624–625 об.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1527. Л. 41.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 10. Л. 95 об.

канцелярии о трудностях с подбором учителей, занятости выпускников московских школ на заводских должностях¹, такое решение центра было недальновидным, и его можно расценить как отписку.

Правда, при рассмотрении штатов уральских заводов в том же феврале 1724 г. члены Берг-коллегии предписали: «учителю в школе знаменительному и чертежному быть одному и требовать оного из Артиллерии»², но это распоряжение так и осталось на бумаге. Рыбникову первому пришлось учить подростков этим предметам.

Проблема обеспечения школы учебными пособиями и инструментами

При открытии первых арифметических школ вопроса о приобретении учебных книг не поднималось. Обучение велось по «письменным» (рукописным) руководствам, имевшимся на руках у учителей, по сути, их тетрадам, которые они вели во время обучения в московской Артиллерийской школе. Возможно, кто-то из учителей имел собственную печатную «Арифметику» Л. Магницкого, представлявшую ценнейшее сокровище по тем временам.

В феврале 1723 г. новый начальник заводов В. И. Геннин сделал первый заказ книг для Уктусской арифметической школы — просил Берг-коллегию выслать «книг геометрических, логорифмов, рисовальных». Знаменательна оговорка Геннина, что «некотор[ые] робята великую охоту имеют, токмо учиться не по чем», «а знаменного мастера доброго, також книг достать не можно»³.

Геннин не оговаривал конкретное количество заказываемых пособий, сообщал лишь, что «за книги можно у могущих деньги принимать налицо», т. е. часть присланных пособий предполагал продавать желающим. В делах Берг-коллегии в РГАДА нами обнаружены интересные документы, проливающие свет на закупку первой партии книг по математике, предназначенных для Уктусской арифметической школы, доставшихся после ее закрытия Екатеринбургской.

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 117 об.; Д. 621. Л. 110—125 об.

² Там же. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 68 об.

³ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 283—283 об.

Получив заказ Геннина, члены Берг-коллегии в июне 1723 г. поручили своим копиистам закупить 10 логарифмических таблиц и 10 геометрий, то есть сами определили число пособий, но книги «рисовальные» почему-то не были включены в их состав, возможно, вопрос о них хотели решить после того, как будет найден учитель знаменования. В 1724 г. в его присылке было отказано, а о «рисовальных» книгах уже не вспоминали ни Берг-коллегия, ни уральская администрация.

Вызывает удивление, что в столице Российской империи в 1723 г. так и не удалось найти ни одной математической книги для отправки на Урал — ни логарифмических таблиц, ни геометрий. Из доношения копииста Берг-коллегии своему начальству (июль 1723 г.) следует, что в ходе безрезультатных поисков были наведены справки у учителя Артиллерийской школы Петра Нартова, который сообщил, что покупал математические книги «из Адмиралтейства», и подсказал, где можно найти книги для отправки на Урал: «Книг логорифмов вельми много напечатано в Москве для привозу в Санкт-Питербурх, только де без указа из Адмиралтейства не продают»¹. Ясно, что адмиралтейское ведомство стремилось в первую очередь обеспечить свои школы — Московскую навигационную и Морскую академию, действовавшую в Санкт-Петербурге.

Пользуясь подсказкой Нартова, Берг-коллегия в октябре 1723 г. поручила купить книги подчиненной конторе — Московскому обер-бергамту — и немедленно отправить в Екатеринбург. Но и в столице поиск книг не прекратили, в ноябре копиист доносил в коллегию: книг «в Гостине дворе и в Академической школе [Морской академии. — А. С.], и в типографии ныне не куплено», найдена лишь одна «Арифметика» печатная у подьячего Артиллерийской канцелярии, который согласен продать ее за 3 руб. 50 коп., «а меньше того не берет»².

Почему же поиски геометрии переключились на «Арифметику»? «Описание изданий гражданской печати», в которое вошли сведения обо всех книгах, изданных в России с 1708 по январь 1725 г. и представленных в собраниях крупнейших библиотек, позволяет определить, какие книги по геометрии были изданы и когда. В нем упоминается «Геометриа словенски землемерие», изданная в Москве

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 302 об.

² Там же. Л. 305.

в 1708 г., «Геометрическая книга», изданная тогда же, «Приемы циркуля и линейки» 1709 г. По сути, это были три издания одной и той же книги Буркхарда фон Пюркенштейна, переведенной Яковом Брюсом, возглавившим тогда российскую артиллерию¹. Из-за давности выпуска эта книга стала библиографической редкостью. Легче было найти «Арифметику» Леонтия Магницкого, издававшуюся с 1703 г. еще несколько раз, но всегда с указанием первой даты — допечатывали «Арифметику» с помощью деревянных досок, на которых был вырезан текст без упоминания нового года издания.

Эта книга, написанная учителем Московской школы навигаторов, была подлинной энциклопедией математических знаний, недаром М. В. Ломоносов называл ее «вратами учености». Она включала в себя наряду с пространной арифметикой элементарную алгебру, геометрию, основы тригонометрии, важнейшие сведения из астрономии, геодезии, навигации. Впервые в русской математической литературе в ней давались определения площадей параллелограмма, правильного многоугольника, сегмента круга, поверхностей и объемов пирамиды и конуса.

Цена, запрошенная за «Арифметику» петербургским подьячим (3 руб. 50 коп.), была очень высокой, но, видимо, соответствовала стоимости книги. На эти деньги можно было тогда купить более 100 аршин холста на одежду (по 3 коп. аршин), 14—17 пуд. говядины по 20—25 коп. за пуд (более 200 кг).

Учитывая пользу дела, «ради учеников», Берг-коллегия постановила: «Арифметику» у подьячего принять за 3 руб., «которой цены по усмотрению Берг-коллеги[и] будет ему довольно», и отправить в Московский обер-бергамт. Последнему предписывалось закупить и другие книги, «понеже в Санкт-Петербурхе их купить больше одной выше писанной арифметики не сыскано». При этом Берг-коллегия решила уменьшить число книг «за нынешнюю дороною ценою и что оных сыскать довольно не мочно, купить против прежнего определения с убавкою, а имянно: тех арифметик четыре, логарифмов пять, или что сыщется, хотя и больши оногo числа...».

---

¹ См.: Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / сост.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955.

Берг-коллегия посоветовала справиться в Москве в Монетной конторе: нет ли книг в «отписных пожитках», если найдутся, купить¹.

Московский обер-бергамт обратился с просьбой о продаже книг в Адмиралтейскую контору, ее не приняли, объявили: требовать надо от конторы Академической, что на Сухаревой башне, то есть в учреждении, ведавшем Московской школой навигаторов. Но и эта контора заявила, что в Московской «академии» геометрий нет, а «логарифмов — малое число, и самим им, школьникам, не достает». Тогда Московский обер-бергамт вынес решение — «приторговать» те книги «в ряду... у продавцов, у которых такие книги обретаются», то есть в книжных рядах. Нашлись книги «у купеческого человека Василия Куприянова», который за таблицы логарифмов просил 50 коп., за «Арифметику» — ту же цену, что и подьячий в Петербурге, 3 руб. 50 коп., а за все требовал 40 руб.² Ясно, что он мог предоставить по меньшей мере по 10 экземпляров обеих книг.

Располагавший большим числом книг торговец — не кто иной, как знаменитый купец-библиотекарь Василий Киприянов, основавший в Москве частную типографию с целью издания гражданских книг, в том числе и учебных пособий. При типографии учреждалась «библиотека» для продажи изданного. В 1714 г. под нее было получено место в Китай-городе у Спасского моста³. Возможно, и «Арифметика» была издана в этой типографии, которую, кстати, курировал Яков Брюс.

Московский обер-бергамт сообщал в коллегии, что «другие купцы никто такого числа книг не явил», и спрашивал, на какие деньги покупать книги, так как сам располагал малыми суммами. Данные о наличии полных 10 комплектов книг приводились, видимо, не случайно, ведь именно такое количество предписывалось купить в Москве в первый раз, служащие Обер-бергамта предоставляли Берг-коллегии возможность вернуться к первоначальному решению.

Но Берг-коллегия санкционировала покупку в половинном размере: в декабре 1723 г. из Москвы сообщалось в Петербург, что у Киприянова куплено пять логарифмов по 50 коп. и четыре «Арифметики» по 3 руб. 50 коп. на деньги из Монетной конторы. Одна «Арифметика», оцененная в 2 руб., была прислана из пожитков

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 306 об.

² Там же. Л. 310.

³ См.: *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 126.

некоего Воронова¹. Видимо, подьячий Артиллерийской канцелярии в Петербурге так и не согласился уступить свою книгу за 3 руб. Десять первых математических книг были отправлены из Москвы в Екатеринбург в декабре 1723 г. с лабораторным учеником². Но ни одного экземпляра в Уктусскую школу передано не было, начальство решило дожидаться перевода школы в Екатеринбург, на новый, только что пущенный в строй завод, как намечалось Наказом Ф. Неклюдову.

А. А. Буров на основе документов Адмиралтейской коллегии приводит данные о цене учебных пособий, выдаваемых учащимся Морской академии и Московской школы навигацких наук, удерживавшейся из их казенного жалования — «Арифметика Л. Магницкого — 1 руб. 20 коп., логарифмы — 42 коп., циркуль простой — 71 коп., троеножный — 1 руб. $\frac{3}{4}$ коп., шкала простая — 25 коп.³ Как видим, монополия Адмиралтейской коллегии на эти издания, имевшиеся в большом запасе у нее, отсутствие новых изданий, привели к большому удорожанию их цены в свободной продаже.

Для обучения геометрии, тригонометрии и черчению нужны были инструменты. В начале 20-х гг. XVIII в. они были на Урале чрезвычайной редкостью. Достаточно сказать, что в ведомости припасов Уктусского завода за 1722 г. из инструментов числился всего один — «циркуль железный»⁴. Поэтому чертежные инструменты в феврале 1723 г. были заказаны в Берг-коллегию одновременно с книгами. Геннин сообщал, что несколько учеников «уже в арифметики изрядно обучились и дошли до геометрии, но не имея инструментов, принуждены оное оставить»⁵. В июне 1723 г. Берг-коллегия постановила: купить для уральских школ циркулей простых, «троеножных», транспортиров и шкал по 20 штук⁶. Но достать такое большое число инструментов, как и математических книг, в Санкт-Петербурге не удалось. Купленные три набора в июле

---

¹ См. об этом: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 319.

² Там же. Л. 321—321 об.

³ См. Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957. С. 31.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 1029.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 289.

⁶ Там же. Л. 275 об.

1723 г. были отправлены на Урал с присланным от Геннина пушкарем Ивановым, в конце августа они прибыли в Екатеринбург¹.

Между тем в Берг-коллегии искали мастера, которому можно было заказать инструменты. В июле копиист Берг-коллегии сообщал начальству, что инструментальный мастер от Артиллерии обычно просил за изготовление одного циркуля «троеножного», одного простого, транспортира и шкалы 3 руб. 40 коп., а с членами Берг-коллегии договорился сделать по 2 руб. 50 коп. с условием, что шкалы будут на транспортирах, а не особые, и дано ему «наперед по договорному ряду» 10 руб.²

В инструкции, составленной 18 ноября 1723 г. для отъезжающего в столицу Татищева, Геннин написал: «Требовать от коллегии о присылке учителей и инструментов по моему прежде посланному доношению»³.

В тот же день Геннин сообщил в доношении Берг-коллегии, что, поскольку инструментов получено только на трех человек, учеников «ныне обучаю моими и капитана Татищева инструментами, колико собрать могли, ибо в том есть великая нужда, и уже некоторые, окончав геометрию, определены к наукам разных ремесел». Геннин просил коллегию «старание приложить по прежде посланным моим представлениям»⁴.

Высланные в октябре Берг-колlegией 7 наборов инструментов были уже в пути, в конце декабря 1723 г. Геннин рапортовал в Берг-коллегию: «циркули приняты и роздадутся, кому надлежит, с роспискою»⁵.

Несмотря на острую нужду в инструментах, три первые готовальни были выданы в школу по прошествии двух месяцев по прибытии на Урал — Рыбников получил их в ноябре 1723 г.⁶ Следующая партия циркулей была передана ученикам уже после перевода школы с Уктуса в Екатеринбург, летом 1725 г.⁷

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23 а. Л. 219.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 302 об. —303.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1527. Л. 41.

⁴ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 751. Л. 178 об. —179.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23 а. Л. 219; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 751. Л. 183—185.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 69 об.

⁷ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 92 об.; Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 27 об.

Все задания школьники выполняли на деревянных досках. Время от времени получали и бумагу. Так, в марте 1723 г. «Опись Уктусского завода» регистрирует доношение комиссара заводов Т. Бурцева в Бергамт об отправке в арифметическую школу для обучения бумаги писчей¹.

Роль Уктусской арифметической школы в подготовке кадров для казенных заводов

С самого начала деятельности арифметических школ уральское начальство рассматривало их учащихся в качестве помощников в заводских делах. Так, вынося приговор о назначении жалования школьникам в декабре 1721 г., В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер предписали: «И оных употреблять в Канцелярии для письма, когда нужда позовет»². О широком применении такой практики свидетельствует доношение подъячего горного начальства Д. Родюкова, поданное весной 1722 г. заводскому комиссару Т. Бурцеву с просьбой сделать в Канцелярию три ножица «к пероочинению» и прочей нужде и «чернильниц для приходящих, которые из школ и от других бывают письмом к нам в споможение»³.

Внедрение норм Генерального регламента 1720 г. вызвало бурный рост документов в горном управлении и заводских конторах, к тому же Берг-коллегия постоянно требовала присылки разного рода отчетных документов. В первой четверти XVIII в. профессиональных, квалифицированных подъячих при заводах остро не хватало, и горнозаводскому ведомству приходилось вступать в ожесточенную борьбу за них с губернскими, провинциальными гражданскими учреждениями, которые тоже испытывали их большой дефицит. Эта проблема глубоко и основательно освещена в монографии Д. А. Редина⁴.

И неслучайно с первого года действия Уктусской арифметической школы, с 1721 г. началось использование ее учащихся для письма в Канцелярии, конторах, когда необходимо было вести учет

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 23.

² Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 134.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 110. Л. 1100.

⁴ *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ... С. 437—484.

выполнения каких-то работ. Так, Потап Неклюдов в декабре 1722 г. в челобитной, поданной в Уктусскую горную канцелярию, сообщал, что в 1721 г. «дела счерна набело писал безо всякого прекословия непрестанно, как и протчие молодые подьячие» и сейчас пишет в Канцелярии «безденежно». В. И. Геннин 17 января 1723 г. распорядился: с января давать ему жалованье по 8 руб. в год и «быть у новозачатых заводов у письма записок», то есть на строительстве Екатеринбургского завода. Потап Неклюдов стал, видимо, первым школьником, попавшим на постоянную должность писчика с оплатой за труд из заводских средств. В «Табели служителей», составленной в ноябре 1723 г., первых штатах уральских заводов, П. Неклюдов официально числится в конторе Уктусского завода писчиком с жалованьем уже 12 руб. в год¹.

В 1722 г. ученики использовались и временно для сопровождения отдельных лиц во время поездок. Так, опись дел Канцелярии Сибирского горного начальства регистрирует «ведение Уктусских заводов от школьного ученика Андрея Попова о езде со штейгером Корсом для осмотру рудных мест»². Абрахам Корс прибыл на Урал из Берг-коллегии в команде берграта И. М. Михаэлиса в январе 1722 г. Как технический специалист первым из саксонцев-контрактеров выполнял поручения уральского начальства, закладывал в крае основы современных технологий горных разработок³. Школьник А. Попов вел, видимо, при нем во время поездок по рудникам какие-то записи. В январе 1722 г. и Потап Неклюдов, третий по успехам в школьном списке, был избран Татищевым для сопровождения его в Москву⁴, а вернулся, вероятно, со всей командой осенью 1722 г.

На практике для письма в Канцелярии стали использовать учащихся именно арифметической школы, поскольку ученики словесной еще не знали чисел, и у них возникали бы затруднения при письме. Умеющих писать не хватало даже для занятия должностей, где без этого обойтись было невозможно. В «Книге записной» Исетских заводов 13 мая 1723 г. зарегистрирован указ земскому комиссару Степану Неелову, чтоб немедленно прислал вместо

---

¹ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 163.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 98

³ См.: Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.). Екатеринбург, 2011. С. 235.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 218.

неумеющих писать грамотных целовальников на Исетские заводы к приему припасов, «ежели грамотных сыскать негде, повелеть быть прежним и при себе им иметь двух человек пищиков». На доношение Б. В. Еварлакова, комиссара Исетских заводов, помечено — в реестре у него показано двое молодых подьячих, но второй не прислан. «Послано письмо в Уктус капитану Татищеву..., чтоб он, капитан, прислал другога, из школьников»¹.

В октябре 1723 г. Татищевым был разработан новый Наказ заводскому комиссару Ф. Неклюдову, 15 октября утвержденный Генниным и врученный комиссару для исполнения. В нем практика использования учащихся в Канцелярии регламентировалась более подробно: «Ежели для письма, когда во время сочинения ведомостей потребно будет, то брать от учителей человека по два и по три, за которое должны им подьячие заплатить, которым они помоществуют, по три копейки на день»². Таким образом были определены размеры оплаты труда школьников за оказание помощи в переписке документов, и эта оплата возлагалась на самих подьячих. На 3 коп. по ценам того времени можно было купить три десятка яиц, более 2 кг мяса (пуд говядины стоил 20 коп.), правда, неизвестно, претворялось ли это положение в жизнь — документы об этом в делах отсутствуют.

В начале 1723 г. начались первые практические занятия на Уктусе по обучению школьников ремеслам. В фонде «Уральского горного управления» ГАСО нами обнаружена «Роспись школьникам, кто в какую науку определен», составленная Татищевым 6 февраля 1723 г.³ Согласно «Росписи», 7 учащихся Уктусской арифметической школы направлялись для обучения мастерствам: Иван Грамотчиков и Ларион Грамотчиков — к меховому делу (с жалованьем по 90 коп. в месяц), Иван Столов вместе с выпускником московской Артиллерийской школы Афанасием Митеневым — к доменному делу (жалованье 75 коп. и 1 руб. в месяц соответственно), Степан Козырев и Иван Мизинов — к фурмовому делу (75 коп.), Иван Кулемин и Петр Чернавский — к делу плотин (75 коп.) Важность и сложность этих заводских специальностей подробнейшим образом раскрыта в

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 6 об.

² Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 635.

«Описании» заводов В. И. Генниным¹. Андрей Попов и Петр Родионов (выпускник московской Артиллерийской школы) были назначены в ученики к только что появившемуся при заводах немецкому лекарю И. И. Спринцелю с жалованьем 75 коп. и 1 руб. в месяц.

Ученикам предписывалось «до обеда быть в школе, а после обеда у своих ремесл», пока не закончат геометрию. Это были лучшие учащиеся, завершившее обучение арифметике и перешедшие к геометрии. Трое школьников были направлены в Канцелярию Сибирского горного начальства «для письма»: Степан Дергачев, Степан Дьячков и Петр Арефьев с жалованьем по 60 коп. в месяц. На «Росписи» имеется собственноручная резолюция В. И. Геннина от 6 февраля: «быть по сему, и о том послать указ камисару Бурцову»².

В Наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову вопрос о параллельном обучении школьников ремеслам был разработан Татищевым уже на нормативном уровне, с учетом, видимо, первого опыта Уктусской школы.

«Когда которые возрастныя обучатся геометрии, — говорилось в Наказе, — оных немедленно определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть»³. Поскольку обучение геометрии предполагалось проводить только в Екатеринбургской арифметической школе, даже после постепенного открытия арифметических школ при других заводах, можно говорить, что и профессиональную подготовку планировалось ввести лишь в этой школе, причем для небольшой группы учащихся, закончивших обучение геометрии, а не приступивших к ней, как это было сделано в феврале 1723 г.

В наказе закреплялся принцип соединения этой профессиональной подготовки с дальнейшим изучением школьных дисциплин: «и у тех работ быть им после обеда, а до обеда ходить в школу, доколе окончат науку». Поскольку после изучения геометрии ученики приступали к учению черчения, а затем «знаменования», обучение ремеслам должно было сочетаться с этими специальными предметами.

---

¹ См.: Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. С. 127—138, 139—175, 176—188, 320—335.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 635—635 об.

³ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

В наказе Татищев впервые сформулировал положения о развитии сознательного подхода к обучению ремеслам у школьников, о взаимосвязи школьной и производственной «науки»: «велеть ученикам, когда которой к работе приидет, не токмо присматриваться, но и руками по возможности применяться о искусстве ремесла, в чем оное состоит, внятно уведомиться и разсуждать, из чего лучше или хуже может быть, которое мастера ремесл должны им открывать. А учитель показать, принадлежащие к тому чертежи начертить, старые смеривать и счерчивать и вновь, что потребно, прибавливать или убавливать. И таких школьников быть у всякого ремесла по два человека».

Обращает на себя внимание призыв Татищева учитывать склонности и физические возможности детей при выборе ремесел: «определять в работы, к каким делам кто охоту возымеет и место есть», распределять «возрастных», «малолетних» же «до удобности к работе, по окончании чертежей, учить знаменоватъ, а доколе мастера не будет, отпускать домой». Это, безусловно, являлось положительным моментом и, с одной стороны, облегчало овладение сложными профессиями, с другой — предотвращало огромную физическую перегрузку малолетних школьников.

Татищевым предусматривались меры заинтересованности учеников в профессиональном обучении: приступившим к нему должны были платить вознаграждение «до сущей работы по 60 копеек на месяц», или 7 руб. 20 коп. в год. Это примерно половина оклада токаря, слесаря, кузнеца; несколько меньше оклада заводских учеников при плотине (10 руб.), домне, литейной (12 руб.), занятых полный рабочий день. Школьники же должны были «до обеда ходить в школу», а «у тех работ быть им после обеда». «Ежели где у ремесла опростаецца место подмастерское или работничье, оных учеников» предписывалось «производить прежде других, и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лучшую охоту возымели».

Эти положения наказа явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. В ходе изложения ее Татищев впервые сформулировал четыре важнейших принципа профессионального обучения, используемых и поныне — введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и

физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

В наказе Татищев невысоко отозвался о нравственных качествах подьячих, использовавших должностное положение в собственных интересах: «Понеже есть обычай подьячим детей своих обучать своему делу, которое состоит токмо уметь читать и писать, а наипаче от юности коварства знать, которое по их мнению великое искусство, и не ведая, что другия вольныя науки большую пользу им и отечеству принести могут, оными гнушаются и не прилежат»¹.

Татищев, придававший большое значение воспитанию нравственных качеств у учащихся школ, сформулировал ряд требований к умениям и личности будущих кадров делопроизводителей и потребовал учитывать их при назначении на должность: «Того ради отрешить им сие намерение тако: в подьячие никого не допускать, которой чисто и слагательно писать не может, наипаче ж таких, которой ко лжи, краже, злобе и неправде склонен, весьма не допускать». Таких подьяческих детей предписывалось «обучать ремеслам иным». Учителю вменялось в обязанность наблюдать за поведением подьяческих детей «и за объявленныя злости в приклад другим наказывать»². Конечно, в условиях острого дефицита грамотных начальству не было дела до учета нравственных качеств детей подьячих, а именно они в первую очередь назначались на места копиистов, шли по стопам отцов.

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют проследить организацию практических занятий школьников. В записной книге Исетских заводов за июнь 1723 г. зарегистрированы челобитная «уктусских заводов школьников и мехового дела учеников» Ивана и Лариона Грамотчиковых «о прибавке жалованья»; «сведение» учителя Петра Рыбникова на запрос об их успехах в школе, что они «науку приняли и знают твердо»; резолюция начальства: «Определить их к меховому мастерству»³. Из этих записей ясно, что Грамотчиковы почти полгода проходили параллельное обучение в школе и на производстве, а летом 1723 г.

---

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 89.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 27 об, 36.

окончательно перешли в разряд заводских учеников. В «Табели служителей» заводов в ноябре 1723 г. показано: «Ученики машинные: Иван да Ларион Граматчиковы, драгунские дети» с жалованьем 24 руб. в год¹. В мае 1725 г. Ларион Грамотчиков был произведен в подмастерья².

Грамотчиковы учились у саксонцев, братьев Фридриха и Иоганна Кейзеров, меховых и машинных мастеров, служивших поначалу на Олонецких заводах, прибывших оттуда на Урал. Здесь они наладили на заводах производство мехов для гармахерских горнов и плавильных печей, участвовали в починке заводских плотин. Стали первыми штатными механиками уральских заводов, более того, заложили основы уральской школы гидротехников-практиков, подготовили 8 меховых и машинных учеников, в том числе и выдающегося плотинного мастера Лариона Грамотчикова. Неслучайно Кейзеры представлены уральскими историками Е. А. Курлаевым, Н. С. Корепановым и О. К. Ермаковой как яркие агенты диффузии инноваций³.

В «Описи Уктусского заводу» за 18 декабря 1723 г. зарегистрировано доношение на имя В. И. Геннина подьяческого сына и школьного ученика Прокопия Чернавского «о позволении бытия ево в Арамильской слободе в подьячих на отцовом месте»⁴. Это первое известное нам прошение об определении к делам. Между тем в феврале 1723 г. П. Чернавский был распределен в числе учеников, приступивших к геометрии, учиться плотинному делу. Безусловно, работа человека приказного была ему в общем знакома благодаря отцу и должность подьячего приходилась по душе, тем более что она могла достаться ему «по наследству». К сожалению, неизвестна реакция начальства на это прошение.

После назначения в феврале 1723 г. первой партии учеников к обучению специальностям параллельно с изучением геометрии в

---

¹ См.: *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 161. Отнесение Грамотчиковых к драгунским детям ошибочно, их отец – дьячок Уктусского завода и учитель словесной школы. Вероятно, власти не хотели показывать в официальном документе, каким являлись заводские штаты, назначение детей церковнослужителей к заводским делам в условиях спора о них с духовным ведомством.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 37 об. — 38.

³ См.: Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.). С. 233—234.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 36 об.

школе, назначение на места заводских учеников практиковалось уже, видимо, без продолжения изучения школьных наук. В описи документов Сибирского обер-бергамта за 1723 г. зарегистрирован входящий указ, вероятно, В. И. Геннина об определении из школьников к пробирному делу Кондрата Грамотчикова с товарищем. В указе И. Патрушеву названы обе фамилии этих учеников, назначенных «к научению проб», — Леонтий Лазарев и Кондратий Грамотчиков¹. Здесь же и доношение от приказчика Никиты Петрова о присланных в Обер-бергамт школьных учениках к гармахерскому делу — Василии Дьячкове с товарищем².

В Табели казенных заводов от 20 ноября 1723 г., первом штатном расписании заводов, отправленном в Берг-коллегию, в Екатеринбургской заводской конторе числились двое подьячих: Трофим Попов и Семен Гладков «из школьников» с жалованьем 9 и 12 руб. соответственно. В «Описи Уктусского заводу» за 23 октября 1724 г. зарегистрирован указ Екатеринбургской заводской конторы «о присылке и определении в пищики из школьников Гарасима Попова» с дачей хлебного и денежного жалованья «против других пищиков»³.

В «Книге записной» Исетских заводов за 7 июня 1723 г. зарегистрировано доношение Ивана Столова, определенного к обучению ремеслам в феврале 1723 г. с жалованьем 75 коп. в месяц. Он сообщает, что послан к доменному делу для обучения на Исетский завод, но тем жалованьем «пропитатца невозможно, и чтоб повелено было к тому прибавить провианту»⁴. Приказывалось сделать выписку в Казначейской конторе, но решение об этом неизвестно. В той же «Книге» за 15 июня упомянута «Челобитная Уктуских заводов школьника и токарного ученика Кондратя Грамотчикова о выдаче ему жалования против ево братии». И 17 июня помета Геннина: давать ему с июня «против братии» по рублю на месяц⁵.

19 июня 1723 г. подали челобитную ученики арифметической школы Степан Козырев и Степан Дьячков о выдаче им провианта. С Козыревым челобитная была отправлена на Уктус к приказчику

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 148. Л. 170, 284.

² Там же. Л. 170.

³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 758. Л. 12; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 120 об.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 20 об.

⁵ Там же. Л. 25 об.

Петрову для выписки¹. Видимо, дело ничем не кончилось. 5 июля 1723 г. последовала «Челобитная определенных школьников Ивана Мизинова, Степана Козырева, Степана Дьячкова, Петра Арефьева, Степана Дергачева о выдаче провианта». В феврале первые двое были определены к фурмовому делу с оплатой за труды по 75 коп. в месяц; трое — «в Концелярию для письма» с оплатой по 60 коп. в месяц. Этих денег ученикам, по всей видимости, не хватало (как жаловался и Столов, упоминаемый выше), и они надеялись за счет назначения им провианта как школьникам улучшить свое положение. Под прошением помета: «определенные будут впредь, смотря по их делам», мол, пока еще официально не назначены; и ниже: «и она челобитна отдана в Казенную кантору»². Решение по ней, было, вероятно, положительным, оплата труда была увеличена в денежном выражении, раз документ последовал в кантору, выдававшую деньги.

В 1724 г. И. Мизинов продолжал изучать фурмовое дело. В «Описи Уктусского заводу» 3 июля 1724 г. числится указ Екатеринбургской заводской канторы о посылке «школьного ученика» Ивана Мизинова к фурмовому делу³, видимо, его, как и Грамотчиковых, окончательно определили к этому мастерству — отливке форм для металла, почти через полтора года обучения этой специальности параллельно со школой.

В 1724 г. было распределено еще четверо учащихся Уктусской арифметической школы — к шпикарной работе (производству гвоздей), медному делу, гармахерскому, «к письму», один отправлен в ноябре 1723 г. с Татищевым в Москву для сопровождения образцов руд⁴.

Из-за острой нехватки грамотных некоторые ученики, распределенные в феврале 1723 г. «к ремеслам», в 1724 г. были «отозваны» к канторским делам. Ивану Столову, определенному к доменному делу, в 1724 г. пришлось вести учет работ на строительстве плотины нового Уктусского верхнего завода (цесаревны Елизаветы), а Степана Козырева от фурмового дела перевели к записи прихода-расхода заводских припасов — без человека, сведущего в этом

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 27 об.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Оп. 2. Д. 147. Л. 41.

⁴ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 62 об., 69 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 413 об.—414; Оп. 2. Д. 147. Л. 38.

важном деле, было не обойтись, а никого другого подходящего найти не удалось. В августе 1725 г. С. Козырев просил о назначении его молотовым подьячим, поскольку из-за малого жалования «себя с домашними с нуждою питает», — и получил это место. Перераспределяли школьников и между учреждениями: в марте 1724 г. от приказчика Уктусского завода затребовали срочно в Сибирский обер-бергамт школьника Степана Дьячкова, уже поднаторевшего в Канцелярии с февраля 1723 г. и тамошней конторе в приказных делах, взамен на Уктус отправили Андрея Алферова¹.

В январе 1724 г. земская контора просила Екатеринбургскую заводскую контору дать на Уктус в помощь сборщику податей с крестьян школьника «для записки». В апреле для помощи в переписи детей, годных в школу и в работы, лесному надзирателю были даны на время школьники Терентий Бочков и Кирило Чуркин². В октябре того же 1724 г. по указу Екатеринбургской заводской конторы «у приему угля на Уктусских заводах», «у записки», предписывалось быть «школьнику»³.

Зачастую временное использование учеников «у письма» незаметно перетекало в постоянное, но без официального назначения, поэтому они не получали жалования, положенного писчикам. Яков Елкин в августе 1725 г. просил Обер-бергамт определить жалование и выдать с марта 1724 г., когда был определен в припасную контору «для письма». На протяжении 18 месяцев он продолжал получать лишь школьное жалование — по полтора пуда ржаной муки в месяц и 1 руб. в год на одежду и обувь⁴.

Именно учащиеся Уктусской арифметической школы, имевшие более совершенные навыки письма, знавшие толк в числах, постоянно рассылались по местным конторам. Нужда в грамотных была настолько острой, что порой использовали недостаточно подготовленных к этому школьников. Так, в мае 1723 г. на Уктусский завод «к приему хлебных припасов» при неграмотном целовальнике был определен Андрей Черкасов. Он подал прошение приказчику завода Петрову, что «такого несносного дела ему снести не в мочь, и

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 61; Оп. 1. Д. 76. Л. 425; Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 132 об.; Ф. 29. Оп. 1, Д. 7. Л. 258.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 24 об.; Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 517 об.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 147. Л. 102.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 426.

желает по-прежнему в школу». Приказчик сообщил об этом начальству, но оно повелело «быть у приему и отдачи хлеба по-прежнему, покамест тот хлеб в росходе будет, також требовать ему, Петрову, заранее у Неелова целовальников, грамоту умеющих к тому хлебу». Получив отказ, Черкасов повторно подал доношение Петрову 29 мая, «в котором объявил незнание и недовольство письма и к тому делу числения», опасаясь «своим незнанием Е. И. В. интересу не учинить утраты и себе не принять истязания»¹.

А в июне 1724 г. надзиратель только что открытой в Екатеринбурге припасной конторы В. Ближевский просил Екатеринбургскую заводскую контору «о перемене школьника Якова Елкина за незнанием в существо цифирю и науки»². Но это были единичные случаи, тем более что работа этих учеников была материально ответственная, любая ошибка грозила большими неприятностями.

Примечательно, что пример молодых людей, определяемых из арифметической школы к заводским делам, получил отклик среди молодежи, остававшейся вне стен школы, но, видимо, овладевшей грамотой на дому. В «Книге записной» Исетских заводов за 21 сентября 1723 г. зафиксирована челобитная сына пономаря Брусянского села Афанасия Грамотчикова об определении его по желанию к меховому делу в ученики при Екатеринбургском заводе. И, согласно помете, он был определен «к машинной и меховой науке» с жалованьем, какое полагалось и выпускникам школ³.

Отметим, что Берг-коллегия продолжала поддерживать действия уральского руководства заводами в отношении приема подростков в школу и обучения их мастерствам. В сентябре 1723 г. в один день, 9 ноября, поступили два указа Берг-коллегии «в Сибирское Вышнее начальство советнику Михаэлису», присланному на Урал в начале 1722 г. и формально ставшему главным членом правления. В первом, от 7 сентября 1723 г., коллегия писала «о приеме в школу учеников и обучении словесному и письменному, арифметики и геометри[и] как наискоря, дабы оныя по науке происходили и к горным делам в мастера»⁴. Во втором, от 12 сентября, предписывала: «...к горным

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 3 об., 17 об.

² Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 92.

⁴ ГАПК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 39 об.

мастерам из русских из школьникова, так и ж протчих мастеровых людей для обучения определять со удовольствием, а того смотреть, чтоб мастера оным обучали безскрытно и по науке и по свидетельству Обер-бергамта оных производить в чины, кто в какой достоин, токмо напредь со мнением и свидетельством писать в Берг-колегию, а не отписываться; самим производить [в чины] и жалованья отнюдь не велеть прибавливать»¹.

Большое внимание обучению учащихся Уктусской арифметической школы придавал и сам глава Уральских заводов генерал В. И. Геннин. В обширной инструкции, врученной берггешворенам К. Гордееву и Н. Клеопину 12 марта 1724 г. перед отъездом по делам в Казань, он расписал их обязанности как членов Обер-бергамта, назначенных решать дела вместе с И. Ф. Блиером. Пункт 49 посвятил их непосредственным обязанностям по контролю за ходом обучения в арифметической школе: «Школьникова велеть беспрестанно учить арифметике, геометрии и трегонометрии и потом, чтоб они умели рисовать по маштапу пушки, мартиры и протчее, чтоб они могли план учинить и в том их учить»².

Инструкция примечательная. Во-первых, в ней Геннин, помимо расширения программы обучения школьников, введения тригонометрии, конкретизировал и те разделы обучения, на которые необходимо обратить особое внимание — рисование в соответствии с маштабом, сочинение планов. И в данном случае — все внимание командира сосредоточено на совершенствовании и ускорении подготовки молодежи в качестве будущих заводских специалистов.

Во-вторых, хотя все дела, касающиеся школ, вела Екатеринбургская заводская контора, возглавляемая Федором Неклюдовым (согласно Наказу 1723 г.), В. И. Геннин назначает самых доверенных и надежных своих порученцев надзирать над ходом обучения в школе, тем самым подчеркивая, какую важность он придает этой проблеме — все для скорейшего развития и подъема производства. С невиданной скоростью строятся и начинают действовать новые заводы: в 1723 г. наряду с Екатеринбургским были пущены в строй Егюшихинский, Лялинский, Пыскорский, в 1724 — Полевской, Синячихинский. Все эти новые заводы остро нуждались в квалифицированных кадрах, и Уктусская арифметическая школа

---

¹ ГАПК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 62.

стала одним из важных источников, откуда можно было брать овладевшую основами математики молодежь и передавать специалистам для дальнейшего обучения.

Отметим, 16 января 1726 г. Геннин издал указ о свидетельстве учеников жестяного и лудильного дела, во исполнение которого Р. Ф. Горчаков, заседавший в Обер-бергамте, приказал: этих учеников «и других художеств», кто учился у иноземцев, а не освидетельствован, всех освидетельствовать заводской конторе «пробойю того художества с прилежным смотрением», о результатах – рапортовать в Обер-бергамт¹. Как видим, руководство уральскими заводами периодически контролировало результаты подготовки заводских учеников у иностранных специалистов, а среди них было немало бывших учащихся Уктусской арифметической школы.

Приведем несколько примеров судеб выпускников Уктусской арифметической школы. Как отмечал А. Г. Козлов, сын дьячка Ларион Грамотчиков стал механиком-гидротехником, плотинным мастером, участвовал в строительстве плотины Верх-Исетского завода в 1726 г., руководил перестройкой кричной фабрики и плотины Алапаевского завода в 1741 г., трудился в Екатеринбурге, Кушве и других местах. В 1766 г. в одном из документов о нем говорилось: «как известно Берг-коллегии, им при казенных заводах сделано довольно число; и впредь по наставлению его, пока жизнь его продолжится, в таких случаях не без пользы от него быть может...»². В 1762 г. Грамотчиков получил офицерский чин шихтмейстера. «Редчайший случай присвоения личного дворянства мастерскому человеку, имевшему лишь неполное школьное образование»³.

Сергей Иванович Ярцев. Документы, касающиеся его школьных лет, позволяют уточнить сведения, приведенные А. Г. Козловым в биографическом справочнике о Ярцеве: родился в 1703 г. «отставной уральский бергмейстер (1773); сын верхотурского дворянина. Начал службу в 1720 г., продолжил в горном ведомстве с 1723 г. В офицерских должностях служил в 1734—1760 гг., с 1748 г. был управителем Верх-Исетского, а с 1751 г. — Алапаевского горных

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 23.

² См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начало XX века. Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 31—32.

³ Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. С. 85.

заводов»¹. Ярцев учился в Уктусской арифметической школе с апреля 1723 г., затем в Екатеринбургской, был определен к обучению плавильному делу на Екатеринбургском заводе, посылался на Пыскорский и Егошихинский заводы учиться «в литье меди к платному делу», в феврале 1726 г. отправлен к екатеринбургским плавильным делам по-прежнему. Побывал в учениках лекарского дела, в 1730—1734 гг. трудился учителем Екатеринбургской словесной школы, в ноябре 1734 г. был определен на Шайтанский завод Н. Демидова в качестве шихтмейстера². Сергей Ярцев — отец Никиты Сергеевича Ярцева, выпускника первых иноязычных школ Екатеринбурга, выдающегося горного деятеля, первого студента-уральца Московского университета, главы уральских заводов.

Перевод Уктусской арифметической школы в Екатеринбург

По Наказу заводскому комиссару Ф. Неклюдову от 15 октября 1723 г. предполагалось Уктусскую арифметическую школу перевести в Екатеринбург, новый центр управления заводами, так как для параллельного обучения арифметике при двух близлежащих заводах не было достаточного числа грамотных детей. Первый пункт наказа гласил: «Школы построить при Исецких заводах, две избы большая, между ими сени, окна красные, столы, скамьи и прочее, что потребно к тому, чтоб было плотно, гладко, чисто и бес скудости»³.

В Екатеринбургскую арифметическую подлежали переводу ученики, закончившие словесные школы при всех четырех заводах. По мере подготовки грамотных предполагалось начать обучение арифметике при каждом казенном заводе, но и тогда центральный характер Екатеринбургской не утрачивался: только здесь должны были продолжать обучение геометрии, черчению и рисованию выпускники других заводских школ — эти предметы были необходимы для составления чертежей, планов заводов, рудников, дорог, населенных мест.

---

¹ См.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники... С. 179.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 33 об.; Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью... С. 291.

³ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 87—89.

В феврале 1724 г. Геннин доносил в Берг-коллегию: «Солдаты ныне строят в Екатеринбурге... другую молотовую, лудильную, гостиной двор, церковь, хлебной анбар, тюрьму, письмохранительную полату, анбар...больницу, школу, корчмы и постоянные дворы»¹. Представление о помещении школы дает предыдущее доношение Геннина в центр, отправленное в январе: «Школа, две светлицы учебных и команда для учителя и хранения книг и инструментов и прочего, в которой будет до 100 человек учащихся младенцов, которые доднесь на Уктусе собраны»².

Арифметическая школа была переведена с Уктусского завода в Екатеринбург первой, годом раньше словесной. Дата ее перевода установлена историком А. Г. Козловым — 17 марта 1724 г.³ К сожалению, каких-либо документов о ее переезде нам выявить не удалось.

Таким образом, большую активность в организации обучения детей арифметике в школах горнозаводского ведомства сыграли как первый начальник заводов В. Н. Татищев, так и Берг-коллегия во главе с Я. В. Брюсом. Татищев начал хлопоты, центральный орган управления заводами его поддержал, более того, по своей инициативе расширил территорию охвата обучением детей, их социальный состав, санкционировав прием детей духовенства и приписных к заводам крестьян, определение учащихся казенного жалованья. Если Берг-коллегия не могла позволить прием в них детей дворян, то руководители уральской промышленности и без ее позволения к этому прибегали.

В качестве учителей были использованы выпускники московской Артиллерийской школы, преподававший одновременно с исполнением своих основных постоянных заводских обязанностей Степан Братцев, в 1723—1724 гг. — освобожденный от них Петр Рыбников, выполнявший лишь отдельные поручения начальства.

Первая арифметическая школа горного ведомства с успехом выполнила свою задачу. За короткий срок, в течение трех лет, в них обучалось арифметике тот или иной срок не менее 62 человек. Некоторые из них сразу же начали активно использоваться для записи

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д 1036. Л. 96 об.

² Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала... С. 42.

³ См.: Вехи истории: (К 250-летию Свердловска) / сост. А. Г. Козлов. Свердловск, 1973. С. 9—10.

каких-то работ, для письма в Канцелярии, с 1723 г. началось обучение подростков параллельно изучению геометрии отдельным мастерам путем распределения по два человека к специалистам-иностранцам, работавшим на заводах по контрактам, через год-полтора их официально определяли на эти места. Большая роль в организации обучения мастерам принадлежала как Татищеву, так и Геннину, от последнего исходили все конкретные распоряжения о направлении школьников на те или иные должности.

В деятельности Уктусской арифметической школы особенно ярко проявились широкие масштабы территориальной мобильности молодого поколения уральцев — для подготовки будущих заводских кадров власти собирали детей, обученных грамоте, со всей обширной территории, подконтрольной им, со всех трех казенных заводов и приписных к ним слобод. Подростки надолго теряли связь с родным домом, но одновременно школьное обучение становилось для них своеобразным социальным лифтом, давало возможность изменить положение в обществе, повысить свой социальный статус.

Глава 6.

КУНГУРСКАЯ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА

Действия В. Н. Татищева по открытию школы

Как уже отмечалось, размещение второй арифметической школы в Кунгуре было не случайным — в Кунгурском уезде можно было заполучить обученных грамоте детей духовенства — церковей по селам и острожкам Кунгурского уезда было множество, здесь имелись и подьяческие дети, чьи отцы служили в канцеляриях гражданского ведомства, размещавшихся в городе.

Если по набору детей в Уктусскую школу Татищев начал хлопоты, получив добро Берг-коллегии, 27 мая 1721 г., то в отношении Кунгурской школы — вслед за этим, 6 июня. Поскольку кунгурские дети находились в ведении Вятской провинции и уездных гражданских властей, а не горного ведомства, Татищеву пришлось с Уктуса вести переписку с воеводой Вятской провинции полковником В. И. Чаадаевым об отдаче к смотру кунгурских подьяческих и церковничьих детей. 6 июня было отправлено письмо Чаадаеву, и в тот же день — бергшрейберу Ивану Патрушеву, возглавлявшему Кунгурскую канцелярию горных дел, подчиненную главной Канцелярии, переехавшей 29 декабря 1720 г. на Уктус, с приказом принять детей, как только воевода отдаст распоряжение об этом¹.

Но воевода не спешил решать вопрос, касавшийся школы горного ведомства, — эти лишние хлопоты выходили за рамки его непосредственных интересов, и 26 июня Татищеву пришлось вторично просить его прислать указ о сборе детей в Кунгур². Только

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 204 об. — 205, 187—187 об.

² Там же. Л. 242 об.

5 сентября Татищев получил известие из Вятки, что такой указ отправлен. На следующий же день он потребовал, чтобы земский комиссар Кунгурского уезда, глава Кунгурской уездной канцелярии Григорий Попов собрал детей и передал их Патрушеву по росписи, а копию росписи прислал на Уктус¹.

16 сентября Татищев отправил шихтмейстера Дмитрия Одинцова — дворянина из Казани, одного из выпускников московской Артиллерийской школы, прибывших на Урал вместе с ним в 1720 г., — в Кунгур. Одновременно с выполнением заводских обязанностей Одинцову поручалось учительствовать в арифметической школе. С ним Татищев послал указ, адресованный главе Кунгурской канцелярии И. Патрушеву, в котором ему предписывалось надзирать за школой, открыть ее на съездем дворе, пока не будет построено специальное здание; приготовить черные деревянные доски для обучения, чинить все повреждения в школе за казенный счет. Одинцов по пятницам должен был ездить на рудник для осмотра горных работ, поручая школу одному из учеников². Все эти действия Татищева свидетельствуют о его большой настойчивости и заинтересованности в скорейшем открытии школы.

В этот же день Татищев написал для Дмитрия Одинцова инструкцию в форме указа — первый нормативный документ, адресованный Татищевым непосредственно учителю³. В 12 лаконичных пунктах он развил положения, касавшиеся самого процесса обучения, впервые установил точное количество часов обучения:

«1. Дабы по утрам до обеда сходились и учили[сь] 4 часа, после обеда три часа». Расписал методы обучения: «Свидетельствовать, что кто выучил и кпреть будущему дню давать задачи.

2. Задачи, которые предписаны будут, сказывать и толковать с прилежанием и терпеливою лехкостью без озлобления, дабы тем наиспособне по[н]ять могли». Смотреть, чтобы учились без лености «и которой понимать лутчше будет, чтоб другим помоществовал», «сидеть не по старости лет, но по превосхождению науки в высшем месте».

Татищев оговорил и правила поведения, которые следует прививать ученикам: «дабы они были в школе смирны и между собою

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 269—269 об.

² Там же. Д. 15. Л. 296—296 об., 346—346 об.

³ Сафронова А. М. Инструкция В. Н. Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975, С. 95—98.

друг к другу почитательны с любовью, брани и игор не бывало б, також шалостей яко зерни, пьянства, блуда и протчего не токмо в школе, но и кроме школы со всяким прилежанием удерживать и обучать их честному, правдивому и любительному с почтением. Жития знали б, кому дать место, каков поклон и каким почтением с кем говорить. Ежели кто придет в школу, смотреть, чтоб по должности чести встав, все поклон отдали и паки учились, ежели кто о чем спросит, чтоб честно и вежливо ответствовал один, а не два или многие вдруг».

Особое внимание Татищев уделил вопросам нравственного воспитания учащихся, сформулировал конкретные задачи этого воспитания даже в процессе игр, во время гуляния и требовал обязывать родителей к смотрению за поведением детей: «Для гуляния отпускается ученикам день четверток, дабы их не отягчить надмеру. Однако ж смотреть и водить в них, дабы игры и гуляния их были в честном обхождении, любви и предложения их науки, которые есть потребнейше в жизни человеческой и оным может паче всех учении благочестное житие и богатство получить. Наипаче того надзирать, дабы лжи и кражи надвсе удержаны были, которое паче всех жизни человеческой вредительны и оных довольно наказывать и с родителем их накрепко заказывать, дабы над детьми своими под наказанием надсматривали и удерживали».

Одинцову разрешалось принимать в школу всех желающих, «имая себе за труд от родителей их по возможности их, а от неимущих ничего не требовать». И в этом документе, как и в Наказе комиссару Бурцеву (февраль 1721 г.), Татищев проявляет себя человеком, рассматривающим школьное обучение и как возможность нравственного воспитания, обучения подростков хорошим манерам; требующим гуманного отношения к ним, основанного более на терпении и любви, чем на страхе.

Но открытие школы задерживалось. Судя по дневальной книге Кунгурской канцелярии горных дел только 13 октября, после дополнительных напоминаний, уездные власти прислали на смотр церковничьих детей, о подьяческих пришлось просить особо¹. Видимо, с октября и начались занятия.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 214—214 об.

Отбор обученных грамоте детей Кунгурского уезда для обучения арифметике

В январе 1722 г. Татищев около двух недель перед отъездом по делам в Москву пробыл в Кунгуре (с 9 по 23 число, как отмечено в дневальной книге Канцелярии)¹ и, естественно, не мог не поинтересоваться, как идут дела в арифметической школе. Первая ведомость, поданная ему Одинцовым², содержит интересную информацию о составе учеников: их возрасте, месте жительства, должностях отцов, успехах в науках.

Благодаря тому, что она дана под такими рубриками, как «по росписи», «да сверх росписи охотою», «сверх росписи явились и отпущены в дома ж свои», мы получаем ценные сведения о том, что наряду с детьми, собранными в школу властями, нашлись и желающие учиться по собственной инициативе, точнее, по воле отцов, но не все явившиеся и собранные оказались годными к постижению математики, среди них были не умеющие читать или писать, и ведомость дает нам возможность судить об уровне грамотности детей духовного сословия, проживавших на территории Кунгурского уезда, на начало 20-х гг. XVIII в., до провозглашения обязательности обучения детей духовенства в архиерейских школах и накануне введения практики записывания не обученных грамоте детей духовного сословия в ходе ревизии в податное крестьянское сословие.

Проанализируем информацию ведомости. На смотр явилось 38 человек, 28 из них были посланы комиссаром согласно «росписи» (7 из Кунгура, 21 из сел и острожков уезда), 9 человек явились из уезда «сверх росписи», трое из города «охотою», т. е. по желанию отцов (сыновья урядника и двух посадских).

Наиболее подготовленными к изучению математики оказались городские подростки, которые дома овладели чтением и письмом, некоторые из них, вероятно, на дому начали обучаться и счету. В январе 1722 г. учили «нумерацию», т. е. числа, сын подьячего 13-летний И. Кадешников; двое детей попа 10 и 12 лет; явившиеся «своею охотою» сыновья урядника Я. Шмаков и посадского А. Кадешников (по 10 лет). Четверо учили «мультипликацию», т. е. умножение: сын комиссара Д. Попов, подьячего — Л. Костромин,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 358 об., 361 об.

² Там же. Оп. 12. Д. 32. Л. 432—434 об.

посадского — А. Феденев (все 10 лет), попа — Л. Евсягнеев (12 лет). Поповский сын М. Трофимов (10 лет) ушел дальше всех — постигал «дивизию», т. е. деление.

Из 19 явившихся «по росписи» из уезда были зачислены в школу только пятеро, причем лишь один из них, сын дьячка А. Иванов 12 лет, выучился на дому читать и писать и учил нумерацию. Сын пономаря и трое детей попов (10—12 лет) в январе 1722 г. учились писать. Видимо, их решили зачислить в школу, чтобы в ее стенах быстрее научить грамоте и перейти к математике. Ведь полностью подготовленных насчитывалось всего 11 человек! По этой же причине был принят в школу и явившийся «сверх росписи» из села Златоустовского 17-летний сын попа М. Васильев.

Итак, в январе 1722 г. в Кунгурской школе обучалось 16 подростков, в то время как были признаны негодными и отпущены по домам 22. Все отпущенные были из сел и острожков Кунгурского уезда: это дети попов (9), дьяконов (3), дьячков (5), пономарей (2), церковных сторожей (2), просвирника.

Сопоставим число грамотных и неграмотных среди явившихся на первый смотр осенью 1721 г. На пятерых, полностью овладевших грамотой (четыре детей попов Кунгура и одного сына дьячка из уезда), приходилось пятеро, учившихся писать (дети попов от 10 до 17 лет). Из отпущенных по домам 22 подростков один выучился читать, но не писал (18 лет); трое учили псалтирь (дети попов 12 и 14 лет, дьячка 12 лет); трое учили часослов (сын попа 10 лет, дьякона — 11 лет и сын дьякона же, женатый юноша, которому исполнился 21 год, ошибочно показанный в росписи 15-летним).

Таким образом, на 17 подростков, в той или иной мере владевших чтением, приходилось 15 полностью безграмотных. Среди последних — дети от 10—11 лет (8 человек) до 17—18 лет. Только в отношении единственного сына попа 10 лет отмечалось: «грамоте не учен: глазами худ». Эти данные — красноречивое свидетельство того, что духовенство и церковнослужители Кунгурского уезда до 1721—1722 гг., до объявления верховной властью на законодательном уровне обучения детей духовного сословия обязательным, не придавали большого значения раннему обучению детей чтению и письму, а 47% явившихся на смотр в первой партии оказались совсем необученными грамоте. Восемь детей попов и дьячков на смотр не явились.

Узнав, что учатся не все дети, указанные в росписи, Татищев предписал срочно собрать их в школу, т. е. довел до конца то, на что махнуло рукой кунгурское горное начальство¹. Указ Татищева об этом 22 января был послан шихтмейстеру Одинцову — учителю школы, и Татищев отбыл по делам в Москву, где представил ведомость об учащихся Кунгурской школы. В феврале при рассмотрении ведомости у членов Берг-коллегии возник вопрос: «оним ученикам есть что жалованья или на своем коште содержатся»? Подьячий Клушин, выехавший с Татищевым в Москву, подписал: «означенным школьникам жалованья никакого не определено, питаются собою»².

Во время пребывания в Москве в апреле 1722 г. Татищев был отстранен от руководства заводами из-за жалобы на него Н. Демидова, вернулся на Урал только в октябре 1722 г. вместе с генералом В. И. Генниным, которому поручалось «расследовать деятельность капитана и возглавляемой им ведомственной администрации. При этом имелось в виду как расследование конфликта между Татищевым и Демидовыми, так и производство более широкого розыска. Распоряжение императора “исправить” медные и железные заводы и “привести их в доброе состояние”, по умолчанию давало де Геннину санкцию на выяснение общих причин, приведших производство в упадок»³.

Пока Татищев находился в Москве, член Сибирского высшего горного начальства И. Ф. Блиер решил проверить, выполнено ли приказание Татищева, и затребовал ведомость, «что прибыло в школу учеников, а которые есть, кто что учит»⁴. Согласно этой ведомости, в марте 1722 г. в школе числился уже 21 человек, т. е. поступило пятеро новеньких. Некоторые подростки первого набора, ранее записанные по имени отцов, шли уже под другими фамилиями: Михаил Трофимов стал Мироновым, братья Петр и Иван Евтихеевы — Веселковыми.

Новички были выделены под рубрикой «достальных собрано». Сын дьячка Ильинского острожка Ефим Казаков учил «суптрацкию»,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 32. Л. 434 об.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 433—434.

³ *Редин Д. А.* Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горно-заводской администрации // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. 2004. № 31. С. 51.

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 219.

сын пономаря села Тихоновского Осип Хлопин — «счисление», дьячковский сын из того же села Иван Батрунов учился писать; писали сыновья попа и дьячка из сел Филипповского и Рождественского Григорий Герасимов (в будущем Черепанов) и Петр Красноперов. Возраст вновь принятых в этой ведомости не указывался; в ведомости же, поданной ровно через год, такие данные имеются. Если убавить каждому по году, то получим, что в момент зачисления в школу Красноперову было 12 лет, Казакову — 17, троим остальным — по 18 лет, причем двое 18-летних еще не закончили обучение письму.

Данные об учениках этого второго набора также свидетельствуют, что сельские попы, дьяконы, дьячки не спешили обучать своих детей чтению и письму с раннего возраста, этот процесс растягивался во времени, зачисление же детей в арифметическую школу горного ведомства ускоряло завершение обучения письму.

Введение казенного жалованья.

Изменение состава учащихся

На шестой день по прибытии команды генерала В. И. Геннина из Москвы в Кунгур, 8 октября 1722 г., ученики Кунгурской школы обратились к нему с челобитной о назначении им жалованья, «дабы нам...в таком обучении и от домов своих дальнею отлучкою и маломочеством не помереть голодною смертию». Подписали челобитную 12 человек, в т. ч. и пятеро новичков. Только в январе 1723 г., уже на Уктусе, были подготовлены выписки из указа Берг-коллегии от 4 сентября 1721 г. о назначении жалованья ученикам, из приговора уральского начальства от 24 декабря 1721 г. о назначении его учащимся уктусских школ. И 17 января 1723 г. Геннин своим указом предписал: давать жалованье и кунгурцам «против здешних школьных учеников» по 1,5 пуда хлеба в месяц и 1 руб. в год на одежду и обувь и послать об этом указы новому главе Кунгурской канцелярии горных дел Е. Берглину и комиссару Г. Попову¹. Таким образом, в течение года и трех месяцев подростки в Кунгуре, вдали от домов, учились без какой-либо поддержки со стороны власти, получая изредка посылки с питанием от родных. К сожалению, остается неизвестным, кто смог получать жалованье, только обратившиеся за ним или и остальные ученики, взятые в школу из дальних мест.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 87—88 об.

Следующая по времени ведомость Кунгурской школы датируется 5 марта 1723 г. Она была подана учителем главе Кунгурской канцелярии капитану Е. Берглину¹. В школе по-прежнему числился 21 ученик, но состав изменился. В списке — 8 новеньких: Антон Пестерев, сын дьячка (19 лет), и Федор Розмахнин, сын пономаря (18 лет), — уже «в тройных» правилах; сыновья попов: Семен Романов (19 лет) — «в сложении с рублями»; Афанасий Свиньин (18 лет) — «в раздроблении». Они начали учиться математике дома, так как слишком далеко продвинулись в науках. Иван Бочкарев и Федор Демаков, сыновья попов, 13 и 16 лет соответственно, только приступили к математике; 14-летний сын дьячка Осип Стахийев писал слова, и последним в списке числился «волею господ Строгановых поповской сын Парфен, 13 лет»; дополнительная информация о нем скудная: известно только, что отец у него служил при церкви.

Можно предположить, что новички были привлечены в школу в октябре-ноябре 1722 г., когда Татищев с Генниным прибыли из Москвы и почти два месяца осматривали рудные месторождения, искали места для строительства медеплавильных заводов в Кунгурском и Соликамском уездах. Обратим внимание, что все новички — дети духовенства. Думается, не без участия Татищева попал в кунгурскую школу и «поповской сын Парфен»: наверняка Татищев имел встречу со Строгановыми или с отцом этого Парфена и убедил отдать в подростка учиться математике, так как ни одной другой казенной школы в уезде не существовало.

Согласно ведомостям, в школу не только прибывали новички, но и выбывали пришедшие в ходе первого и второго набора. Сначала ушел сын бывшего подьячего Лев Костромин: в январе 1721 г. он был «приобщен в посад», т. е. записан в подушные книги в ходе первой ревизии². В ведомости за март 1723 г. уже отсутствовали имена и фамилии всех пяти детей, зачисленных в школу «по росписи» из сел Кунгурского уезда в результате первого набора (сыновья трех попов, дьячка и пономаря). Поскольку четверо из них поначалу учились писать, можно было бы предположить, что их отчислили как не подающих надежд к обучению математике, но в ведомости за март 1722 г. трое учили математику, причем двое дошли до умножения, т. е. обучались довольно быстро. Двое же и в 1723 г. числились в «письме»

---

¹ См. об этом: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 114—115 об.

² См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 220.

и в отпуске по болезни, из-за чего, видимо, в школу и не вернулись. Покинули школу и учившиеся по желанию отцов сыновья урядника Я. Шмаков и посадского А. Феденев. В марте 1722 г. они практиковались в умножении и делении. По-видимому, их отцы, решив, что полученного объема знаний вполне достаточно для жизни, забрали детей.

5 марта 1723 г. новый учитель Степан Москвин подал «ведение» об учениках на имя В. И. Геннина, но в апреле Геннин почему-то снова затребовал от Берглина ведомость о школьниках, видимо, первая ушла на Уктус, Геннин о ней не знал и запросил новую¹. Состав учеников в ведомости за апрель 1723 г. тот же, но движение в познании математики у некоторых имеется: М. Мизинов и Л. Попов перешли от простых дробей к десятичным, Д. Попов от тройного правила приступил к простым дробям. Двое учеников временно были отпущены из-за болезни: «Федор Розмахнин французскою одержим болезнию, Федор Демаков — падучею одержим»². В «Книге записной» Исетских заводов в июле 1723 г. зафиксировано прошение из Кунгура от вдовы Гликерьи Костроминой, «чтоб освободить сына ея из школы, понеже он болен каменною болезнию, тайным удодом». Указ послан капитану Берглину, но содержание его не раскрыто³.

К сожалению, в последующем ведомости не подавались или не сохранились, и мы ничего не знаем о дальнейших изменениях в составе учащихся школы.

Учителя Кунгурской арифметической школы

Как уже отмечалось, в октябре 1721 г. приступил к обучению арифметике в Кунгуре посланный туда с Уктуса 16 сентября Дмитрий Одинцов, дворянин, выпускник московской Артиллерийской школы. В качестве шихтмейстера он получал оклад 24 руб. в год. Помимо предписанных ему Татищевым поездок на рудник по пятницам для осмотра горных работ, он сопровождал начальство и в поездках во время осмотра рудных мест. Так, 5 января 1722 г. выезжал вместе с прибывшим из Берг-коллегии И. М. Михаэлисом и И. Ф. Блиером,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 221 об.

² Там же. Л. 221 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 1636а. Л.34.

Е. Берглиным «до Туринской работы» — медного рудника на реке Турке, за 55 верст от Кунгура. По письму советника коллегии Михаэлиса 18 января получил «на потребу в рудокопном строении» 300 руб.¹, т. е. контроль за работой рудников составлял поначалу его главную обязанность как шихтмейстера.

С февраля 1722 г. параллельно с преподаванием в школе Д. Одинцов был определен в Кунгурскую горную канцелярию решать дела вместе с ее новым главой Е. Берглиным². В октябре 1722 г. он подал прошение об увеличении оклада «против» других шихтмейстеров — «оним жалованьем пропитатца ныне у горного дела невозможно, понеже здесь хлеб весьма дорог». И 5 ноября оставшийся у решения дел в Сибирском Высшем горном начальстве на Уктусе И. Ф. Блиер приговорил: увеличить оклад с 24 до 30 руб. в год одновременно трем присланным из Москвы в 1720 г. «школьникам», дабы впредь к горному делу более старания приложили, и выдавать его с 22 июля 1722 г. по третям года³.

В октябре 1722 г. Одинцов снова подал прошение, уже об отпуске: из Казани от мачехи в сентябре получил письмо о смерти отца, братьев и сестер у него нет, просил отпустить на срок, «чтоб мачеха движимого имения не утратила». И Блиер отпустил Одинцова в Казань по зимнему пути на два месяца с обязательством явиться в Кунгур к 1 февраля⁴.

В связи с отъездом Одинцова занятия с учениками с конца 1722 г. стал вести другой выпускник Артиллерийской школы, солдатский сын Степан Москвин. Он прибыл на Урал в составе второй группы выпускников этой школы из 6 человек, избранных по указу Берг-коллегии Татищевым в марте 1722 г. во время его пребывания в Москве. Степан Москвин был «из чертежей», в этой же группе числился и Петр Константинов (Рыбников), «из геометрии». Им был дан оклад из расчета 18 руб. в год⁵. По прибытии на Урал в октябре 1722 г. они подали челобитную и по приговору Блиера им назначили хлебное жалованье на 1722 г., с августа по декабрь, на пять месяцев,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 386, 352.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 194 об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 633; Оп. 12. Д. 31. Л. 521—523.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 31. Л. 484—485; Оп. 1. Д. 4а. Л. 630 об.

⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 171—174.

по 2 пуда ржаной муки, по 2 гарнца круп, по 2 фунта соли на месяц человеку. Выдать его приказывалось деньгами и определить их всех «по разным ямам на рудники для записки горной работы»¹. С декабря 1722 г. Москвин заменил Одинцова, и в течение 1723 г. года он обучал школьников.

Одинцов же по возвращении из отпуска в 1723 г. руководил медными промыслами на Егошихинском и Пыскорском заводах. В расходе казны Егошихинского завода за 1723 г. отмечена выдача ему для поездки от Егошихи до Соли Камской «для убучения маркшейдерского дела» на две подводы 60 коп.², т. е. одновременно с выполнением порученных дел он повышал и свой уровень знаний как специалист, чему генерал Геннин уделял самое пристальное внимание и время от времени отправлял на «повышение квалификации» выпускников столичных школ. В описи дел Сибирского обербергамта за тот же 1723 г. упомянут указ плавильному мастеру В. М. Циммерману «о бытии у него в учениках шихтмейстеру Одинцову»³.

Во время поездки на Егошихинский завод, 6 декабря 1723 г., В. И. Геннин лично написал указ Одинцову на Пыскор: «быть тебе немедленно на Кунгуре по-прежнему у школа для обучения детей, а Степану Москвину быть на Ягусиха на медные заводе у капитану Берлина. И тебе у оногo учения быть прилежну, а ежели станушь гулять, ш[к]ольники не станушь учить, то ты будуш [наказан] жесток, а быть тебя послужен капитану Берлину»⁴. Только 24 декабря 1723 г. Одинцов получил прогонные деньги от Пысгора до Кунгура⁵, т. е. в конце года прибыл на Кунгур и сменил Москвина. В 1724—1725 гг. именно он продолжал обучать кунгурских школьников математике.

Повседневность жизни и учебы

Документы об этом, по сути, отсутствуют. Поскольку подавляющее большинство учеников проживало вне Кунгура,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 630 об.—631.

² Там же. Д. 28. Л. 85. об.

³ Там же. Д. 148. Л. 190.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 59.

⁵ Там же. Д. 28. Л. 108 об.

родителям приходилось устраивать их проживание, искать свойственников, знакомых, снимать квартиры у чужих людей в городе. Но документов об этом не сохранилось, и мы можем лишь догадываться о том, какие трудности приходилось преодолевать ученикам. Почти полтора года власти не обращали внимания на необходимость введения хоть какой-то материальной поддержки школьников. Татищев полагал, что священники и церковнослужители вполне могут содержать своих детей, и, на наш взгляд, не случайно в приговоре о введении института казенного жалованья 24 декабря 1721 г. для учащихся уктусских школ исключил из числа получавших жалованье детей, чьи отцы служили при церкви. К сожалению, отсутствуют документы, позволяющие судить об удельном весе получавших жалованье кунгурских счастливиц по отношению к общей массе школьников.

Побеги в школе были, видимо, редкими, в документах упоминается лишь об одном: сын попа Федор Демаков был отпущен по болезни домой (страдал «падучею»), но бежал. Федор Розмахнин, в результате, вероятно, активной личной жизни подхватил «французскую болезнь»¹. И как будет показано ниже, все ученики Кунгурской школы рассматривались горнозаводским ведомством как люди, перешедшие в полное его подчинение, они стали активно использоваться в интересах этого ведомства, начиная с 1723 г., не успев перейти от арифметики к геометрии.

Занятия проходили сначала, как распорядился Татищев, на съезжем дворе, а там располагалась и Кунгурская канцелярия горных дел, т. е. школа действовала рядом с начальством, в отдельном помещении. Как сообщал глава Пермской земской конторы в декабре 1735 г. в Екатеринбург в связи с возобновлением школы в Кунгуре, ее «можно учредить в старом доме, в котором и прежде сего была школа ж и имели постой горные афицеры»². Возможно, это был по-прежнему съезжий двор или какое-то другое здание, но помещение для расположения школы было неплохим, раз в нем в соседнем покое размещались горные офицеры.

Поначалу приходилось в полной мере испытывать отсутствие каких-либо казенных средств на приобретение мелочей. В январе 1722 г., во время посещения Кунгура В. Н. Татищевым и

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 221 об.

² Там же. Д. 624. Л. 58 об.

И. Ф. Блиером, Одинцов подал доношение, адресуя его Сибирскому горному начальству: «ныне в школе дров и для учения мелу нет, а которой мел был в казне, оной весь издержан и всепокорно ныне прошу, дабы повелено было Е. И. В. указом, откуда требовать дрова для топления школы и мел для письма». Начальство приговорило: мел, дрова и прочие потребности покупать «до указу» из Канцелярии горных дел в Кунгуре, о тратах в течение года писать в ведомостях особо, о «подтвердительном о том указе просить от Государственной Берг-коллегии, что повелят»¹. Подобный указ об этом был дан и возглавлявшему тогда канцелярию в Кунгуре И. Патрушеву. Был ли сделан такой запрос в Берг-коллегию, мы данных не нашли.

В ведомостях расхода денежной казны за январь 1722 г. отмечена покупка одной сажени дров Одинцовым, «за которые он рядил» 13 коп.² Ведомость расхода казны Егошихинского завода за 1722 г. отмечает приобретение в школу трех саженей дров по 15 коп. сажень; в январе — июне 1723 г. — выдачу на жалованье ученикам 14 руб. 54 коп., на покупку дров — 4 руб. 42 коп., мела «для письма в школу» — на 2 коп.³ Т. е. расходы были весьма скромные, и учитываться они стали задним числом в ведомости расхода казны будущего Егошихинского завода еще до начала его строительства. Такой был найден выход.

По сути, мы не имеем сведений о том, как протекал учебный процесс в Кунгурской школе, по сколько часов в день ученики занимались. Татищев в 1721 г. предписал Одинцову учить по 7 часов, 4 до обеда и 3 после. Во время поездок учителя на рудники, занятий делами в канцелярии Кунгура, к чему обязывался шихтмейстер Одинцов, он, видимо, приказывал вести занятия одному из старших учеников, как и предписывал ему Татищев, отправляя в Кунгур в 1721 г. Писали учащиеся задания, делали подсчеты на деревянных досках, пользуясь при этом казенным мелом.

Какие-либо учебные пособия в школе отсутствовали. Оба учителя, и Одинцов, и Москвин, использовали, видимо, либо свои учебники «Арифметики», либо личные копии, выписки из учебных пособий, которые вели во время обучения в Артиллерийской школе в Москве.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 31. 431—431 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 392.

³ Там же. Д. 28. Л. 80 об; Д. 20. Л. 1—1 об., 5.

Распределение учащихся к делам

Первое распределение учеников к делам состоялось в 1723 г. Двое первых по успехам и старших по возрасту учеников Кунгурской арифметической школы были определены лично генералом В. И. Генниным в качестве заводских учеников плавильного дела. Указом от 11 марта, отправленным с Уктуса Е. Берглину как главе Кунгурской канцелярии, Геннин предписал: «школьнику» Степану Москвину учить в школе учеников «с прилежанием» и отправить на Уктус двух детей, «которые старее и в науке больше». Уже 20 марта Берглин сообщил в доношении, что отправил на Уктусский завод двух церковничьих детей — Антона Пестерева и Федора Розмахнина (судя по ведомостям, первый был сыном дьячка, 19 лет, второй — сыном пономаря, 18 лет, оба из «тройного правила»). Жалованье им было выдано вместо 1,5 пуда муки — деньгами по базарной цене, по 22 коп. за пуд¹. Но по какой-то причине перед отправкой Розмахнин был заменен Ефимом Казаковым, 18-летним сыном дьячка, о чем становится известно из выписок в Бергамте на Уктусе по делу об их прошениях. Оказалось, юноши получили жалованье в Кунгуре лишь на март месяц. Казна оплатила и найм подвод от Кунгура до Уктусского завода, обошедшийся в 1 руб. 50 коп.²

В прошениях Пестерев и Казаков указали, что посланы на Уктус для определения к делам, а по прибытии отправлены учиться в Уктусскую арифметическую школу, жалованье не определено, «и питатися у той науки нечем». Пестерев подал прошение раньше, 9 апреля 1723 г., 12-го числа Геннин лично приговорил: выдать ему 1 руб. на платье и муки 1,5 пуда на месяц и впредь давать муку помесечно. Казаков же обратился с просьбой через неделю, ее рассматривал член Бергамта И. Патрушев, предписал дать 1 руб. и хлеб, как и Пестереву, но с припиской: по прибытии к Соли Камской — «вычесть» из жалованья³, что было сделано вопреки какой-либо логике.

Юноши прибыли не по собственному желанию, их послало начальство, преодолели долгий путь от Кунгура (280 км), оплаченный казной, почему же одному из них после прибытия, опять-таки по воле

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 354—354 об.

² Там же. Д. 28. Л. 89.

³ Там же. Л. 422—423, 484—485.

начальства, в еще более далекий пункт назначения — Соль Камскую (за 570 км) нужно возвращать в казну сумму, полученную на пропитание, чтобы не умереть с голода?

Подучившись в Уктусской школе, кунгурцы вскоре были отправлены в Соль Камскую учиться плавке металлов и гармахерскому делу у Вильгельма Штифта¹. Саксонец В. Ф. Штифт, медеплавильный мастер, в апреле 1723 г. был переведен из Астраханской губернии, стал первым на Урале штатным медеплавильным мастером, одним из ведущих специалистов-практиков по внедрению медной плавки европейского типа². Видимо, в связи с его приездом на Уктусский завод и были вызваны из Кунгура двое школьников, чтобы выяснить уровень их знания и подготовить к освоению будущей специальности.

В мае 1723 г. в «Книге записной» Исетских заводов зарегистрировано доношение из Кунгура от Берглина «о определении школьников дву человек к плавильному мастеру Цымерману для научения горному плавильному делу...»³. Вольф Циммерман прибыл на Урал в команде Геннина в 1722 г. с Олонецких заводов, как и Штифт, ценился в качестве специалиста по плавке меди.

С 1723 г. учащиеся Кунгурской школы стали широко использоваться и временно, «у письменных дел». Так, согласно ведомости о расходе казны Егошихинского завода за 1723 г. Осип Хлопин (20 лет) и Леонтий Попов (15 лет), сыновья пономаря и попа, в 1723 г. трудились там «у письма»: «У переклички работных людей школьным ученикам Осипу Хлопину, Леонтию Попову на май муки ржаной 3 пуда по цене 70 $\frac{1}{2}$ копейки»; им же с июня по декабрь, а Хлопину — по сентябрь, по 75 коп. человеку на месяц, всего 9 руб. 70 $\frac{1}{2}$ коп.⁴ Заметим, как раз 4 мая 1723 г. начал строиться Егошихинский завод. Крестьяне сел Крыласовское и Комарово с прилегающими деревнями, в которых числилось 735 мужских душ, обязанных отработать подушную подать в размере 812 руб. 54 $\frac{1}{2}$ коп.⁵ еще не были приписаны к заводу.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 354, 422, 485.

² См.: Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале... С. 233, 246—247.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 16.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 81 об.

⁵ См.: Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. С. 566—567.

Интересные данные приводит историк Н. С. Корепанов о ходе строительства Егошихинского завода. Начинали стройку около полусотни присланных по чрезвычайным нарядам крестьян и бобылей. От земского комиссара была затребована ежемесячная присылка сотни плотников и полутора сотен работников-чернодельцев, но прибыло менее двухсот. В конце июня на строительство приехал Татищев и установил обычный тогда 12-часовой рабочий день с двухчасовым перерывом на обед. Разослал указы: «Чтоб шли конные и пешие, плотники и чернодельцы и нанимались уроком или поденно, а расплата и свобода каждому в субботу». Татищев сообщал: «Здесь в письмоумеющих есть везде нужда... А в подьячих ныне один — и тот болен. А у припасов и у переклички работников — школьники, малые ребята». В августе работало на строительстве около полутысячи человек¹.

Ученье менявшихся на строительстве людей, прибывавших из разных мест, и не перепутать данные о них было задачей весьма ответственной, и, как оказалось, ученикам пришлось еще и регистрировать выдачу припасов. Заметим, расстояние от Кунгура до города Перми, появившейся на основе Егошихинского завода, составляет сейчас до 100 км. Вот на какие дальние расстояния отправляли кунгурских школьников! В этой же ведомости перечислены выплаты «ученикам»: Семену Романову (сыну умершего попа) и Ивану Батрунову (сыну дьячка, обоим по 19 лет) за май — муки 3 пуда, с июня — деньгами, по 75 коп. каждому, 11 руб. 20 ¹/₂ коп.² Один из учеников Кунгурской арифметической (фамилия не указана) в течение трех месяцев вел записи при добыче руды для плавильных печей Пыскорского завода, заработав 2 руб. 25 коп.³, а расстояние от Егошихинского завода до Пыскорского, согласно ведомости 1745 г., составляло 165 верст⁴, а школьнику надо было еще добираться от Кунгура до Егошихи.

Расходные ведомости денежной казны Егошихинского завода за 1723 г. фиксируют: «У рудоконных дел ... у прииску руд на реке Югу» работным людям и «у записки школьнику» выплачено 13 руб. 20 коп. На Мулинском руднике трудился школьник «у записок» с июня по

---

¹ Корепанов Н. С. Пермь заводская, 1723—1781. Екатеринбург, 2011. С. 21, 23, 25.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 82.

³ Там же. Л. 93.

⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1510. Л. 292 об.

октябрь (фамилии не указывались)¹. Согласно «Перечневой ведомости, колико в Кунгурском уезде на которой рудокопии работников было», в июне 1723 г. «на Мулинских рудокопиях» при одном школьнике «у записки» работников трудилось в этом месяце, по нашим подсчетам, 28 человек; «школьник» отмечен у этого дела и в последующие месяцы, по октябрю², т. е. всего пробыл там 5 месяцев.

В расходной ведомости Егошихинского завода за 1724 г. Леонтий Попов упомянут «за пищиков в канцелярии у письма» (т. е. писал документы в Кунгурской горных дел канцелярии) с января по сентябрь, как и Осип Хлопин. В конце 1724 г. Хлопин был направлен в плавильню Егошихинского завода в качестве писчика, И. Батрунов и С. Романов трудились там уже восемь месяцев. Один из школьников три месяца вел записи при добыче руды для плавильных печей Пыскорского завода³. В Табели казенных заводов в ноябре 1723 г. Л. Попов и О. Хлопин официально числились при Егошихинском заводе в качестве писчиков с жалованьем по 10 руб. в год⁴, т. е. были включены в заводской штат.

В Табели Егошихинского медеплавильного завода за 1724 г. среди служащих упомянуты: «Из школьников, за пищиков в канцелярии у письма, — Леонтий Попов, в плавильне — Осип Хлопин. Обоим в год 18 руб.». Среди четырех плавильщиков показан «из школьных учеников Иван Батрунов» (сын дьячка) с окладом 9 руб.; среди работников — «из школьных учеников, Семен Романов» (сын умершего попа)⁵. Таким образом, они оба официально были распределены к заводским делам. Ранее, в марте 1723 г., оба числились в ведомости школы — 19 лет, в «тройном правиле» и «раздроблении».

В ведомости Егошихинского завода «о служителях и мастеровых» в 1724 г. показано: шмельцерам «из школьников, которые у обучения плавильного дела, двум человеком» 1 руб. 50 коп. в месяц, 18 руб. в год; у гармахера — «ученику из школьников Семену Романову»

---

¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 86 об., 511—511 об.

² Там же. Л. 511—511 об.

³ См.: Там же. Л. 90, 93.

⁴ См.: *Геннин В. И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 164.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 245.

75 коп. в месяц, 9 руб. в год¹. Ясно, что у Батрунова появился напарник из однокашников, а Романова стали специализировать на очистке меди.

В марте 1723 г. Е. Берглин в доношении В. И. Геннину, отправляя впервые двух выпускников Кунгурской школы к делам на Уктус (Пестерева и Казакова), выражал беспокойство, что в школе «малолюдство»: когда ученики, набранные в школу, к делам распределятся, то «здесь учении не будет, понеже из своей воли во учение никто не пришел». Берглин предложил взять в школу детей посадских жителей Кунгура и попросил у Геннина разрешения на это². Но дети посадских людей не могли заинтересовать горное начальство: они находились в ведении воеводы, платили подушную подать, и горные власти не могли распределять их к заводским делам.

Борьба за детей духовенства между горнозаводским и духовным ведомством

В июне 1723 г. Татищев, еще находясь под следствием, был отправлен Генниным в Кунгур и на Егошиху «для строения завода», а также в Соль Камскую «для строения новых плавилен и до Верхотурья». В этой поездке он пробыл до 4 октября³. Как и во время поездки 1722 г., Татищев особое внимание уделил арифметической школе и попытался пополнить ее знающими грамоту церковничьими детьми.

В делах ГАСО нами обнаружены и опубликованы тексты двух писем Татищева, направленных кунгурскому протопопу Иоанну Антониеву (18 июня 1723 г.) и архиерею Вятскому и Великопермскому Алексию (от 29 сентября). Из более позднего письма архиерею мы узнаем о попытках Татищева провести новый сбор детей церковнослужителей в Кунгурскую школу, чтобы пополнить ее, сразу же по приезду: «посылал к протопопу и учрежденному инквизитору салдата, словесно требовал от них как их детей, так и протчих, которые к службе церковной не определены, дабы явили их к смотру для определения малолетних в школы, а возрастных к делам,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 505 об.

² Там же. Д. 22. Л. 354 об.

³ Там же. Оп. 12. Д. 1636 а. Л. 21 об.

пристойным во услугу е.в., понеже здесь во многих е.в. нуждных делех за недостатком письмо умеющих великия непорядки и в делех бесполезныя медления происходят. Но получил от них отказ»¹.

После этого, 18 июня 1723 г., Татищев обратился к протопопу письменно, отправил полное возмущения письмо², в котором обвинил его в непослушании указу Берг-коллегии 1721 г. и распоряжению вятского воеводы об отдаче детей духовного ведомства в кунгурскую школу: «Ты же и другие некоторые церковники, яко обыкли не токмо указам коллегии, но и святейшаго правительствующаго Синода преслушаться, детей своих не отдали и ныне посланным не отдаете и отказываете с нечестием».

Татищев потребовал от протопопа «сего дня» прислать детей, угрожая, что в противном случае донесет о его недостойном поведении начальнику заводов Геннину, а тот — царю. Татищев уверен в правильности своих действий, он обращается к протопопу как к лицу, подчиненному горному начальству: «И о сем извольте мне сего числа ответить письменно».

Текст этого письма убедительно свидетельствует, что Татищев и в 1723 г., после выхода законодательных актов об обучении детей церковнослужителей в школах духовного ведомства, продолжал рассматривать более ранний указ Берг-коллегии как действующий. Более того, и Духовный регламент он трактовал как доказательство своей правоты, считая, что дети духовенства должны учиться: «А ежели вы мните, что без указа от Синода учинить не смеете, и в том вас ясно обличает Духовный устав о учинении училищ, подписанный Синодом и выше. Однако ж, хотя б того и не было, но ты, где хочешь не токмо неповеленное, но и весьма от Синода запрещенное делаете без опасения, исполняя свою корысть».

В «Книге записной» «Исетских заводов» (будущего Екатеринбургского) за 8 июля 1723 г. зарегистрировано поступление копии письма Татищева протопопу, «при том же от протопопа с ведением копия»³, т. е. протопоп ответил Татищеву, а Татищев уведомил об этом начальника заводов Геннина — отправил ему копии своего письма и ответа протопопа. В. И. Геннин занял правильную позицию, посоветовав Татищеву жаловаться архиерею.

---

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 68.

² Там же. С. 66—67.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 38 об.

Перед отъездом из Кунгура, 29 сентября 1723 г., Татищев отправил письмо епископу Вятскому и Великопермскому¹. Накануне он узнал от Геннина, что следствие закончено, он оправдан и допущен Петром I к делам². Изменение положения Татищева сказалось на содержании письма: оно написано в довольно резких тонах и полно сарказма. Татищев жаловался на кунгурского инквизитора И. Веселкова, который вопреки повелению Синода не уничтожил старообрядческую часовню в городе, «верх сломал, однако ж иконы не вынесены, и по вся недели ходил сам во оную для сребролюбия своего молебствовать...».

Из письма становится ясно, как мотивировал кунгурский протопоп не отдачу части детей в горнозаводскую школу: «ответ, которой и малым ребятам в смех, будто они имели в 1720-м году вашего преосв[ященства] указ о высылке детей их на Вятку, и оные за распутием не послали, а ныне посылают. И по тому видно: явная отговорка и нехотение — будто в три годы не имели они добраго пути к езде!».

Заметим, Татищев возмущался нежеланием духовенства учить детей не только в горнозаводских, но и в духовных школах и уже не требовал отдачи детей именно в кунгурскую школу: «...доношу, дабы вы соблаговолили к пресечению таких противностей свой труд приложить, а об отдаче церковных служителей детей их в школу прислать к кому надлежит указ, понеже о сочинении школ правительствующий Синод, веледушно прилежа, указами во все епархии и для изъяснения от оных подлежащих польз печатными книгами объявили, которое вашему преосв[ященству] не без известно».

По сути, Татищев указывал духовному чину на то, что его предписания, как и предписания самого Синода, в Кунгурском уезде не исполняются, и поскольку сам епископ подтвердительных указов на места об обучении детей после 1720 г., видимо, не рассылал, то Татищев ему невольно о выполнении долга напомнил. Не получилось у него с привлечением детей церковничьих в кунгурскую школу, так пусть епископ побеспокоится и заберет их в школу архиерейскую в Вятку — так, на наш взгляд, рассуждал Татищев.

---

¹ См. об этом: *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 67—69.

² См.: *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 113.

Заметим, новый начальник заводов В. И. Геннин, в отличие от Татищева, во время поездки на Егошихинский завод и в Кунгур в ноябре — декабре 1723 г. не вникал в деятельность кунгурской школы — ни одной записи об этом нет в его дневальной книге, лишь указ о смене учителя в связи с производственной необходимостью¹.

Получив письмо Татищева, епископ Вятский и Великопермский, видимо, дал прямое указание протопопу требовать детей духовенства из Кунгурской арифметической школы. 10 ноября 1723 г. в «Книге записной» Исетских заводов отмечено: «Доношение с Кунгура от протопопа Иоанна Антониева, чтоб из школы кунгурской поповских и церковных, причетниковых детей, которые обучаютца в школе, прислать на Кунгур в святительской двор для отсылки в Хлынов в архиерейской приказ»².

Письмо Татищева, направленное епископу, сработало: духовные власти решили забрать в архиерейскую школу не только остававшихся вне учения детей из домов их отцов, но и обучавшихся в горнозаводской школе. Они начали борьбу за возврат детей духовного сословия под свое крыло, тем более что действующее законодательство было на их стороне.

Но и горное ведомство не собиралось расставаться с обученными за счет уральских заводов детьми церковных служителей. На доношении протопопа Геннин сделал помету: «по сему доношению писать в Берг-коллегию и послать копию, повелят ли их [детей. — А. С.] отдать, а в Кунгур капитану Татищеву взять с собою ведомость»³. Татищев, уезжая в столицу, должен был задержаться по делам в Кунгуре, проконтролировать ход строительства Егошихинского завода, ему, видимо, поручалось также сверить с ведомостью наличный состав учеников, продолжавших обучаться в кунгурской школе. Поскольку с Татищевым отправлялась в Берг-коллегию и копия с доношения протопопа, ясно, что решение вопроса об обучаемых в Кунгурской школе церковничьих детях отдавалось на усмотрение центрального органа управления горнозаводской промышленностью.

В Берг-коллегии хорошо понимали, что права духовного ведомства на своих людей закреплены рядом законодательных норм,

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 100—107.

² Там же. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 132 об.

³ Там же. Л. 132 об.

им нельзя противоречить. Вероятно, поэтому при рассмотрении доношения Геннина от 18 ноября 1723 г., состоящего из ряда пунктов, по вопросу об обучении церковничьих детей в горнозаводских школах члены коллегии никакого решения не приняли¹. Настояния горного ведомства в отношении обучения в горнозаводских школах детей духовенства прекратились до середины 1730-х гг. и возвращения В. Н. Татищева в качестве начальника заводов Урала и Сибири.

Слияние Кунгурской арифметической школы с Екатеринбургской

В феврале 1724 г., рассматривая штаты уральских заводов, доставленные Татищевым, Берг-коллегия предложила слить Кунгурскую школу с Екатеринбургской арифметической, установить общее число учащихся на жалованье в школах до 100 человек². В июне 1725 г. это предписание коллегии о слиянии школ было претворено в жизнь. Согласно присланному 16 июня доношению капитана Е. Берглина, в Екатеринбург был отправлен шихтмейстер Дмитрий Одинцов, и с ним школьников 13 человек³.

Но по реестру учащихся Кунгурской школы, имеющемуся в деле, с учителем прибыло в Екатеринбург только четверо: сын земского комиссара Кунгура Дмитрий Попов, сын пономаря Гаврило Токарев и двое новеньких, Илья Соколов и Иван Богомоллов. На следующий же день они были определены в школу. Трое (сын подьячего Иван Кадешников и двое новеньких, Иван Алтуфьев и Иван Баженов) были оставлены в Кунгуре до ожидаемого возвращения на Урал Татищева. Пятеро числились больными, в т. ч. новичок Иван Яковлев. Как показал учитель Одинцов, Федор Демаков был отпущен по болезни домой, но бежал.

В начале августа 1725 г. явились трое болевших, младший сын попа Петр Веселков, сын пономаря Федор Розмахнин и новенький — Иван Яковлев. Сын попа Иван Бочкарев прибыл по выздоровлении лишь в октябре 1725 г. Обер-бергамт потребовал прислать еще двух

---

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 751. Л. 182.

² Там же. Д. 758. Л. 17 об.

³ Там же. Д. 52. Л. 448—449 об.

детей попов — беглого Федора Демакова и болевшего Ивана Веселкова¹.

Ученик Кунгурской школы, сын попа Михаил Мизинов не упоминался среди 13 ее учащихся в реестре, но в приговоре членов Обер-бергамта Р. Горчакова и К. Гордеева от 14 июня 1725 г. говорилось об отправке указа Берглину: «велеть оставшему школьнику Михаилу Мизинову, ежели он науку окончал, быть у письма до указа при Егошихинских заводах, а ежели не в окончании науки, то оного Мизинова прислать немедленно в Сибирской обер-бергамт для обучения наук, а на ево место будет прислан другой школьник, которой в окончании науки, письмоумеющей»². Из этого протокола видно, что власти навели справку у учителя и внимательно отнеслись к каждому потенциальному работнику-школьнику, не желая терять возможность использовать его более перспективно.

Но отцы учеников, затребованных к обучению в Екатеринбург, решили попытаться вернуть своих детей в лоно церкви. Осенью 1725 г. они подали об этом доношение в Сибирский обер-бергамт. Об этом мы узнаем из протокола заседания Обер-бергамта от 22 ноября: «слушав доношения кунгурских церковных служителей об отпуске детей их и учиненной о том выписки, определили: понеже оные дети их уже многое время обучались и получали жалованье из завоцкой суммы, того ради их в духовную школу отпускать не надлежит, ибо оне нужны быть при горном деле и заслужить повинны полученное жалование, и о том Государственная Берг-коллегия известна». Протокол подписали сам глава заводов В. И. Геннин, Р. Горчаков и К. Гордеев³. Позиция горного ведомства вполне понятна: не для того обучали, с большими усилиями собирали всех в Екатеринбург, продолжили обучение здесь, чтобы расстаться с будущими ценными работниками.

Таким образом, можно считать, что горнозаводские власти и в середине 20-х гг. XVIII в. не отказались от использования детей духовенства, прошедших курс обучения в горнозаводских школах, в интересах своего ведомства, продолжили обучение тех, кто не был распределен к делам, в Екатеринбургской школе.

---

¹ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 140, 169; Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 453.

² Там же. Оп. 12. Д. 193. Л.3.

³ Там же. Л. 121 об.

Всего, по нашим подсчетам, в Кунгурской арифметической школе проучилось тот или иной срок 34 подростка, большинство из них обучились математике или завершили ее обучение в Екатеринбурге и внесли свой вклад в модернизацию экономики уральских заводов, пополнили ряды квалифицированных приказных служителей, одними из первых пополнили ряды учителей — выпускников уральских школ.

Назовем несколько имен: сын бывшего земского комиссара Кунгурского уезда Дмитрий Попов в 1736 г. подписывал доношения Пермской земской конторы как подканцелярист, а затем и «управляющий земских дел», а сын попа Петр Веселков в 1740 г. — подканцелярист Пермской земской конторы, в 1760-е гг. — секретарь Пермского горного начальства¹. Сын дьячка Антон Пестерев стал шихтмейстером на Пермских заводах и в 1735 г. одновременно стал первым учителем арифметики в Егошихинской школе². Федор Розмахнин, пономарский сын, будучи горным работником, временно обучал детей в Полевской словесной школе в марте — сентябре 1736 г. В возрасте 36—37 лет был назначен учителем грамоты на Северский завод, когда там открылась своя школа в 1742 г., с 1744 г. около десяти лет учительствовал на Полевском заводе³. Сын подьячего Иван Кадешников был назначен В. Н. Татищевым шихтмейстером на Троицкий завод Строгановых, сын попа Михаил Мизинов — шихтмейстером на завод Небогатого⁴. Они пополнили ряды чиновников, призванных контролировать ряд направлений деятельности частных заводов от имени государства.

Дальше всех продвинулся по ступеням горнозаводской службы сын бывшего комиссара Кунгурского уезда Дмитрий Попов. В 1743 г. он был аттестован в шихтмейстеры и послан управителем на Мотовилихинский завод, в 1744 г. отправлен в команде А. В. Беэра на Колывано-Воскресенские заводы, где одновременно прошел обучение пробирному делу по серебряным и свинцовым рудам, в 1746 г. определен берггешвореном. В 1750—1753 гг. возглавлял Казанское горное начальство, два года трудился в Екатеринбургской

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 572; Д. 857. Л. 221.

² Там же. Д. 562. Л. 426.

³ См.: Сафронова А. М. Первые школы Полевского завода: словесная и арифметическая (1735—1750-е гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3 (27). С. 7—20.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 492—492 об.

казначейской конторе, в 1755 г. в чине гиттенфервальтера его отправили на Нерчинский завод. В 1761—1762 гг. Д. Г. Попов руководил Пыскорским, в 1761—1762 гг. — Каменским заводом, в 1763 г. побывал на должности руководителя Оренбургского горного начальства, но из-за нехватки кадров в Екатеринбурге в этом же году был отозван и назначен главой Екатеринбургской конторы судебных и земских дел¹.

Деятельность Кунгурской арифметической школы дает нам яркий пример изменения мобильности молодого поколения на территории Кунгурского уезда: и пространственной, и социальной. Будучи забранными из домов отцов с обширной территории уезда учиться в город, они виделись с родными, вероятно, накоротке, когда те привозили посылки с едой из дома. Возможно, изредка, как и уктусских школьников, их отпускали домой на большие праздники — на Рождество Христово, на Пасху. Еще в большей степени они теряли связь с домом, когда начальство отправляло их на заводы за сотни верст, используя их знание письма и арифметики для записи выполнения тех или иных работ, для дальнейшего обучения заводским специальностям. Мобильность пространственная была очень мощна. Но не менее сильные изменения происходили и в социальном статусе учеников. Все дети духовенства Кунгурского уезда, причем действительно служащего, взятые горной властью в школу, покинули свое сословие и приобрели статус приказных служащих горнозаводского ведомства либо заводских специалистов, пополнили ряды заводской администрации, выросли до шихтмейстеров. Двое из учащихся школы впоследствии выступили и в качестве учителей.

---

¹ См.: *Цеменкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. С. 297—298.

Но Д. Попов не числился в немецкой школе, как отмечено в справочнике, учился его однофамилец, упоминаемый в первой ведомости 1737 г. как сын надзирателя 14 лет, в феврале 1740 г. этот сын надзирателя и был определен в ученики к маркшейдерским делам. См.: *Сафронова А. М.* Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735—1750-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 116, 171.

Глава 7.

ВИДЫ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И МЕСТО ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА СРЕДИ НИХ

Цифирные школы как первые государственные учебные заведения

В первой четверти XVIII в. в России была сделана попытка создания нового вида государственных светских общеобразовательных школ, предназначенных для начального обучения детей всех сословий, вошедших в историю под названием цифирных. Первые законодательные акты, касающиеся их организации — это четыре лаконичных именных указа Петра I, изданные в 1714—1716 гг. и указы Сената 1719—1720 гг., дополняющие и изменяющие нормы петровских законов, более объемные по содержанию¹.

Инициатором открытия цифирных школ стал сам Петр I. Первый его указ от 20 января 1714 г. адресовался Сенату и состоял всего из двух предложений: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцов, приказного чина цыфири и геометрии, и положить штраф такой, что невольню будет жениться пока сего выучится. И для того о том к архиереям о сем, дабы памятей венчальных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны»².

---

¹ См. подробнее об этих указах: *Сафронова А. М. Кравченко О. С.* Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2015. № 1 (136). С. 112—126.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 2762.

В этом первом указе, несмотря на лаконизм фраз, были определены все основные моменты организации цифирных школ как нового вида учебных заведений. 1) Они должны были открываться в масштабах России. Поскольку губерний в это время было 8, число предполагаемых школ могло достичь нескольких десятков. 2) Учиться в цифирных школах должны были дети дворян и приказного чина. 3) Предметы преподавания ограничивались цифирью и геометрией. 4) Учителя должны были рассылаться из Москвы, из «математических школ», под которыми подразумевалась Московская школа навигацких наук, для учащихся которой Л. Магницкий написал знаменитую «Арифметику».

Итак, обучение арифметике и геометрии объявлялось строго обязательным для двух социальных категорий детей — дворян и подьячих — вплоть до запрета им жениться до окончания обучения. Предлагался и своеобразный механизм контроля за обучением — не выдача венчальных памятей. Дворянам обучение в цифирных школах должно было открыть путь к следующей ступени обучения в специальных школах; как и приказным, заложить основы знаний, необходимых для государственной службы в многочисленных канцеляриях и конторах, бурный рост которых стал отличительной чертой того времени.

Вторым именованным указом от 28 февраля 1714 г., объявленным из Сената¹, впервые устанавливался возраст учащихся — «от 10 до 15 лет», решался вопрос с помещениями — «в архиерейских домах и в монастырях отвести им школы»: определялось жалованье учителям — «кормовых по 3 алтына и 2 деньги на день», источник этих средств — «из губернских доходов». При выдаче свидетельства за рукою учителя ему разрешалось взять и разовую плату с учеников: «по рублю с человека». Только при наличии этих «свидетельствованных писем» позволялось архиереям давать разрешение на женитьбу — они должны были открывать дорогу к началу семейной жизни детям дворян и приказных.

Третьим именованным указом, данным Сенату 28 декабря 1715 г., предписывалось «... послать во всякую губернию по два человека, для науки молодых ребяток изо всяких чинов людей», тем самым был расширен социальный состав учащихся². Но следующим указом

---

¹ ПСЗРИ. Т. 5. № 2778.

² Там же. № 2971.

Петра I, последовавшим через три недели, 18 января 1716 г., из числа учащихся цифирных школ были исключены дети дворян — ставка была, видимо, сделана на привлечение их в новые специальные школы: в Московской инженерной школе, действовавшей с 1703 г., по именному указу от 16 января 1712 г. полагалось иметь комплект «100 человек или 150, из которых чтоб две трети, или по нужде были из дворянских детей»¹. В 1715 г. в столице открылась Морская академия, которую предполагалось в будущем сделать привилегированным учебным заведением для дворян.

В преамбуле указа Сената от 6 ноября 1719 г.² передана суть доношения в Сенат от полковника Г. Г. Скорнякова-Писарева, главы Морской академии, в ведении которого находились и учителя цифирных школ, упомянуто о доношении в Сенат навигаторов нескольких школ: «во оныя де школы учеников во учении в высылке было только во одну Ярославскую, из церковников 26 человек, а в прочия школы и ничего учеников в высылке не было и о том бы указ учинить». В связи с этим Сенат предписал: «из провинций в те школы определять оных [учеников], не упуская времени», мотивируя тем, чтобы «за невысылкою ... определенные учителя без дела не были и даром жалованья не брали».

Впервые подробно перечислялся состав подлежащих высылке в школы детей: «приказнаго чина дьячих, подъяческих, посадских, церковниковых, монастырских слуг, и прочих чинов людей, опричь дворянских детей».

При этом Сенат повелел: «смотреть и за учителями, дабы от них тем ученикам в принимании, и в обучении продолжения, и обид и налог никаких никому не было». Подобные же указы рассылались и всем другим губернаторам и главам провинций, о чем сообщалось в следующем указе от 30 апреля 1720 г.³

В указе Сената от 30 апреля 1720 г.⁴ содержалась и ценная информация о поданных в Сенат челобитных посадских людей, чьих детей полугодом ранее Сенат включил в число учащихся, подлежащих обучению в школах — «явилось челобитие в Сенат от посадских

---

¹ ПСЗРИ. Т. 4. № 2467.

² Там же. Т. 5. № 3447.

³ Там же. Т. 6. № 3575.

⁴ Составители ПСЗРИ не вникли в его содержание: результативной части указа предшествует формула: «*И по Государеву указу в Сенате определено...*».

людей, а именно: от каргопольцев, устюжан, вологжан, калужан и других городов, что де в помянутые школы принуждают их высылкою детей их из Каргополя в Новгород. А с Устюга на Вологду, а из Калуги к Москве и в том держат их них многих в тюрьмах и за караулом...».

Ясно, что указ 1719 г. начал действовать, детей посадских людей местные власти стали забирать для обучения арифметике. Но из-за редкой сети школ дети пересылались на далекие расстояния: от Каргополя до Новгорода по современным меркам насчитывается 719 км, от Великого Устюга до Вологды — 446 км, от Калуги до Москвы — 182 км. Кроме того, дети забирались от родителей насильно, вопреки их воле и, видимо, грубыми методами, из-за угрозы побегов держали за караулом.

Посадские люди подробно обосновывали причины освобождения их детей от обязательного обучения: «а дети де их от 10 до 15 лет обучаются купечеству, вступают в торговые промыслы, и сидят в рядах за товарами, и ныне де многие из них с отцами и с братьями и с свойственниками и с товарищами в отъездах для торгов в дальних городах». В челобитной расписывались и отрицательные последствия нововведения властей для посадских людей: «А с торговых де промыслов отцы их платят таможенные пошлины и всякие подати, и службы служат, и ежели детей из купецких людей повелено будет брать в те школы, то они от торгов и от промыслов своих вовсе отстанут, и обучиться уже им впредь торговому промыслу будет невозможно, а вышеписанной де науки многие из детей их обучаются и собою».

В своих челобитных посадские просили: «И чтобы Великий Государь пожаловал их, не велеть в вышеобъявленные школы с посаду детей их иметь, дабы от того в положенных на них податях и в сборах таможенных пошлин умаления не было, а и бы от того в разорении не быть». Сенат счел жалобы посадских справедливыми, ради их удовлетворения вынужден был отказаться от своего предшествующего решения и предписал посадских детей к обучению в цифирных школах не принуждать.

При этом Сенат решил избавиться от ведения цифирных школ в связи с подачей челобитных то от учителей, то от посадских людей, необходимостью вникать в них, принимать решения: по одним челобитным вводить новые нормы, а по другим — отменять их. И этим же указом 1720 г. он передал управление цифирными школами

Адмиралтейской коллегии, поскольку и Московская школа навигаторов, и будущие учителя находились в ее ведении.

Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось по указам этой коллегии за учителями смотреть «накрепко, чтоб в том учении они учителя чинили прилежание, и ученикам в принятии и в учении их продолжения и обид и налогов никаких никому по прихотям своим отнюдь не чинили». Подтверждалось: школы должны открываться при архиерейских домах, где их нет — в монастырях, «чтоб те ученики для училища дома себе имели в близости, а не в дальнем разстоянии». Но вряд ли местные власти могли приблизить места открытия школ к месту жительства учеников — при огромных пространствах губерний и ограниченном числе посылаемых учителей, отсутствии свободных помещений, возложении финансирования школ на них — эти нормы должны были оставаться скорее пожеланиями со стороны Сената.

Указом Сената от 9 января 1721 г. подтверждалась передача цифирных школ в ведение Адмиралтейской коллегии. Для нас представляет интерес доношение, поданное снова Скорняковым-Писаревым в этот орган, кратко переданное в указе: «писали де к нему из Московской школы учителя, что по присылке прошлых и 1720 годов из губернской канцелярии во учении их обретаются учеников всяких чинов людей 70 человек, а других провинций из городов к ним учеников никого не прислано, а в иных губерниях и провинциях же обретаются учеников малое число»¹.

В именном указе от 31 октября 1726 г., объявленном из Верховного Тайного Совета «О соединении духовных и гражданских школ под ведение Синода»², в преамбуле имеется ценная информация в отношении цифирных школ за предыдущие годы их деятельности. Приводятся данные Адмиралтейской коллегии, сообщавшей: из губерний и провинций «рапортами объявили», что в цифирных школах с 1714 г. по 1722 г. учеников было в присылке 1389 человек, «из того числа выучено 93 человека, а за тем оставшиеся едва не все синодальной команды бежали».

По данным Адмиралтейской коллегии, в России было открыто 42 цифирные школы: в 1716 г. — 12, 1719 г. — 1, 1720 г. — 3,

---

¹ ПСЗРИ. Т. 6. № 3703.

² Там же. Т. 7. № 4975.

1721 г. — 10, 1722 г. — 15, 1723 г. — 1¹. И. К. Кирилов в своем историко-статистическом описании России на основе данных, поступавших в Сенат, в основном за 1724—1726 гг., привел сведения о городах, где действовали цифирные школы: в Санкт-Петербургской губернии — в самом Санкт-Петербурге (при Морской академии); в Рижской — в Великом Новгороде, Пошехонье, Ярославле, Твери, Великих Луках; в Московской губернии — в Москве, Переяславле-Рязанском (Рязани), Костроме, Суздале, Юрьеве Польском, Переяславле-Залесском, Владимире, Калуге; в Смоленской губернии и Воронежской — в самих губернских центрах — Смоленске и Воронеже; в Казанской губернии — в Казани, Свияжске, Уфе; в Астраханской губернии — в Астрахани, Симбирске; в Архангелогородской губернии — в Вологде и Галиче². Таким образом, из 12 губерний, насчитывавшихся в этот период в Российской империи, цифирные школы действовали в 8, самое большое их количество располагалось в Московской губернии — 8 школ и Рижской — 6, т. е. на территории центральной России.

Наиболее ценные данные о цифирных школах приводятся в приложении к протоколу заседания Верховного тайного совета от 31 октября 1726 г., на котором заслушивалось доношение Адмиралтейской коллегии с предложением соединить цифирные школы с архиерейскими и передать управление ими Синоду, и это предложение было утверждено³. Из ведения, приложенного к протоколу (таблицы, составленной Адмиралтейской коллегией)⁴, следует, что школы на 1726 г. продолжали действовать в 25 провинциях Российской империи, в них трудилось 30 учителей, «учеников в присылке» было, по нашим подсчетам, 1 916 человек (итоговая цифра таблицы о 2051 человеке — неверна). В некоторых провинциях в школу выслали всего по несколько человек (4, 8, 10), в другие — более сотни: Казанскую — 107 детей (два учителя, т. е.

---

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 29.

² *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Российского государства. М., 1977. С. 51, 88, 100, 101, 106, 109, 122, 133, 136, 139, 140, 142, 144, 148, 156, 184, 215, 220, 225, 230, 236, 244, 248.

³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. СПб., 1887. С. 316—321.

⁴ Там же. С. 320—321.

должны были открыться две школы); Севскую — 125, Тамбовскую — 133, Московскую — 161 (2 учителя), Воронежскую — 197, Тобольскую — 224 (2 учителя), Белгородскую — 366 (школы в Белгороде и Курске).

Заметим, все перечисленные выше крупные по числу присланных детей школы (за исключением Казанской и Севской) были открыты в 1716 г., еще до запрета принимать в них детей церковнослужителей, посадских людей и в течение года после издания указа, запрещавшего принимать дворян. В Белгородскую и Курскую школы прибыло 160 детей духовенства и 153 солдатских. Самый разнообразный социальный состав учеников собрали две школы, открытые в Тобольской провинции в 1716 г.: 9 детей приказных служителей, 28 — церковничьих, 99 — солдатских, 30 — дворян, 14 — детей боярских, 25 — посадских и 12 — детей каменщиков, кузнецов, плотников.

В цифирные школы, появившиеся в 1722 г. в Казанской и Севской провинциях, прибыло: в первую — 60 детей приказных и 47 церковничьих; во вторую — 34 детей приказных и 91 — посадских. Таким образом, можно утверждать, что после издания указов, запрещавших прием той или иной социальной категории детей, в течение текущего года школы успевали принять их для обучения: рассылались законодательные акты на места медленно, сначала в губернскую канцелярию, из нее — в воеводскую, где не сразу принимались к исполнению.

Структурирование в таблице данных о детях, прибывших в цифирные школы, позволяет судить о их дальнейшей судьбе. Среди них оказалось 23 человека больных и негодных к обучению; «писать и грамоте не умевших» — 131; «за непонятием наук» пришлось отпустить 79; посадских и церковничьих, в связи с изданием законов о них, было отпущено 572; бежали и не явились из отпуска «в дома» — 322. Кроме того, в архиерейские школы было взято 14 учеников, в канцелярии и солдаты — 75, в посад — 3, умерло 22. В итоге из 1 916 детей, собранных местными властями в цифирные школы для обучения, всего 304 было «выучено и отпущено», что составило, по нашим подсчетам, всего 15,8%.

Цифирные школы на Урале

Согласно данным таблицы 1726 г., на территорию нашего края было отправлено для преподавания арифметики и геометрии трое выпускников Морской академии. В 1720 г. в Уфу, центр провинции в составе Казанской губернии, прибыл Федор Гурьев; в 1722 г. — в Вятку и Соль Камскую, провинциальные центры Сибирской губернии, — Иван Чирков и Степан Жеребцов¹. Но в 1726 г., согласно данным Адмиралтейской коллегии, продолжала действовать лишь школа в Уфе, в ней числилось всего 8 учеников, из них 7 детей церковнослужителей и 1 подьяческий. В Вятке и Соли Камской школы уже закрылись: о них упомянуто в числе 14 провинций, где «учители за неимением в тех провинциях приказного чина и за отбытием по указом церков[н]ых детей прибыли во Академию по прежнему, и ныне в тех провинциях учителей не имеется»².

О попытке воеводы Вятской провинции открыть цифирную школу имеются краткие сведения в «Вятских епархиальных ведомостях» за 1868 г., в статье «История Вятской духовной семинарии». Неизвестный автор сообщает, что прибывший в Вятку воевода В. И. Чаадаев (полковник, назначен на эту должность в январе 1720 г.)³ решил открыть школу по собственной инициативе и в январе 1721 г. потребовал от Архиерейского приказа, чтобы тот «по силе указов, немедленно прислал поповских и причетнических, архиерейских и монастырских слуг детей, от 10 до 15 лет, в провинциальную канцелярию для отдачи их в школу, в обучение цифири и геометрии». Прошло два месяца, дьяк приказа «явил» самих попов с детьми, «самое малое число», без именного списка. Тогда Чаадаев потребовал прислать в марте месяце детей со всей территории Вятского уезда с угрозой — в случае отказа пожаловаться в Адмиралтейскую коллегию. Не получив ответа, в третий раз потребовал доложить об этом самому епископу, а с духовенства собрать сказки, «слышали ли они указ Великого Государя о цифирных школах, и чего ради тому указу во всем чинятся ослушны»⁴. В мае

---

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. С. 320—321.

² Там же. С. 320—321.

³ См.: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ... С. 236.

⁴ История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 1. С. 6—8.

1721 г. Чаадаев разослал по всему уезду приставов и солдат провинциальной канцелярии, но бесполезно. В Табели Адмиралтейской коллегии указывается, что только в 1722 г. в Вятскую провинцию был послан выпускник Морской академии Иван Чирков, но он вернулся в академию из-за того, что школа так и не была открыта¹ — дети духовного сословия уже были затребованы в архиерейские школы. Т. е. воевода Чаадаев пытался открыть цифирную школу, не имея еще учителя из Морской академии.

Директор народных училищ Пермской губернии В. Н. Шишонко опубликовал три документа, освещающих открытие цифирной школы в Соли Камской. Они позволяют судить о роли Морской академии как регулятора деятельности этих школ и о круге вопросов, по которым она взаимодействовала с представителями местной власти.

В декабре 1721 г. была составлена промемория Морской академии, адресованная «управителям», т. е. воеводе Соликамской провинции. В ней сообщалось, что послан из Морской академии учитель Степан Жеребцов, окончивший арифметику и геометрию, ему дан наказ, с которого прилагалась копия. Воеводе предписывалось дать для топления школы дров, к караулу школ определить трех солдат, в год давать три стопы бумаги, с ноября по февраль — по 10 свечей на день, кроме выходных и праздничных дней; отвести учителю и ученикам квартиры. Отмечалось, что норма жалованья учителю была определена указом Штатс-контор-коллегии, при выдаче свидетельственных писем учителю разрешалось отпускать учеников домой, по желанию — власти могли определить их к делам².

В наказе учителю, врученном перед отъездом, точно обозначался круг детей, подлежащих обучению, — дьячих, подьяческих, поповых, церковничьих и монастырских слуг, высылаемых воеводой, от 10 до 15 лет; посадских и прочих — по желанию, кроме дворян. Подробно излагалась программа обучения — все разделы арифметики, начиная с первых действий с числами, включая тройные правила, десятичный счет, вычисления радиуса квадрата и куба, геометрия, тригонометрия. При выдаче свидетельствованных писем учителю брать за учение по рублю с человека. Нежелающих учиться «наказывать ... школьными

---

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. С. 320—321.

² См.: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 65—69.

наказаниями», пойманных в побеге, уличенных в воровстве — отсылать для наказания к воеводе.

Учителю разрешалось отпускать учеников домой «для самых нужд на не великое время ... на месяц и на два, с ведома воеводскаго», с паспортом. Приказывалось рапортовать по третям года в Морскую академию об учениках: их количестве, возрасте, в каких науках и сколько обучается, были ли в отпусках и прочем. Последним, 7 пунктом, предписывалось: «учить учеников с прилежанием и во всем поступать так, как надлежит доброму и честному человеку, опасаясь за не исправление надлежащего штрафа и наказания»¹.

Как видим, роль Морской академии и местной провинциальной власти как регуляторов деятельности школ была весьма ограниченной — со стороны власти обязанности заключались в сборе учеников, выделении помещения, дров, свеч, бумаги и солдат для караула, выдаче паспортов для отпуска домой, при желании разрешалось использовать выпускников в интересах провинции. Академическое начальство отправляло учителя, в наказе ему кратко расписывало программу обучения, определяло права учителя — выдавать письма об окончании обучения и самому выпускать этих учеников из школы, отпускать в длительный отпуск (с ведома воеводы), наказывать учеников. При этом обязывало составлять и отправлять академическому начальству ведомости об учащихся по третям года, наличие которых и позволило Адмиралтейской академии составить свое обобщающее эти данные «ведение» в 1726 г. Особый интерес представляют сведения о длительности отпуска, становится понятным, почему многие ученики после него покидали школу — успевали расслабиться дома и не горели желанием возвращаться в тяжелую атмосферу школьной жизни.

Третий документ, опубликованный В. Шишонко, — указ воеводы Соликамской провинции полковника М. И. Вадбольского от 9 августа 1723 г. рентмейстеру о выдаче Жеребцову денег. С апреля по июль, на 122 дня, ему полагалось дать по гривне на день, итого 20 руб. 2 гривны, и вычесть на госпиталь по 2 коп. с рубля². Таким образом, мы получаем дату начала деятельности школы — с 1 апреля 1723 г. и размер годового жалованья учителя цифирной школы — более 60 руб. в год, весьма достойный!

---

¹ Шишонко В. Материалы для описания развития... С. 66—67.

² Там же. С. 68.

Сравнение организации цифирных и горнозаводских школ позволяет дать высокую оценку роли уральского горного ведомства: хотя основы деятельности цифирных школ регламентировались на законодательном уровне и активную роль в этом играл Сенат, постоянные изменения состава учащихся в них, передача управления школами от одного госоргана другому при отсутствии их прямой заинтересованности в выпускниках (Сенат, Адмиралтейская коллегия, Синод с 1726 г.) привели к сокращению сети этих школ и учащихся в них. Регламентация их деятельности осуществлялась слабо на всех уровнях, прямая заинтересованность местных органов в отношении сбора учащихся в школы отсутствовала, население также игнорировало возможность обучения детей в них, в первую очередь отпугивало расположение школ вдали от места жительства и отсутствие какой-либо материальной поддержки детей со стороны властей. На наш взгляд, сказывалось и полное отсутствие со стороны властей мотивации учащихся к обучению.

Какие же особенности мы можем выделить в отношении горнозаводских школ по сравнению с цифирными? Во-первых, наличие острой заинтересованности горного ведомства в подготовке кадров для трех действовавших и начавших строиться новых заводов. Нужны были молодые люди, знавшие грамоту и арифметику, для формирования кадров приказных служителей и обучения мастерству при контрактерах-иностранцах и специалистах из русских. Во-вторых, горное ведомство в лице В. Н. Татищева придавало особое значение мотивации учащихся: заинтересовывало их освобождением от рекрутской повинности, преимуществом при получении должности, привлечением к исполнению временных обязанностей во время обучения за дополнительную плату, например, для письма в Канцелярии и конторах, для записи выполняемых работ на строительстве заводов, в рудниках, у плавильных печей и т. д. В отличие от цифирных школ, в горнозаводских мы видим наличие при открытии школ широкой регламентации их организационных начал: расписывались обязанности заводского комиссара как среднего звена администрации, и управителей заводов, и учителей. При этом, благодаря В. Н. Татищеву, составлявшему эти указы, большое внимание уделялось формулировке норм, касающихся нравственного воспитания учеников, обучения их хорошим манерам поведения, гигиены, была подробно прописана роль учителя в этом воспитательном процессе.

Если воеводы могли при желании использовать выпускников школ в интересах провинции, то горное ведомство боролось за каждого ученика, чтобы он не покинул обучение, предпринимало меры по возвращению таких на школьную скамью, назначало их на те или иные свободные должности писчиков, заводских учеников и т. д.

А вот вопрос с назначением учителей и оплатой их труда был решен гораздо лучше в цифирных школах, чем в арифметических горнозаводских. На Урале в арифметических школах пришлось использовать учителей-совместителей, заводских шихтмейстеров, без какой-либо дополнительной оплаты труда, с 1723 г. в Уктусской школе учитель стал «освобожденным», но жалованье его составляло 24 руб. в год — против 60 руб. в цифирных. С завершивших обучение в цифирной школе учитель получал с ученика 1 руб. дополнительно к своему жалованью, в горнозаводских — за арифметику мог иметь 50 коп., за геометрию — 1 руб., но эта норма была введена лишь в октябре 1723 г., новым Наказом заводскому комиссару.

Архиерейские школы духовного ведомства в России

В 1721 г. в результате церковной реформы церковь стала составной частью государственного аппарата, и правительство приступило к организации специальных школ для детей духовного ведомства. Духовным регламентом 1721 г., принятым 14 февраля 1721 г. и опубликованным 16 сентября того же года, церковная служба провозглашалась недоступной для тех, кто не прошел обучение в этих школах, вводилось требование оставаться в школах до завершения образования, подробно расписывалась организация обучения и воспитания будущих священнослужителей¹.

Обучаться они должны были за счет епархиальных средств, на родителей возлагалось лишь обеспечение детей одеждой. В пользу школ устанавливался специальный сбор с епархий: 20-й доли хлеба с монастырей и 30-й доли с церковных земель, но эти доходы далеко не всегда были достаточными, поэтому число учащихся невольно ставилось в зависимость от их наличия, и иногда школы приходилось закрывать, в некоторых епархиях по этой причине их вообще не удалось открыть.

---

¹ ПСЗРИ. Т. 6. № 3718.

Синод сразу же начал хлопоты об избавлении детей духовенства от приема в цифирные школы. Подал докладные пункты Петру I, среди них пункт 10-й касался вопроса обучения детей духовенства в школах других ведомств: «О поповских и причетнических детях, по прежним указам в арифметическая школы и к прочим светским наукам спрашиваемых, требуется определение, дабы им от оных быть свободным, понеже по Духовному регламенту определено таких церковнических детей учить в архиерейских школах». Петр I своей «высочайшей» резолюцией 19 ноября 1721 г. повелел: «Быть так»¹.

Указом Синода от 31 мая 1722 г. «О воспитании детей духовнаго звания в школах при домах архиерейских»² определялся состав учащихся начальных школ при архиерейских домах: учить предписывалось «протопопских, поповых, диаконовых и причетнических детей, которые... на убылые места в священнослужители произведены быть надлежат... с семилетнего возраста»; излагалась программа обучения — чтению и письму, желательна и арифметике с основами геометрии. Предписывалось их «к светским наукам, которые светскими командиры спрашиваются, не отдавать». Синод отмечал, что хотя прежними указами 1714, 1716 и 1720 гг. до появления Синода в арифметические школы эти дети и спрашивались, но по Духовному регламенту они должны учиться в архиерейских школах, и об этом сказано в резолюции Е.И.В. 19 ноября 1721 г. на докладные пункты Синода.

При этом Синод ссылался и на утвержденное императором 4 апреля 1722 г. мнение Сената о том, что детей протопопов, попов и дяконов, действительно служащих у церквей, уволенных от уплаты подушной подати, «учить в школах и производить на убылыя места в попы и во диаконы»³. Отмечалось, что Духовным регламентом тех, кто в архиерейских школах учиться не будет, в священнический чин поставлять епископам «жестокко запрещено». Синод предписывал: «объявить коемуждо архиерею во всей своей епархии церковникам указами, дабы они знали, что дети их от вышеозначенных арифметических школ и прочих светских наук, вышеобъявленным Его

---

¹ ПСЗРИ. Т. 6. № 3854.

² Там же. № 4021.

³ См.: Там же. № 3932.

Императорского Величества именованным указом, по докладным Синодским пунктам, свободны учинены»¹.

8 октября 1722 г. Сенат своим коротким указом, состоявшим из одного развернутого предложения², ссылаясь на высочайше утвержденные докладные пункты Синода 1721 г., приказал: «детей действительно служащих попов и церковных причетников, годных в школу, по Духовному регламенту учить в архиерейских школах, а в арифметические школы и к прочим светским наукам не спрашивать».

Но, судя по указу Синода от 30 ноября 1722 г., эти предписания на местах не везде исполнялись, в октябре 1722 г. в Синод поступило доношение Иосифа, архимандрита Никитского монастыря Переяславля-Залесского. Он писал: 3 октября прислан указ из Канцелярии воеводского правления города Переяславля-Залесского, требующий учителю Якову Степанову отвести, «где надлежит», помещение для школы, чтобы учить цифири и части геометрии дьячих, подьяческих, церковничьих и монастырских слуг детей. Архимандрит жаловался: «также де Переславской десятины всех церквей попов и дьяконов, и всякаго церковнаго причета людей, в поставке детей их ради обучения во оную школу таскают непрестанно».

Синод не мог не отреагировать на это, и указом от 30 ноября 1722 г. предписал: «принуждаемых к навигацким наукам поповых, дьяконовых и причетнических детей ко обучению цифири и геометрии, как губернаторам и воеводам, так и посланным в губернии и провинции навигацких наук учителям силою не принуждать и синодальным управителям не отдавать, также и оных церковников, в поставке тех своих детей во онья навигацкия школы к светским командам, тем командирам отнюдь не иметь, и духовным управителям в том их оберегать; а учить оных церковнических детей в школах же архиерейских».

Констатировалось, что требования «светской команды» об отдаче этих детей в цифирную школу «не малую наносит обиду» церковному чину, как и требование предоставить подьячих синодального ведомства к переписи населения, проводимой светскими учреждениями. Поэтому Синод постановил: «требовать надлежащей

---

¹ См.: ПСЗРИ. Т. 6. № 4021.

² Там же. № 4105.

сатисфакции, дабы и другие таковые синодской команды таких напрасно обид не чинили, сообщить в Правительствующий Сенат ведение».

Если до издания Духовного регламента крупные школы открывались в отдельных епархиях по инициативе митрополитов — Дмитрием Ростовским в Ростове в 1702 г., Филофеем Лещинским в Тобольске, Иовом в Новгороде и многих других городах¹, то после 1721 г. в течение четырех лет архиерейские школы были открыты в 13 епархиях.

На Урале первая такая школа была открыта в Вятке в 1723 г. Сведения о ней на основе архивных документов приводятся в статье, посвященной Вятской духовной семинарии². На запрос Синода 1727 г., заведена ли в Вятской и Великопермской епархии школа на основе Духовного регламента, епископ Алексей ответил: «школа при его доме имеется и в нее еще с 1723 г. набрано 35 человек священнических и церковнических детей», которые обучаются «славенской азбуке, часослова, букварей, псалтири и писать, а другим наукам не обучаются», поскольку «таких учителей в Вятской стороне не обретается». Именно с этой школой соперничала Кунгурская арифметическая, открытая раньше, в 1721 г., куда власти набирали уже обученных грамоте детей Кунгурского уезда, входившего в Вятскую провинцию.

Восточная часть Урала, где располагались казенные заводы, входила в состав Сибирской губернии и, соответственно, Сибирской и Тобольской епархии. Наиболее подробные сведения о школах Тобольска приводит А. Н. Копылов в своей известной монографии, посвященной культурной жизни Сибири³. Он цитирует доношение воеводы Тобольска М. Я. Черкасского от 2 июля 1702 г. главе Сибирского приказа А. А. Виниусу, из которого ясно, что Виниус 6 апреля 1721 г. своей грамотой повелел воеводе пригласить для обучения грамоте «детей поповских и дьяконских и иных охочих людей» распопа Григория Дровнина из Томска. У томского воеводы

---

¹ См. об этом: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб, 2001.

² История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 1. С. 6—10.

³ *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 49—53.

сразу же запросили этого распопа с братом Василием, возвели здание для училища близ Троицкой церкви на территории кремля, собрали в него детей у тобольских дворян, детей боярских и прочих чинов. Эта начальная светская школа, открытая М. Я. Черкасским, в 1701—1702 гг., по мнению А. Н. Копылова, «была не только первой в Сибири, но одной из первых в России, а по составу учащихся, кругу изучаемых предметов и юридическим нормам содержания учеников она предвосхищала цифирные и гарнизонные училища»¹.

Но прибывший в 1702 г. в Тобольск митрополит Филофей Лещинский потребовал перевести школу к нему на Софийский двор, отверг прежних учителей, поэтому воевода М. Я. Черкасский открыл в Тобольске новое училище, где в апреле 1702 г. Дровнины начали обучать 96 человек, помимо детей духовенства, славянской грамоте и латыни, с мая ввели арифметику, потом геометрию, фортификацию и артиллерийское дело, которые преподавал приглашенный пленный швед Антон Деловал. Дровнину платили 60 руб. и 60 четвертей ржаной муки, 20 четвертей овса и муки овсяной, его брату-помощнику — 20 руб., ржаной и овсяной муки по 30 и 20 четвертей соответственно. Кроме того, на двоих выдавали 40 пудов сала в год. Деловал получал «поденный корм», по 10 коп. в день — 36,6 руб. в год. Ученикам, «дворянским и казачьим детям», 120 человекам, выдавали поденное «кормовое жалованье» по 3 деньги (1,5 коп.)².

Параллельно в Тобольске начала действовать школа и при архиерейском дворе. По заданию Филофея из Киева, из Печерского монастыря, было доставлено в Тобольск 206 книг — часословов, псалтирей, грамматик, акафистов, служебников и пр. Из Киева же прибыли в качестве учителей четверо иеромонахов и двое монахов. Двое из них трудились в Тобольской школе с 1703 по 1706 г., потом были отпущены в Киев. Обучались здесь только дети церковнослужителей. На запрос Синода в 1727 г. сообщалось, что из 33 человек, обучавшихся в 1703—1726 гг. в архиерейской школе, 5 выучили букварь, малый часослов, псалтирь и, помимо чтения, учились петь; 14 обучались «десятословию и грамматике», 14 — «одному десятословию». Из них 29 поступили на должности дьяконов и причетников³. В этой школе подлежали обучению и дети

¹ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. С. 52.

² Там же. С. 50—52.

³ Там же. С. 53.

церковнослужителей из заводских поселков и слобод Урала, которых горнозаводское ведомство забирало в свои школы и отвергало притязания духовных властей Сибирской и Тобольской епархий на них. Ту же борьбу с властями Вятской и Великопермской епархии мы наблюдали в отношении учащихся Кунгурской школы.

По нашему мнению, в первой четверти XVIII в. уральские горнозаводские школы были более успешными, чем близлежащие архиерейские. Детей церковнослужителей в горнозаводских школах оказалось существенно больше, чем в архиерейских. Они находились гораздо ближе к месту жительства детей, чем школы духовного ведомства. От Кунгура до Вятки и от Екатеринбурга до Тобольска расстояние было одинаково большим, в современных мерах — более 576 км. Горное ведомство очень активно забирало детей церковнослужителей, проживавших на территории заводских поселков и приписных слобод, в селах и острожках Кунгурского уезда, опережая действия духовных властей, тем более что в Вятке школа открылась лишь в 1723 г., и в ней, и в Тобольской учеников было мало, обучались они лишь грамоте. Архиерейские школы, в отличие от горнозаводских, формировались как сословные, горнозаводские же были всесословными, и дети церковнослужителей, обучившиеся в них, по сути, переходили в новую социальную категорию — людей приказных и заводских мастеровых, наиболее способные поднимались и выше, в горные офицеры.

Гарнизонные школы Российской империи

Создание Петром I в первой четверти XVIII в. регулярной армии потребовало изменений в подготовке ее состава, начиная с офицерских кадров, кончая рядовыми солдатами. Поэтому неслучайно появление в эти годы гарнизонных школ, предназначенных для детей солдат и находившихся в ведении Военной коллегии.

Гарнизонные школы успешно развивались на протяжении всего века, стали наиболее распространенным видом начальных учебных заведений России, готовили грамотных солдат, а также унтер-офицеров, писарей и квалифицированных ремесленников для нужд армии. Действовали они при гарнизонных войсках, созданных Петром I для внутренней службы в городах и крепостях. Как отмечал Л. Г. Бескровный, эти подразделения играли роль учебных войск,

поставляли в полевую армию обученный контингент, являлись резервом для пополнения полевой армии; в пограничных областях выполняли функции полевых войск, особенно на Украине и в Прибалтике¹.

Первым документом, положившим начало организации гарнизонных школ, стал указ 1721 г., отсутствующий в ПСЗРИ, упоминание о нем имеется в тексте другого законодательного акта от 21 сентября 1732 г.: «в прошлом 1721-м году по с[ос]тоявшемуся в Военной коллегии указу учреждены в гарнизонах школы, в которых определено иметь по пятидесят вакантей, а на той сумме содержать в науках малолетних салдацких детей от каждого полку по пятидесят человек»².

Это тот самый указ, упоминаемый в дореволюционной и советской литературе без ссылок на источник и без указания авторства. Вероятно, он был издан Военной коллегией во исполнение личного распоряжения Петра I. В этом же законодательном акте 1732 г. присутствует и более точная информация о дате его издания. В связи с запрещением офицерам и писарям брать плату за обучение от малолетних детей, оговаривалось: «по силе указов 1721 мая 31 и 1727 годов марта 2 чисел... понеже тот их труд вменяется им в службу»³.

Географию расположения первых гарнизонных школ можно установить на основе высочайше утвержденного штатного положения о Генералитете, Генеральном штабе, полевой армии и гарнизонных полках, или «Табели о полевой армии и гарнизонных полках...» от 9 февраля 1720 г.⁴ В «Таблице VI. Общия суммы на содержание войск» отмечается: «Гарнизонные полки, по докладной выписке, размеченной собственною Его Царскага Величества рукою в Военной Коллегии, распределены по следующим местам...» и далее перечислены пехотные гарнизонные полки 1 разряда: В Санкт-Петербурге 4, на Котлине острове или в Кронштадте 2, Выборге 3, в Нарве 1, Ревеле 4, Рижской губернии 6, в Шлиссельбурге и Кексгольме по одному батальону. Гарнизонные полки 2 разряда

---

¹ Бескровный Л. Г. Военные школы в России первой половины XVIII в. // Ист. записки. 1953. Т. 42. С. 44, 46.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 7 об.

⁴ ПСЗРИ. Т. 43. № 3511. С. 15—38.

подлежали размещению следующим образом: в Московской губернии — 1 драгунский и 3 пехотных; в Азовской — 1 драгунский и 5 пехотных, в Сибирской губернии — 1 драгунский и 3 пехотных, в Астраханской — 1 драгунский и 4 пехотных, в Киевской — 5 пехотных, в Глуховской — 2, Архангелогородской и Смоленской губерниях — по 2 пехотных полка. Таким образом, при каждом из этих полков и должны были освобождаться по 50 вакансий для содержания школьников — детей солдат.

Только в 1732 г. гарнизонные школы получили детальную регламентацию в отношении программ обучения, социального состава учащихся, материального обеспечения со стороны специальной Военной комиссии. Комиссия начала свою работу с затребования справок о переменах в области военного дела, произошедших после издания Военного устава 1716 г.¹

К осени 1732 г. Военная комиссия подготовила свои предложения в отношении гарнизонных школ, обсудила их с Военной коллегией, их «Рассуждение» рассмотрел Сенат и со своими замечаниями преподнес для подписания Анне Иоанновне. 21 сентября 1732 г. императрица утвердила «Рассуждение» Военной коллегии и Военной комиссии о солдатских детях, предварительно согласованное с Сенатом. К сожалению, составители ПСЗ не внесли этот важнейший в плане регулирования организации гарнизонных школ документ в собрание.

В Государственном архиве Свердловской области автором выявлена полная копия этого документа, высланная в октябре 1738 г. из Сибирской губернской канцелярии в Канцелярию Главного заводов правления при промемории². В последней сообщалось, что в губернскую канцелярию копия документа поступила 20 января 1733 г. при указе Военной коллегии³. Отсюда следует, что этот законодательный акт не публиковался, рассылался по учреждениям в рукописном виде и в уральскую Канцелярию поступила копия с копии.

«Рассуждение» имеет сложную структуру, состоит из 17 пунктов. В пункте 1-м «Рассуждения» приводятся сведения, касающиеся

---

¹ См. об этом: Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 173—197.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 1—16.

³ Там же. Л. 2—2 об.

истории гарнизонных школ, извлеченные из справки, составленной для работы комиссии. Как уже отмечалось, излагалась суть указа, состоявшегося в Военной коллегии в 1721 г. об учреждении гарнизонных школ, выделении по 50 вакансий в каждом гарнизонном полку и содержании на этих суммах малолетних солдатских детей. Далее приводились данные о числе учащихся гарнизонных школ без указания точной даты: при остзейских 20 полках — 1 000 школьников, в 29 полках и 1 батальоне, расположенных в Московской и прочих губерниях, — 1 475 человек, итого 2 475.

В справке имелись и более свежие сведения: «а ныне по присланным от команд репортам в тех гарнизонных школах имеется во обучении салдацких детей в остзейских — 730, Московской и протчих губерней — 1 207, итого — 1 937 [человек], да не определенных в те школы и не положенных в подушной оклад по репортам прошлых 1730 и 1731 годов в полевых драгунских и пехотных полках — 1 872, да в гарнизонных — 2 691, да в губерниях и правинциях при отцах и матерях, и у помещиков — 3 461, итого 8 024 человека». В том числе в возрасте от года до 7 лет — 4 664 детей, от 7 до 15 лет — 2 274, от 15 до 20—30 лет — 1 086. Комиссия признавала: приведенные данные не окончательные, «а может быть есть и больше того числа и впредь от времени до времени могут и умножаться». Чуть ниже в тексте опять делалась оговорка: «*Понеже нет точного известия, во всех ли местах имеются школы...*» [курсив наш. — А. С.]. Эти оговорки позволяют сделать вывод, что сама Военная коллегия в 1730—1731 гг. не располагала абсолютно точными данными о действующих гарнизонных школах, отчетность о них еще не была полностью налажена.

Поскольку число детей школьного возраста, оставшихся за порогом школы, превосходило число учившихся (2 274 против 1 937), Военная коллегия и Воинская комиссия предлагали: иметь в гарнизонных и пехотных полках дополнительно к 50 вакансиям еще по 14 на полк, на роту — по 8 вакансий, чтобы содержать на эти суммы школьников: в остзейских 20 полках — по 72 ученика на каждый полк, в прочих губерниях при 29 полках и 1 батальоне — по 80 учеников, чтобы во всех гарнизонных школах было по 4000 человек, т. е. число школьников могло вырасти более чем в 2 раза. Увеличение числа учащихся мотивировалось тем, что столько рекрут с народа не собрать, да и для уравнивания рот во время генеральских инспекторских смотров будет неплохо. Примечательно, что военное ведомство

предложило иметь по 64 вакансии для школьников не только при гарнизонных, но и при пехотных полках, но все конкретные цифры по-прежнему касались лишь гарнизонных войск. Вероятно, союз «и» появился при переписке копии, отсюда и неожиданное искажение смысла документа.

В пункте 2-м «Рассуждения» 1732 г. определялся возраст учеников гарнизонных школ и устанавливалась первоочередность записи в школы. Предлагалось принимать детей от 7 до 15 лет, поскольку младше 7 дети «к наукам не так способны». При этом если у родителей еще имелись дети, то полагающееся жалованье на школьника предлагалось давать им на руки, чтобы могли и младших прокормить, государству от этого убытка не будет — суммы не будут превосходить полагающихся штатных. У которых же учеников родители будут «худого состояния» и полагаться на хорошее содержание их детей «надежд иметь не можно» или отцов и матерей в тех гарнизонах, где действуют школы, не будет, получать денежное жалованье, провиант и мундир на них предлагалось определенным к школам офицерам. Последние должны были заботиться о содержании детей «в добром порядке и в обучении попечение иметь», «приход и расход держать со смотрением, дабы детям не в чем нужды не было».

Оговаривался и вопрос о контроле за школами: «каким образом оным офицером в вышеписанном поступать, о том дать инструкцию из Военной коллегии и сверх того за теми офицерами крепкое надзирание иметь генералом, губернатором, обер-комендантом и комендантом, а особливо генералу-инспектору и воинским инспектором». Чтобы дети получали жалованье, провиант и мундир «сполна и в свое время», предлагалось в гарнизонных канцеляриях отмечать в приходно-расходных книгах погодно и счета отсылать для свидетельства в генеральный кригс-комиссариат.

Устанавливался такой порядок приема детей в школы: на свободные места предписывалось зачислять в первую очередь детей-сирот, затем тех, где в семье двое-трое детей, а пропитание малое; единственного же ребенка, которого могли прокормить родители, оставлять дома «до будущих вакансий». «По прошениям их, хоть будут и сверх вакансий, обучать на собственном их пропитании». Эту нечетко сформулированную фразу следует, видимо, понимать так: при желании родители могли отдать ребенка в школу, но без получения какой-либо материальной поддержки. Прилагалась табель для

утверждения норм денежных сумм, провианта и вещевого довольствия для школьников¹.

Предписывалось, в тех местах, «где оных школ и удобных свободных домов не имеетца», главным командирам силами солдат такие дома построить «в удобных местах...по препорции учеников», железо, стекла, печи и т. п. «готовить из ...фортификационных ваканционных сумм» (пункт 4-й).

Большое внимание Военская комиссия и коллегия уделили разработке программы обучения: она расписывалась на трех листах (пункты 5—7). Сначала все школьники должны были учиться читать и писать, солдатским эскерцициям и арифметике. По овладении этими «науками» в каждом полку предлагалось специализировать обучение 50 учеников, разделив их на группы. Первые 10 человек обучать геометрии, артиллерийской и инженерной «наукам», «выбирая, которыя будут к тому обучению способнее». Вторая группа в 20 человек должна была учиться «писать и петь, и музыке на боях, на трубах и валторнах... на старых полковых инструментах, которые при тех школах содержат, ис таких, коим в полках сроки минуют, а для обучения будет еще годен». Третью группу (10 человек) предлагалось учить слесарному мастерству, и десятерых же содержать при гарнизонной канцелярии «у воинских дел... для науки писарской должности, кто [к] тому охоту возымеет и достоин будет».

Остальные школьники должны были продолжать обучение чтению и письму, по достижении 15-летнего возраста распределяться в армейские и гарнизонные полки по усмотрению генералитета. Характерна оговорка: тех, кто к 15 годам «хотя совершенно не обучится, а охоту иметь будет» и товарищей остротой ума превосходить будет, «и можно на них надежду иметь, что они те науки совершить могут», оставлять в школах до 18 лет. Подробно расписывалось, чему и кому обучать детей: 1) чтению, письму и пению ротным писарям «или кто тому искусен»; 2) солдатской эскерциции — определенным к тому унтер-офицерам, 3) арифметике, артиллерии, инженерному делу — имеющимся в тех гарнизонах офицерам полевых и гарнизонных полков, которые те науки знают, если таковых не найдется, то «артиллерии инженерным обер- и унтер-офицерам». Офицерам и писарям запрещалось брать плату за

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 16 об. —23.

обучение от малолетних детей, так как «по силе указов 1721 г. мая 31, 1727 г. марта 2 ... этот труд вменяется им в службу»¹.

Известный исследователь специальных военно-учебных заведений В. Н. Бенда в статье «Гарнизонные военные школы в XVIII в.»² пишет, что они открывались и ранее 1721 г., и, ссылаясь на статистическое описание России И. А. Кирилова (с. 19), сообщает, что «в 1717 г. в Петербургской гарнизонной школе имелось 159 учеников, из них обучалось арифметике, письму и пению — 80 человек, словесной науке — 18, писать совершенно обучались — 8, игре на гобоях — 40 и на флейте — 12», но у Кирилова такие данные отсутствуют. Автор приводит конкретные данные о материальном обеспечении учащихся гарнизонных школ, но, к сожалению, без оговорки, к какому году они относятся, поэтому мы не можем воспользоваться ими в отношении школ первой четверти XVIII в.³

Поскольку содержание указов о гарнизонных школах 1721, 1727 гг. неизвестно, попробуем провести хотя бы общее сравнение гарнизонных школ с горнозаводскими. Ясно, что они появились в России как особый вид начальных школ в 1721 г., их открывалось сразу же 17 при соответствующих полках, они располагались даже на большей территории страны, чем цифирные. На уровне высшей власти было определено их количество, конкретные места расположения, количество учащихся в каждой из школ — по 50 человек, сумма на их содержание.

Отсюда следует, что все учащиеся находились на казенном содержании, получали питание и обмундирование, как и солдаты. В этом отношении солдатские дети находились, безусловно, в лучшем положении, чем учащиеся горнозаводских школ, их, вероятно, и кормили организованно, как солдат, им не приходилось задумываться, как раздобыть еду. Они и жили неподалеку, в семье либо в казенных помещениях вместе, а не на квартирах, снимаемых по договору у чужих людей.

---

¹ Подробнее см. об этом: *Сафронова А. М., Кравченко О. С.* Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 173—197.

² *Бенда В. Н.* Гарнизонные военные школы в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 4. Ч. 2. С. 33—36.

³ *Бенда В. Н.* Гарнизонные военные школы в XVIII в. С. 33—34.

По-видимому, программа обучения солдатских детей до 1732 г. ограничивалась чтением, письмом, арифметикой и солдатскими экзерцициями — военными упражнениями. Письму обучали свои писари, арифметике, возможно, и унтер-офицеры или рядовые, владеющие ее основами, и это входило в их обязанности по службе. В этом гарнизонные школы были схожи с горнозаводскими. Главное, те и другие школы являлись ведомственными, и ведомства использовали обученное молодое поколение в своих интересах. Только до 1725 г. военные власти наверняка оставляли за порогом школы большинство детей солдат из-за ограничения числа принимаемых на обучение 50 штатными единицами, горное же ведомство, остро заинтересованное в заполнении контор и заводов обученными молодыми людьми, стремилось охватить как можно больший круг детей и подростков школьным обучением.

Адмиралтейские школы

С начала XVIII в. открывается еще один вид начальных учебных заведений — адмиралтейские школы для обучения грамоте и арифметике детей рядовых служащих флота. Инициатором их открытия, как и цифирных, и гарнизонных явилась высшая власть. Петр I указом от 28 ноября 1717 г. повелел: «Боцманскому, артиллерийскому, навигации и солдатскому, плотничьих матросских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири. Сие чинить Г. генерал-майору Чернышеву»¹.

Из текста этого указа следует, что школы должны были выпускать детей мастеровых морского ведомства, овладевших грамотой и арифметикой, для дальнейшего использования в различных сферах морского дела после соответствующего профессионального обучения. Требование об обучении детей мастеровых в школах было подтверждено «Регламентом о управлении Адмиралтейства и верфи» — Адмиралтейским регламентом от 5 апреля 1722 г, его 60-м артикулом, который гласил: «Плотничьих и прочих мастеровых людей детей надлежит обучать граммате, цифири, и плат-геометрии, дабы потом могли добрыми мастеровыми быть. Для чего особливую школу иметь»². Эти школы находились в ведении Адмиралтейской

---

¹ ПСЗРИ. Т. 5. № 3122.

² Там же. Т. 6. № 3937.

коллегии, созданной указом Петра I в декабре 1717 г. под руководством Ф. М. Апраксина. Школами ведала Адмиралтейская контора, подчиненная директору Морской академии Г. Г. Скорнякову-Писареву.

По истории этих школ имеется исследование А. А. Бурова, который широко использовал многотомное издание документов, относящихся к деятельности русского флота с 1702 по 1801 гг.¹, а также архивные документы РГАВМФ, отложившиеся в фондах Адмиралтейской коллегии и Адмиралтейской канцелярии. На основе этих документов А. А. Буров раскрыл все основные вопросы деятельности адмиралтейских школ, показал, что в первой четверти XVIII в. они были открыты в 1719 г. в Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Таврове; в 1722 г. — при Петербургской партикулярной верфи, ранее 1726 г. — в Сестрорецке, в 1726 г. — при Охтенских поселениях, в 1727 г. — в Казани².

Как следует из работы А. А. Бурова, первая школа, появившаяся в 1719 г. в Санкт-Петербурге, была самой крупной, в нее было записано 187 человек. Большой интерес представляют данные об их социальном составе: «всяких мастеровых людей детей» 126 человек, «сверх...рописи» явилось еще 26, из недорослей — 4, детей поручиков — 5, из нижних чинов — 4, «вольных» — 3, пушкарей — 1, «разных господ детей» — 7 человек. Т. е. дети крепостных обучались вместе с детьми дворян и офицеров, хотя абсолютное большинство составляли дети мастеровых, как и в горнозаводских школах. Из них в феврале 1723 г., т. е. через 4 года, обучилось читать и писать 14 человек, и они были переведены в цифирную школу, в том числе 4 недорослей. В цифирной школе в декабре 1724 г. обучалось 56 человек в возрасте 11—20 лет, но дворян среди них не было, они по окончании словесной переводились в Морскую академию³.

А. А. Буров сообщает, что Адмиралтейская коллегия указом от 20 декабря 1723 г. запретила плотникам Адмиралтейства увозить с собой детей при направлении их в другие порты на работы. Только

---

¹ Материалы для истории русского флота: в 17 томах. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1865—1904.

² См.: Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957. С. 11—12.

³ Там же. С. 16—18.

после открытия школ адмиралтейского ведомства в других городах это запрещение было отменено¹. Такую политику можно расценивать как заинтересованность центрального органа управления флотом в выпуске грамотной молодежи из школ и использовании их в своих интересах, но игнорирование при этом семейных связей, полностью нарушавшихся из-за больших расстояний портов и верфей от столицы, являлось проявлением жестокого отношения к детям, интересы ведомства ставились выше личных, и в этом можно видеть еще одно проявление государственной политики того времени. Если Кронштадт располагался в 50 км от Петербурга, то Ревель (Таллин) — в 370 км, Тавров — близ Воронежа, а до него от Петербурга — более 1 200 км.

По данным А. А. Бурова, для Петербургской школы был характерен значительный отсев учащихся, объяснявшийся жестоким обращением морского ведомства с мастеровым людом: с января 1715 г. по 1 марта 1717 г. из Санкт-Петербургского адмиралтейства сбежало 1418 мастеровых, в том числе плотников — 1 208, умерло 258 человек².

Но вот материальная поддержка учеников была действенной: все они находились на государственном содержании, продовольствие выдавалось им из провиантской конторы Адмиралтейства и составляло половину солдатского пайка: муки — по четверику, круп — по малому четверику, соли — по фунту на месяц. Т. е. муки ученики имели по 1 пуду (четверик — $\frac{1}{8}$ четверти или 1 пуд), круп — по полпуда (малый четверик — $\frac{1}{2}$ обыкновенного), соли — 0,409 г. Учащиеся Петербургской школы получали и казенное обмундирование «против матросов 2-й статьи». Все эти расходы шли из бюджета Академической канцелярии. Солдатские дети, обучавшиеся в школе (51 человек) в 1720 г. имели более выгодное материальное обеспечение — муки по полуосьмине (по 2 пуда), круп по малому четверику (0,5 пуда), соли — 2 фунта, еще и денежное пособие — 40 коп. в месяц, т. е. 4 руб. 80 коп. в год³.

Ученики цифирной школы, 32 человека, в апреле 1724 г. подали челобитную на имя Петра I, жалуюсь на нехватку пропитания: перешли в арифметику, а оклад прежний, и пришли «в великую

---

¹ Буров А. А. Петербургские «русские» школы... С. 21

² Там же.

³ Там же. С. 22.

скудость, ноги и босы, а отцов у себя не имеем», и просили дать жалованье против солдатских детей, находившихся в ведении городской канцелярии. Челобитную отправили в Адмиралтейскую коллегию, полтора года длилась бюрократическая переписка, но с октября 1725 г. учеников словесной и цифирной школ приказали «довольствоваться при академии общею пищею», давать муку, крупу, соль на всех, «ученикам печь хлеба и варить кашу и довольствоваться». При Морской академии ученикам обеих школ открыли специальную столовую, где они все стали питаться. Им пекли хлеб, варили кашу и кормили по нормам, установленным в ходе двухмесячного пробного расхода продуктов. Варили пищу великовозрастные разночинцы, не успевавшие в науках. Шляхетские дети получали тот же паек, что и прочие дети¹.

Решили проблему и с одеждой, обувью, приказали дать «каждому по штанам козлиным, а буде козлиных не имеетца, то конефасным, по колпаку красного сукна, по башмакам, по чулкам серым и по две рубашки с порты, и по галстуку, сделав из простого холста, выдать от мундирной». Если башмаков по возрасту не найдется, сделать чеботарям сапоги из казенных материалов и впредь определенным в школы выдавать «однем разом» по тому ж².

А. А. Буров представляет интересные данные о проведении проверки учителей грамоты в Петербурге, устроенной вице-президентом Синода Феодосием. Проверку проводил назначенный инспектором учитель Троицко-Александровского монастыря И. Тихонов. Среди учителей столицы — бывшие дьячки, дьяконы, сыновья пономарей, бывшие архиерейские певчие. Из 13 учителей лишь двое получили инструкции по дальнейшей работе, а остальные обещали больше не заниматься частной практикой, и это в условиях столицы!³ Неудивительно, что на далеком Урале, на расстоянии от городских центров, невозможно было найти свободных людей для обучения грамоте в заводских поселениях.

И в Петербургской школе обучал дьякон, имевший оклад 6 руб. в год и муки 12 четвертей, т. е. 8 пудов в месяц, с 1724 г. жалованье увеличили до 12 руб. Опять-таки это было намного больше, чем у учителей горнозаводских школ (всего 9 руб. и без хлебной

---

¹ Буров А. А. Петербургские «русские» школы... С. 22—24.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 37.

составляющей). Арифметику и геометрию преподавали два выпускника Морской академии, имелись и трое надзирателей, назначаемых из школьников¹.

По приказу Петра I в Петербурге на Фонтанке в 1722 г. была построена Партикулярная верфь для строительства гражданских судов. При ней сразу же открылась своя словесная школа. Грамоте обучал местный дьячок, сдельно, получая за каждого обученного по 4 руб., набрано было 10 человек 7—12 лет, состав учащихся менялся, так как учащимся разрешалось приходить и уходить из школы в любое время года².

В 1723 г. Охтенские селения, созданные Петром I для вольных плотников у впадения реки Охты в Неву, перешли в ведение той же Партикулярной верфи. В 1724 г. из 824 семей плотников, привезенных и поселенных на Охте, за год бежало 127 семей, вымерла 91³.

В 1724 г. у плотников насчитывалось 312 детей от 7 до 15 лет, о них начальник верфи запросил Петра I, из каких средств содержать школу, если обучать их грамоте и арифметике, согласно Адмиралтейскому регламенту. Ответ последовал неопределенный и касался лишь книг: «Книги имат стары из Партикулярной верфи». В декабре 1724 г. контора верфи приняла решение о строительстве помещения для школы, летом 1725 оно было готово, но в школу разрешили набрать лишь сирот от 6 до 10 лет, самых бедных, не имевших пропитания. Список учеников был готов лишь в декабре 1726 г., и занятия начались с 27 учениками при 30 азбуках у дьячка местной церкви по тем же правилам оплаты труда — по 4 руб. за каждого обученного. При этом 23 человека, обученных чтению и письму, 19 — лишь чтению, ни в какую службу определены не были и продолжали жить в охтенских слободах. Только в 1732 г. последовало распоряжение об определении к делам обученных грамоте, причем с постепенным вычетом из жалованья затраченных на них сумм, и доучивании в школе овладевших лишь чтением⁴.

В Кронштадте школа была открыта в 1719 г., среди 90 ее учащихся 23 были детьми мастеровых — плотников, резчиков и др.; 39 — солдат, капралов, 26 — матросов, 2 — писарей. Обучались они только

---

¹ Буров А. А. Петербургские «русские» школы... С. 39—40.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 48—50.

грамоте с 6 до 10 лет, снабжались «общеею пищею, хлебом и кашею» и получали по 1 коп. в день «для лутчего их в малолетстве содержания». Надзиратель-воспитатель обязывался использовать денежное жалованье на улучшение питания детей, на одежду и обувь; следить за санитарным помещением, где жили ученики, и их поведением. В 10 лет учащиеся подлежали распределению к делам.

Появившаяся в Ревеле в том же году школа была открыта на базе бывшей Навигацкой. После перевода старших классов в Морскую академию в ней осталось 48 учеников, из них 45 учились читать и писать, 3 — арифметике. В этой школе обучалось и 16 детей иностранных специалистов, принявших русское подданство, — русской грамоте, арифметике и немецкому языку. Это были дети капитанов кораблей, лейтенантов, боцманов, шкиперов и мастеров корабельного дела¹.

В открытой в 1719 г. школе Таврова, в 7 верстах от Воронежа, в 1724 г. обучалось грамоте детей морских и адмиралтейских служителей 52 ученика от 5 до 22 лет, некоторые, уже умевшие читать, обучались письму, но они никакой материальной поддержки, даже дети-сироты, не имели. В Казани такая школа была открыта Адмиралтейством по ходатайству казанского вице-губернатора в январе 1726 г. и обучать грамоте вызвался один из плотников, присланных в Казань из Петербурга².

Таким образом, мы видим, что начальные школы адмиралтейского ведомства в первой четверти XVIII в. были в основном словесными, арифметике обучали лишь в Санкт-Петербургской и Ревельской. Первая была самой крупной, имевшей самый широкий состав учащихся как в социальном отношении — от дворян до крепостных, так и возрастном — от 5 до 22 лет. В других школах учили только грамоте, в основном детей мастеровых, трудившихся в портах и на верфях, на Охте были взяты сироты и дети из самых бедных семей, всего 27 человек 6—10 лет (из имевшихся 312 от 7 до 15 лет). В школу при Партикулярной верфи приняли 10 человек 7—12 лет; в Кронштадте — 90 детей в возрасте 6—10 лет, в Таврове — 52 ученика от 5 до 22 лет.

Видимо, ни Адмиралтейская коллегия, ни Академическая контора не издали какой-либо общей инструкции, регламентировавшей

---

¹ Буров А. А. Петербургские «русские» школы... С. 51—52.

² Там же. С. 52—53.

основы деятельности начальных школ, находившихся в их ведении. На практике руководствовались именным указом Петра I об обучении плотничьих, матросских и прочих мастеровых людей детей 1717 г., отсюда и пестрота в возрасте детей, принимаемых к обучению, различия в оплате труда учителей, нормах содержания учащихся. В качестве учителей использовались церковнослужители, исполнявшие эти обязанности параллельно с церковной службой.

Если сравнить адмиралтейские школы как вид учебных заведений с горнозаводскими, однозначно можно говорить об их лучшем финансовом, материальном обеспечении. Более высоким было жалованье учителей, ни в какое сравнение не шла материальная поддержка учащихся — и питанием, и обмундированием. В столице они питались при Морской академии, в столовой, им варили пищу, они имели набор одежды и обуви, получали его с момента поступления в школу. Учащиеся же горнозаводских школ имели жалованье не все, лишь сироты и взятые в школу из дальних мест, и только 1,5 пуда муки в месяц и 1 руб. в год на одежду и обувь. Зачастую вынуждены были сами хлопотать о выдаче жалованья, вместо хлеба могли получить деньги для приобретения муки. Заметим, в ряде адмиралтейских школ были надзиратели, следившие за обучением, проживанием учащихся, помогавшие им решать проблемы материального обеспечения, в этом тоже преимущество адмиралтейских школ. К сожалению, остается неизвестным, как происходило распределение этих учеников к делам. Вызывает удивление, что выпускники Охтенской школы, обученные грамоте, вообще оставались не у дел до 1732 г., как и обученные только чтению, что никак не могло произойти в отношении учеников горнозаводских школ.

Обратим внимание еще на одну школу, открытую при Олонецких заводах их главой В. И. Генниным, которого Петр I отправил в 1722 г. на Урал. В 1713 г. В. И. Геннин получил должность коменданта Олонецкого края и начальника Олонецких заводов, проявил себя как организатор и заводской специалист высшей квалификации, освоил технологию плавки железной руды из смеси разных ее сортов, наладил производство новой для России продукции из железа, но главной продукцией завода, находившегося в ведении Адмиралтейской коллегии, являлись якоря и пушки¹.

---

¹ См.: *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 9.

Именно В. И. Геннин основал первую в России заводскую школу при Олонецком заводе, на территории Карелии, в 1716 г. Об этой школе встречаются крайне скудные и противоречивые сведения, ее история, к сожалению, остается неизвестной. В «Очерках истории школы...» отмечается: «Адмиралтейская коллегия для обучения послала в школу первых ее учащихся — 20 подростков из бедных дворянских семей. Еще до открытия этой школы там же, на Олонецких заводах, учили горному делу юношей, мобилизованных правительством для работы на горных заводах, а также 12 воспитанников “из нижних чинов” Московской школы математических и навигацких наук доменному, кузнечному и якорному мастерствам. В ... школе учились и дети поселенцев новой Петровской слободы. В школе помимо письма и чтения изучалась арифметика, геометрия, артиллерия, горное дело»¹.

Двое из выпускников Олонецкой школы, Константин Гордеев и Никифор Клеопин, в 1722 г. прибыли с Генниным на Урал, став горными офицерами, связали свою жизнь с уральскими заводами. Как показал Н. Клеопин о себе: «будучи на оных [Олонецких заводах. — А. С.], обучили артиллерийскую науку и фортификацию... Работали у дела пушечных, мортирных, гоубичных и прочих чертежей и у пробы пушек, елико возможности нашей было, с прилежным трудом»². В справочнике об уральской администрации о Гордееве читаем: «В 1715 г. был отправлен в Санкт-Петербург на смотр дворянских детей. С 1715 по 1716 г. учился в Артиллерийской школе. В феврале 1716 г. по указу Адмиралтейской канцелярии был отправлен на Олонецкий завод в команду В. И. Геннина для обучения арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и фортификации»³. Ясно, что школа при Олонецком заводе, хотя и находилась в адмиралтейском ведомстве, была ближе по своей программе к горнозаводским, явилась их предшественницей.

---

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С. 31.

² *Корепанов Н. С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2014. С. 10.

³ *Цеманкова С. И., Черноухов А. В.* Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. С. 36.

Школы в городах в ведении магистратов

В феврале 1720 г. указом Петра I был основан Главный магистрат как высший орган городского управления Российской империи, призванный централизовать управление делами посадского населения в условиях роста торговли, промышленности и роли купечества в экономике страны. 16 января 1721 г. был утвержден «Регламент, или Устав Главного магистрата», под началом которого должны были действовать городские магистраты на местах — выборные органы местного самоуправления, созданные в основном в 1721—1722 гг.

Регламент имел специальную главу 21-ю «О школах». Приведем ее текст полностью: «Понеже академии и школы дело есть зело нужное для обучения народного, в чем уже по его царского величества высокому соизволению, и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дело по всей возможности в действо произвести; того ради надлежит магистрату учреждения того не пренебрегать, но по должности всякое к тому вспоможение чинить; а что до содержания малых школ принадлежит, в которых токмо читать, писать и арифметики обучатися будут, о том во всех городах магистратам самим иметь старание».

Ясно, что и новые органы управления посадским населением призывались высшей властью «иметь старание» к открытию в городах России «малых школ» для обучения грамоте и арифметике детей горожан. Учащимися этих школ в первую очередь могли быть дети приказных служителей различных канцелярий и контор и купцов. Эти школы только начали появляться в 1720-е гг.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. в Российской империи по инициативе и активной поддержке высшей власти произошло формирование и становление нескольких видов начальных учебных заведений. На законодательном уровне регламентировалась организация цифирных школ, гарнизонных, адмиралтейских, было инициировано формирование городских, находившихся в ведении магистратов. По инициативе В. И. Геннина и В. Н. Татищева были созданы первые горнозаводские школы при Олонецком заводе и горных заводах Урала, находившиеся в ведении Адмиралтейства и Берг-коллегии.

Основы деятельности уральских школ, в отличие от других видов начальных учебных заведений, были регламентированы целой серией наказов и указов, исходивших от начальника заводов В. Н. Татищева и заводской администрации, они успешно действовали. Местные

власти боролись за каждого ученика, принятого к обучению, организовывали постоянные пополнения школ, включали в число их учащихся наряду с детьми мастеровых детей приказных, разночинцев, детей духовенства и активно использовали этих учеников в интересах заводского ведомства.

Отметим и такую важную черту их деятельности — в них забирались все дети школьного возраста, проживавшие в заводских поселках, для обучения грамоте, кроме больных, забирались и из приписных к заводам слобод дети подьячих, церковнослужителей. В арифметические школы тщательно отбирались с этих же территорий дети, обученные грамоте. И хотя число учащихся уральских школ было намного меньше, чем в некоторых цифирных, архиерейских, гарнизонных, школах адмиралтейских, удельный вес детей, охваченных обучением, на горнозаводском Урале был намного выше, чем в других ведомствах, если учесть, что число подьячих, мастеровых, работных людей, числившихся при каждом из трех казенных заводов, согласно штатам 1723 г., составляло менее 100 человек.

В то же время число мастеровых, рядовых людей, матросов и пр. в Адмиралтействе Санкт-Петербурга в середине 1720-х гг. составляло, по нашим подсчетам, 8 828 человек¹, в школу же самого порта и верфи было набрано 197 человек. В школах Партикулярной верфи, на Охте было набрано при их открытии всего 37 учеников. Сколько же детей осталось вне этих школ? В тех же гарнизонных школах, по данным Военной коллегии, в 1730—1731 гг. число детей школьного возраста, остававшихся за порогом школы (2 274 человек), превосходило число учившихся (1 937).

Поэтому можно считать, что горнозаводские школы Урала заняли достойное место среди других видов начальных учебных заведений России первой четверти XVIII в., и усилия горного ведомства по их организации были не напрасны, они принесли хороший результат.

Школы выполнили свою задачу — сыграли важную роль в модернизации экономики Урала в период Петровских реформ. В них обучилось грамоте и основам математики более 260 представителей молодого поколения уральцев.

---

¹ См.: Кириллов И. К. Цветущее состояние Российского государства. С. 48–49.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Горнозаводские школы Урала, созданные в 1721 г., ровесники Российской империи, явились одним из новых видов начальных школ, знаменовавших своим появлением начало глубоких модернизационных процессов как в экономике, так и в социальной и культурной сферах страны. Они стали важной составной частью новой социальной инфраструктуры уральского региона, его культурного ландшафта.

Эти школы, словесные и арифметические, явились первыми государственными учебными заведениями в крае, где ранее основы грамоты и начала математики дети усваивали частным путем, за плату, у мастеров грамоты или вышедших в отставку лиц.

Если другие виды начальных школ России создавались по инициативе высшей власти, оформленной в виде издания законодательных актов, то школы при казенных заводах Урала были открыты по инициативе их начальника, Василия Никитича Татищева, который уже в первом доношении, отправленном в Берг-коллегию в 1720 г. по прибытии на Урал, поставил вопрос о необходимости подготовки собственных кадров для уральской промышленности и, не дожидаясь санкции центрального органа управления, сам приступил к организации словесных школ.

В. Н. Татищевым был создан региональный орган управления заводами, Канцелярия горных дел, были разработаны указы, регламентировавшие обязанности среднего звена управления в лице заводского комиссара, под началом которого находились управители заводов. И в этих указах выделены специальные главы, посвященные организации школ, — определены обязанности комиссара в отношении контроля за их деятельностью, обязанности учителей, программы обучения, состав учебных пособий, большое внимание уделено мерам по воспитанию учащихся, по формированию у них заинтересованности в школьном обучении. Открытие словесных школ В. Н. Татищев рассматривал не только как действенное средство

подготовки грамотных людей, необходимых заводам, но и важный способ формирования людей новой ментальности, способных иначе воспринимать окружающий их мир. Уже за короткий период пребывания на Урале в качестве начальника заводов (1720 — март 1722), являясь рядовым сотрудником под руководством генерала В. И. Геннина из-за жалобы Н. Демидова (до октября 1723), будучи допущенным к управлению (октябрь-ноябрь 1723), Татищев успел сделать очень многое для формирования и развития школьного образования в крае.

В течение 1721 г. были открыты словесные школы при обоих заводах, находившихся в ведении Берг-коллегии, Уктусском и Алапаевском, фактически была введена школьная повинность для детей приказных служителей, мастеров, подмастерьев, заводских работников и заводских учеников, т. е. всех жителей заводских поселков от 7 до 15 лет, обязанных учиться грамоте. С отказывавшихся посещать школы мальчиков с 8 лет вводился налог в пользу школ. В качестве учителей горное ведомство использовало дьячков, дьякона, отставных дьячков, заводских подьячих, которые обучали параллельно с исполнением своих основных обязанностей за небольшую дополнительную оплату. Сравнительный анализ фамилий учащихся, упоминаемых в десятках документов, позволил реконструировать состав учащихся Уктусской школы за 1721—1725 гг., выявить ежегодные пополнения ее новыми детьми, установить общее число детей, прошедших обучение грамоте — по меньшей мере 129 человек. Она стала главным центром подготовки грамотной молодежи. В Алапаевской школе, в связи с выявлением лишь одной ведомости, можно говорить об обучении в 1723 г. 35 человек и наличии еще нескольких человек, взятых учиться грамоте на Уктусский завод. Словесные школы сыграли важную роль не только в распространении грамотности среди молодого поколения заводских жителей, но и в качестве первой подготовительной ступени для перехода к овладению арифметикой.

Важным нововведением не только для Урала, но и России стало открытие школ в слободах, приписных к Алапаевскому заводу, и вслед за этим — попытка привлечения в школы детей крестьян, приобретение азбук и часословов для них на собранные миром деньги, обязывание сельских попов обучать крестьянских детей грамоте.

Если словесные школы были открыты В. Н. Татищевым по собственной инициативе, то арифметические — с санкции Берг-

коллегии, потому что Татищев хотел обучать в них детей дворян, проживавших в Тобольске и ближайших к нему слободах, и подьяческих детей Кунгурского уезда, находившихся в ведении гражданских властей Вятской провинции, поскольку именно среди них надеялся набрать обученных грамоте детей. Берг-коллегия, не имевшая права распоряжаться дворянскими детьми, заинтересованная в подготовке квалифицированных кадров для заводов, рядом своих указов разрешила прием детей подьячих, церковнослужителей, детей крестьян, а «скудных и маломошных хоть неволею». Берг-коллегия санкционировала и назначение казенного жалованья учащимся горнозаводских школ.

В арифметическую школу Уктусского завода забирались дети, обученные грамоте, с этого завода, с Алапаевского, из 7 слобод, приписанных к этим заводам. После того, как новый глава заводов В. И. Геннин в феврале 1723 г. добился передачи Каменского завода от Сибирской губернской власти под контроль горного ведомства, по его приказу сразу же был организован очередной сбор детей и с этого завода, включая приписные к нему слободы и остроги. Пополнялась школа и за счет учеников, обученных грамоте в словесных школах Уктусской и Алапаевской. На Уктусе с мая 1721 по март 1724 г., в течение трех лет, обучалось арифметике по меньшей мере 62 ученика, наиболее успешные успели пройти и геометрию, и рисование.

В Кунгуре арифметическая школа действовала с октября 1721 г. по июнь 1725 г. Основной состав ее учащихся — дети церковнослужителей Кунгурского уезда. Надежды Татищева, что ее легко можно будет наполнить овладевшими грамотой детьми церковнослужителей, не оправдались. Кампания по сбору детей в школу показала, что 47% из них оказались не готовыми к обучению арифметике из-за не завершения обучения даже чтению. Духовенство в 1721 г. еще не спешило с раннего возраста обучать своих детей, новое законодательство, обязывающее его к этому, еще не было ему известно. Опять-таки благодаря В. Н. Татищеву заводские власти приложили все усилия по привлечению этих детей в школы своего ведомства и опередили действия властей духовных, более того, вступили с ними в борьбу за этих детей, несмотря на появление общероссийского законодательства, предписывавшего им учиться только в архиерейских школах.

Уральские горные власти в условиях отсутствия свободных людей, не определенных к делам, сумели решить проблему

обеспечения словесных школ учителями путем использования дьяконов и дьячков, подъячих, занятых своими основными обязанностями, в качестве учителей за дополнительную плату. В арифметических школах поручили обучение «посовместительству» заводским шихтмейстерам, выпускникам московской Артиллерийской школы, с 1723 г. в Уктусскую школу был назначен их однокашник как первый «освобожденный» учитель.

В феврале 1723 г. в Уктусской арифметической школе было впервые введено для учеников, приступивших к геометрии, параллельное обучение отдельным специальностям путем распределения по два человека к мастерам, в том числе контрактерам-иностранцам, — плавильному, гармахерскому делу, доменному, пробе руд, лекарскому искусству. В этом же году началось распределение учащихся и Кунгурской школы к обучению заводским делам. Благодаря этому десятки выпускников овладели новыми специальностями и стали известными мастерами своего дела. Многие ученики использовались временно для письма в Канцелярии, конторах, для записи выдачи заводских припасов, учета выполненных работ при строительстве новых заводов, на рудниках, у плавильных дел и т. п. и тем самым сыграли роль спасительного якоря, обеспечившего продолжение нормального функционирования тех или иных учреждений и проведения горных и заводских работ.

Но следует признать, что вопрос с оплатой труда учителей и материальной поддержкой школьников в первые годы деятельности школ был решен не лучшим образом. В Алапаевской школе оклад учителя-дьякона зависел от собранных средств с населения и был ниже, чем в Уктусской, хотя и там составлял всего 9 руб. в год. Учащиеся получали по 1 руб. в год на одежду и обувь и ежемесячно по 1,5 пуда ржаной муки, и то лишь сироты или взятые в школы из дальних мест. А последним приходилось еще платить за постой у чужих людей, за приготовление пищи. В какой-то мере это объяснялось общими условиями жесточайшей экономии на оплате труда всех работников заводов в условиях запущенного их состояния, а затем в условиях интенсивного строительства новых предприятий, когда заводы еще не приносили прибыли.

Сравнение организации горнозаводских школ как нового вида начальных учебных заведений с другими их видами позволяет говорить о большом внимании уральских властей к их организации,

постоянном пополнении их новыми учащимися, стремлении вернуть на школьную семью совершивших побег, не вернувшихся из отпуска. Горное ведомство дорожило учениками, понимая их важную роль как будущих работников, овладевших основами грамоты и математики.

Ясно, что открытие школ на территории горного ведомства привело к широким масштабам территориальной мобильности молодого поколения — дети собирались с обширной территории, со всех трех казенных заводов и приписных к ним слобод. Подростки надолго теряли связь с родным домом, но одновременно школьное обучение становилось для них своеобразным социальным лифтом, давало возможность изменить положение в обществе, повысить свой социальный статус.

Дети духовенства Кунгурского уезда покинули свое сословие и приобрели статус приказных служащих горнозаводского ведомства либо заводских специалистов. Двое из учащихся школы впоследствии выступили и в качестве учителей. Ряд выпускников стали известными специалистами, горными офицерами, заняли видные должности в административном аппарате, а начинавшие писчиками — дослужились до канцеляристов и секретарей.

В целом первые школы выполнили свою главную задачу — обеспечили деятельность заводов в первой четверти XVIII в. В октябре 1723 г. в Наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову, разработанному В. Н. Татищевым и утвержденному В. И. Генниным, они получили широкую программу своего дальнейшего развития.

Сравнение горнозаводских школ с другими видами начальных учебных заведений России позволяет говорить о том, что они заняли достойное место среди них, их отличало наличие норм, регламентирующих их деятельность с момента открытия, большое внимание положениям о нравственном воспитании, проповеди доброго отношения учителей к своим подопечным. Можно говорить об активной позиции уральского начальства по привлечению как можно более широкого круга детей в эти школы, вниманию к процессу их обучения, стремлению использовать их в интересах горнозаводского ведомства.

Список

источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

1. Опубликованные

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М.: Государственное издательство «История заводов», 1937. 681 с.

Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. /Автор вступит статьи и комментариев, составитель М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995. 467 с.

Кириллов И. К. Цветущее состояние Российского государства. М.: Наука, 1977. 444 с.

Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / сост.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. 628 с.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр.1. СПб.: Типография 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.

Т. 5. № 2762, 2778, 2971, 3122.

Т. 6. № 3575, 3703, 3718, 3854, 3932, 4021, 4105.

Т. 43. № 3511.

Сафронова А. М. Горнозаводская администрация Урала в постпетровскую эпоху: новые данные // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1372–1386.

Сафронова А. М. Инструкция В. Н. Татищева 1721 г. о порядке школьного преподавания // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск [б. и.], 1975. С. 95–98.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. СПб., 1887.

Татищев В. Н. Записки. Письма 1717—1750. М. : Наука, 1990. 440 с.

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 464 с.

2. Неопубликованные

Государственный архив Пермского края (ГАПК).

Ф. 544 (Пермское горное начальство). Оп. 1. Д. 6.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24 (Уральское горное начальство).

Оп. 1. Д. 4, 4а, 5, 6, 10, 15, 16, 19, 20, 22, 23а, 26, 28, 33, 37, 47, 52, 64, 76, 148, 164, 365, 562, 577а, 624, 691, 692, 857, 1128.

Оп. 2. Д. 5, 15, 147, 269.

Оп. 12. Д. 10, 31, 32, 193, 194, 195, 199, 215, 1636а.

Ф. 27 (Каменский чугуноплавильный завод). Оп. 1. Д. 2, 8.

Ф. 29 (Уктусский золотопромывательный завод). Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 40, 47, 49, 51, 55, 97

Ф. 38 (Екатеринбургская заводская контора). Оп. 1. Д. 2, 4, 6, 28.

Ф. 56 (Контора Екатеринбургского монетного двора). Оп. 1. Д. 6.

Российский государственный завод древних актов (РГАДА).

Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 17. Д. 1527; Оп. 22. Д. 1510.

Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 611, 616, 618, 620, 621, 640, 751, 758, 1036

ЛИТЕРАТУРА

Белокуров С. С., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907. № 1. С. 9—244;

Бенда В. Н. Роль Я. В. Брюса в развитии артиллерийско-инженерных школ в первой четверти XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 124.

Бенда В. Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 29—35.

Бенда В. Н. Гарнизонные военные школы в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 4. Ч. 2. С. 33—36.

Бескровный Л. Г. Военные школы в России первой половины XVIII в. // Ист. записки. 1953. Т. 42.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // В. Н. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45—98.

Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л.: ЛГПИ, 1957. 219 с.

Вехи истории : К 250-летию Свердловска / сост. А. Г. Козлов. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 127 с.

Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII—начало XX в.). Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 406 с.

Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб. : Летний Сад; Коло, 2001. 800 с.

История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1868. № 1.

Киселев М. А. Государственная деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевского завода) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 3. С. 31—39.

Киселев М. А. Наказ казначею Ф. Каченовскому и шихтмейстеру А. Братцову и реформа управления Уктусским заводом 1721 г. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Екатеринбург, 4—5 декабря 2014 г.: В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2014. С. 189—195.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М.: Археографический центр, 1998. 440 с.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начало XX века. Биографический справочник. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство., 1981. 224 с.

Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск : Наука, 1974. 252 с.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723—1781 гг.). 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. 102 с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. 280 с.

Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2014. 288 с.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга : Банк культурной информации., Екатеринбург, 2005. 274 с.

Корепанов Н. С. Пермь заводская, 1723—1781. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. 108 с.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1973. 376 с.

Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 536 с.

Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М. : Гудок, 1944. 120 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. / Отв. ред. М. Ф. Шабаева. М. : Педагогика, 1973. 605 с.

Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М. : Медгиз, 1959. 272 с.

Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. СПб. : Т-во «Общественная польза», 1862. Т. 1. 596 с.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.). Екатеринбург : Издательство «Волот», 2007. 608 с.

Редин Д. А. Вторая областная реформа Петра Великого и становление уральской горно-заводской администрации // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. 2004. № 31. С. 45—59.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Вып. 7. С. 59—75.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с.

Сафронова А. М. Первые арифметические школы Урала (1721—1725) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. 2022. Т. 24. № 1. С. 118—132.

Сафронова А. М. Первые школы Полевского завода: словесная и арифметическая (1735—1750-е гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3 (27). С. 7—20.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и организация первых словесных школ на Урале // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 482—496.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 298.

Сафронова А. М. Уровень образованности учителей Екатеринбургской арифметической школы первой половины XVIII века // Педагогическое образование в России. 2019. № 8. С. 6—11.

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 173—197.

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки : История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2015. № 1 (136). С. 112—126.

Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник. СПб. : Алетей, 2022. 446 с.

Чупин Н. К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь : Тип. губ. правления, 1882. 257 с.

Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург : Типолиитография и переплетная А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1879. [4], 396, [6] с.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М. : Наука, 1985. 367 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. УКТУССКАЯ СЛОВЕСНАЯ ШКОЛА КАК ОСНОВНОЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ ДЕТЕЙ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА (1721—1725).....	14
Глава 2. АЛАПАЕВСКАЯ СЛОВЕСНАЯ ШКОЛА: УЧИТЕЛЯ И УЧАЩИЕСЯ (1721—1724).....	44
Глава 3. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТКРЫТИЮ ШКОЛЫ ПРИ КАМЕНСКОМ ЗАВОДЕ (1723—1724)	64
Глава 4. ШКОЛЫ В ПРИПИСНЫХ К ЗАВОДАМ СЛОБОДАХ КАК ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ РОССИИ 20-Х ГГ. XVIII В.....	77
Глава 5. УКТУССКАЯ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....	89
Глава 6. КУНГУРСКАЯ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА.....	135
Глава 7. ВИДЫ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И МЕСТО ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА СРЕДИ НИХ	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	198

Научное издание

Сафронова Алевтина Михайловна
ГОРНОЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII века

Редактор и корректор Е. Д. Бугрова
Макет А. А. Сафронов

Электронное сетевое издание
размещено в электронном архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>

Дата выхода в свет 19.12.2022 г.
Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 7,20 Объем данных 2,95 МБ.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

САФРОНОВА Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Автор более 230 научных работ по источниковедению и истории культуры и образования на Урале и в России, в том числе 12 монографий (двух коллективных), 48 статей в энциклопедических изданиях: «Российской педагогической энциклопедии: в 2 т.» (Москва, 1993—1999), «Уральской исторической энциклопедии» (2000), «Екатеринбург. Энциклопедия» (2002).

Статьи и монографии А. М. Сафроновой посвящены истории грамотности населения Урала, истории горнозаводских школ Урала, системе учебных заведений Урала XVIII — начала XX вв., вкладу В. Н. Татищева в развитие просвещения в России первой половины XVIII в., анализу документов как исторических источников, в частности школьного законодательства, документов органов управления заводами, регламентировавших деятельность учебных заведений. Особая тема научных интересов А. М. Сафроновой: история библиотек и книжных собраний Екатеринбурга, в том числе личной библиотеки В. Н. Татищева, переданной им в 1737 г. в пользу города, что значительно усилило уникальный характер Екатеринбургской библиотеки Горного ведомства как крупнейшего собрания провинциальной России на иностранных языках.

Успех не за

